

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

СКАЧКОВ Владислав Сергеевич

**РИСКИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

Специальность 1.6.13 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
к.г.н., доц. Заяц Дмитрий Викторович

Москва – 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты изучения дезинтеграции	13
1.1.1. Трудности определения дезинтеграции.....	13
1.1.2. Дезинтеграция и сецессионизм	15
1.1.3. Дезинтеграция и регионализация.....	18
1.1.4. Дефиниция понятия «риск пространственной дезинтеграции»	20
1.2. Факторы пространственной дезинтеграции.....	22
1.3. Модели тотальной дезинтеграции государственного пространства.....	42
1.4. Методика расчета рисков пространственной дезинтеграции	48
Глава 2. Характеристика факторов пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки	54
2.1. Исторический фактор	54
2.2. Социально-экономический фактор	58
2.3. Внутриполитический фактор	66
2.4. Этнокультурный фактор	69
2.5. Транспортный фактор	75
2.6. Военно-стратегический фактор.....	82
2.7. Внешнеполитический фактор.....	86
Глава 3. Определение рисков пространственной дезинтеграции в отдельных странах Латинской Америки	89
3.1. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Венесуэле	91
3.2. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Мексике	104
3.3. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Чили	128
3.4. Математическая обработка результатов расчета рисков пространственной дезинтеграции	147
3.4.1. Корреляционный анализ	147
3.4.2. Метод главных компонент.....	149
Заключение.....	154
Список использованной литературы:.....	158
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	184

Введение

Актуальность темы исследования. С неоднородностью государственной территории сталкиваются большинство стран мира. Однозначно ответить на вопрос о положительных и отрицательных аспектах возникающей неоднородности затруднительно, скорее можно утверждать о некотором квазистационарном балансе плюсов и минусов, проистекающих из разнообразия ландшафтов, динамики социально-экономического развития, политических предпочтений населения разных регионов и других индикаторов неоднородности государственной территории. Есть мнение (его высказывали Ф. Тётлинг, А. Ромеро, Дж. Эдвардс, А. Родригес-Посе, В. фон Берлепш, Х. Монталво, М. Рейналь-Кероль, А. Алесина, Э. Сполаор и др.), что гетерогенность государственного пространства может приводить к усилению культурного обмена, что она положительно влияет на экономический рост страны в целом и приводит к оформлению экономической специализации частей страны. С другой стороны, сложно оспорить тот тезис, что гетерогенные государства обычно характеризуются более высоким уровнем конфликтности, отличаются большей нестабильностью в социальном и политическом плане, а главное – они более подвержены пространственной дезинтеграции.

В контексте дихотомии процессов интеграции и дезинтеграции, изучению последних уделяется существенно меньшее внимание, хотя события последних лет дают основания предполагать дальнейшую актуализацию дезинтеграционной проблематики в связи с кризисом глобализационной парадигмы. Вне зависимости от этого подавляющее большинство исследований, рассматривающих интеграцию и дезинтеграцию на уровне стран, в качестве объекта исследования выбирают государство и надгосударственные образования, в то время как внутригосударственные центробежные тенденции изучены пока недостаточно. Более того, в исследованиях наблюдается недостаток инструментов анализа внутренних дезинтеграционных процессов, аккумулирующих подходы разных научных

областей (экономической, политической, социокультурной, физико-географической и т.д.). Давно назрела необходимость разработки комплексной и универсальной методики оценки масштабов дезинтеграции, которая бы учитывала сложность и многообразие государственного пространства, с одной стороны, а с другой – опиралась бы на доступные статистические показатели и могла быть апробирована и верифицирована широким кругом исследователей. Комплексное изучение дезинтеграционных процессов в рамках государства позволяет быстрее выявлять и купировать риски неравномерного развития разных частей государственного пространства, минимизировать многочисленные риски, связанные с потенциальной внутривластной турбулентностью.

В рамках этой работы под пространственной дезинтеграцией подразумевается *ослабление, нарушение и возможное последующее разрушение системообразующих (экономических, политических, транспортных и др.) связей между регионами государства.*

Процессы интеграции и дезинтеграции сосуществуют в диалектическом взаимодействии, но по-разному выражают свою интенсивность на разных уровнях. Важной проблемой остается оценка влияния гетерогенности социально-политического пространства на различные системообразующие связи между регионами государства. Поскольку с течением времени показатели, маркирующие важнейшие аспекты жизнедеятельности общества (уровень жизни, этнокультурные особенности, электоральные предпочтения, транспортная связность и др.) изменяются, то и связи между регионами могут усиливаться или ослабляться. В исследовании выдвигается **гипотеза**, что риски пространственной дезинтеграции в стране подчиняются географическим закономерностям.

Под риском пространственной дезинтеграции в работе понимается *потенциально измеримая возможность наступления неблагоприятных последствий нарушения и разрушения системообразующих связей между частями государства.* Детерминация как общего уровня дезинтеграции в

стране, так и выявление наиболее предрасположенных к дезинтеграции регионов – важная государственная задача, которая должна находить отражение в региональной политике. Это важно вне зависимости от глобального интеграционного или дезинтеграционного тренда: регионы страны могут по-разному вовлекаться в процессы глобализации и регионализации, выявляя противоречия между национальным и субнациональным уровнями.

Научную новизну исследования составляет разработка методики оценки рисков пространственной дезинтеграции на основе выделенных универсальных факторов, а также апробация этой методики на субнациональном уровне. Важными особенностями разработанной методики является: а) универсальность, под которой понимается возможность оценки рисков пространственной дезинтеграции для любого государства мира; б) доступность – отобранные маркеры дезинтеграции входят в перечень базовых статистических параметров или легко вычисляются по открытым данным.

Важно четко определить **пространственные и временные рамки исследования**. Осознавая сложность разработки единой методики сразу для всех стран мира, было принято решение апробировать предложенную методику на примере стран Латинской Америки, как региона, занимающего промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами по основным социально-экономическим показателям. К таковым можно отнести показатели ВВП на душу населения, ИЧР, воспроизводства населения, длительности политической независимости и др. С одной стороны, Латинская Америка сравнительно гомогенна: в регионе имеются социокультурные и политические доминанты – католицизм и испанский язык, президентская республика как предпочитаемая форма правления, экстрактивистская модель экономического развития, относительно стабильные государственные границы. С другой стороны, для этого региона характерны сильнейшие контрасты между богатыми и бедными слоями

населения, между столицей и периферией, между потомками индейцев и креолами. В рамках противоречивого, но при этом относительно зрелого и стабильного региона разработка и применение предлагаемой методики представляет собой нетривиальную исследовательскую задачу.

В рамках данной работы под Латиноамериканским регионом подразумеваются 20 государств, в которых в качестве официальных приняты романские языки (испанский, португальский и французский). Это Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор. В исследовании не рассматривались бывшие и нынешние колонии нероманских государств – Великобритании, Нидерландов и США. Данные государства отличаются иной культурной средой и особенностями конфессионального состава (преобладание германских языков и протестантизма), они получили независимость существенно позднее крупнейших стран региона.

Для углубленного исследования рисков пространственной дезинтеграции были выбраны три страны – Мексика, Чили и Венесуэла. Эту выборку можно считать вполне репрезентативной для региона Латинской Америки по таким параметрам, как площадь и конфигурация территории, территориальные диспропорции и альтернативные полюса роста, политическая состоятельность государства, политическая стабильность, расово-этническая структура населения, опасность внешнеполитического вмешательства, уровень проявления сепаратизма и центробежных тенденций.

Объектом исследования выступают страны Латинской Америки, а **предметом** – риски пространственной дезинтеграции стран региона и их административно-территориальных единиц 1-го порядка.

Цель диссертационной работы заключается в определении рисков пространственной дезинтеграции стран Латинской Америки и их административно-территориальных единиц 1-го порядка в конце XX – начале

XXI вв. Для реализации поставленной цели сформулированы следующие **задачи**:

1) Уточнить понятие «пространственная дезинтеграция» и логически его размежевать с иными терминами, фиксирующими фрагментацию политического пространства государства.

2) Уточнить факторы пространственной дезинтеграции и выявить взаимосвязи между ними.

3) Разработать методику оценки рисков пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки.

4) Определить риски пространственной дезинтеграции для некоторых стран Латинской Америки.

5) Выявить единицы АД 1-го порядка с наиболее высокими рисками пространственной дезинтеграции для трех стран Латинской Америки – Венесуэлы, Мексики и Чили.

6) Устранить возможное дублирование факторов пространственной дезинтеграции с помощью корреляционного анализа и метода главных компонент.

Временные рамки проведенного исследования – с 1990-х до конца 2010-х годов. Исключение составляет лишь исторический фактор, анализ которого проводился для всего постколониального этапа существования стран Латинской Америки.

Авторский вклад заключается в разработке универсальной и доступной методики оценки рисков пространственной дезинтеграции, а также ее апробации на ряде стран Латинской Америки. Было уточнено определение «пространственной дезинтеграции», выделены сущностные признаки и отличия от иных терминов, фиксирующих дробление и фрагментацию политического поля государства. Были проанализированы существующие системы факторов сепаратизма и сепаратизма, выявлены пересекающиеся факторы и те факторы, которые имеют пространственную природу. Предложена система подсчета рисков для отдельной страны в

целом для проведения межстрановой сравнительной характеристики. Составлены 4 модели радикальных исходов пространственной дезинтеграции. В ходе апробации методики выявлен ведущий фактор пространственной дезинтеграции для всех стран-кейсов. Проведен корреляционный анализ между факторами пространственной дезинтеграции для 3 государств Латинской Америки и установлено, что в каждой из стран как правило, формируются оригинальные пары факторов со значимым уровнем корреляции ($r \geq 0,4$). Использован метод главных компонент для выявления оригинальных сочетаний факторов пространственной дезинтеграции и на основе этого были обозначены 2 типа регионов (АТЕ 1-го порядка) стран Латинской Америки с высокими рисками пространственной дезинтеграции.

Теоретико-методологическая база. Исследование опирается на достижения отечественной школы политической и социально-экономической географии, прежде всего на классические труды по ЭГП (Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз) и страноведению (И.А. Витвер), исследования территориально-политической организации общества (В.А. Колосов), феномена неконтролируемых территорий (А.Б. Себенцов), процессов политической регионализации (Р.Ф. Туровский, А.И. Трейвиш), сецессионизма (Ф.А. Попов), внутригосударственных территориально-политических расколов (И.Ю. Окунев), а также привлекаются работы по дезинтеграции на примере СССР историков Б.Н. Миронова, А.С. Пученкова. Среди зарубежных исследователей следует наиболее полно использоваться опыт Дж. Соренса, М. Морелла, Д. Ронера, работы которых посвящены дроблению и фрагментации политического пространства государства, а также труды Х. Бухауга, Дж. Рёда, Х. Хегре, Г. Эстби, К. Рэли, посвященные эволюции и трансформации сепаратистских движений в разных уголках земного шара. Помимо сугубо географических исследований, методология автора базируется на концептуальных разработках смежных наук – исследованиях электоральных разломов (С. Липсет и С. Роккан),

социологической теории пересекающихся конфликтов (Г. Зиммель и Л. Козер), а также научных трудах отечественных ученых-латиноамериканистов (Л.В. Дьякова, З.В. Ивановский, А.Е. Токарева, М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин и др.).

Методическая основа диссертации. В работе применялись следующие методы исследования: историко-географический, сравнительно-географический, статистический, научного моделирования, картографический на основе системного и структурно-функционального подходов политической регионалистики, хронологического и компаративистского подходов политической географии.

Информационно-эмпирическая база. В работе широко использованы статистические данные государственных ведомств и аналитические отчеты авторитетных международных организаций: 1) Аналитической службы правительственных структур американского макрорегиона (The World Factbook); 2) Управления по борьбе с наркотиками США (DEA); 3) Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL); 4) национальных статистических служб стран региона. Анализировались официальные сайты правительственных структур стран региона, а также российские и латиноамериканские средства массовой информации; монографии и диссертационные исследования, посвященные вопросам фрагментации и гетерогенности государственного пространства; материалы научно-практических конференций; картографические источники и космические снимки.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы заключается в том, что предложенная методика позволяет определять риски пространственной дезинтеграции для большинства стран мира. Результаты исследования могут быть интересны государственным структурам – с позиции предупреждения развития негативных сценариев пространственной дезинтеграции, а также бизнесу – с точки зрения оценки рисков вложения средств в развитие конкретной территории. Отдельные выводы работы

можно включить в учебные курсы «Политическая география и геополитика» и «Социально-экономическая география стран Латинской Америки».

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на десяти научно-практических конференциях и семинарах: XXIII семинаре ИГ РАН – МГУ имени М.В. Ломоносова «Новые точки роста географии мирового развития» (г. Москва, 2019); Политико-географическом научном круглом столе «Электоральная география зарубежных стран» (г. Москва, 2020); Политико-географических чтениях имени О.В. Витковского (г. Москва, 2020); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Пятые Максаковские чтения» (г. Москва, 2020); Вторых политико-географических чтениях имени О.В. Витковского (г. Москва, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Шестые Максаковские чтения» (г. Москва, 2021); конференциях «Современные проблемы мирового развития: региональные и отраслевые аспекты» (г. Москва, 2022), «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания («Восьмые Максаковские чтения»)» (г. Москва, 2023), «ИнтерКарто. ИнтерГИС 29» (г. Улан-Удэ, г. Улан-Батор, 2023), «Четвертые политико-географические чтения имени О.В. Витковского» (г. Москва, 2023).

Публикации. По теме диссертационного исследования автором опубликовано 11 научных статей общим объёмом 12 п. л., в том числе 7 работ в изданиях, рекомендованных для защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук Положением МГУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений. Диссертация изложена на 189 страницах, в ней имеются 8 рисунков, 15 таблиц и 2 приложения. Список литературы состоит из 160 наименований, в том числе 83 на иностранных языках.

Основные положения и результаты, выносимые на защиту

1. Пространственной дезинтеграции, как процессу, свойственен полиморфизм, большая инерционность и пространственный детерминизм, чем для сецессионизма, регионализма и других процессов фрагментации. Ослабление системообразующих связей между частями государства происходит под воздействием факторов, имеющих пространственную природу.
2. Величина риска пространственной дезинтеграции для страны рассчитывается на основе коэффициента, являющегося суммой значений рисков, вызываемых отдельными факторами. Риск по каждому фактору определяется долей населения страны, проживающего в регионах, имеющих самые сильные отклонения от средних значений по стране.
3. Величина рисков пространственной дезинтеграции различается в разных странах и изменяется со временем. Для каждой из отобранных для детального анализа пространственной дезинтеграции стран (Мексика, Чили, Венесуэла) характерна оригинальная композиция разных факторов в общей величине рисков пространственной дезинтеграции.
4. В каждой из трех подробно исследованных стран (Венесуэла, Мексика, Чили) выявлены 1-3 единицы АТД, сочетающих высокие риски по 4 и более факторам пространственной дезинтеграции. Как правило, такие регионы удалены от столицы и занимают приграничное положение. Регионы, обладавшие высокими рисками пространственной дезинтеграции в прошлом, обычно сохраняют или даже усиливают свою гетерогенность.
5. Ведущая роль в архитектуре факторов пространственной дезинтеграции трех рассмотренных стран принадлежит территориальным диспропорциям социально-экономического развития. Показатель ИЧР сформировал устойчивые корреляции с маркерами остальных факторов пространственной дезинтеграции. Выявленные математической обработкой данных три главные компоненты свидетельствуют о наличии двух типов субнациональных

регионов с высокими рисками пространственной дезинтеграции: «сырьевых
рантье» и «внутренней периферии».

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты изучения дезинтеграции

1.1. Дефиниция понятий «пространственная дезинтеграция» и «риск пространственной дезинтеграции»

1.1.1. Трудности определения дезинтеграции

На сегодняшний день пространственная дезинтеграция оказалась в фокусе сразу нескольких научных направлений: экономики, политологии, социологии, философии, политической географии.

Кажущаяся простота понятия «дезинтеграция» позволяет исследователям не утруждать себя его глубокой разработкой. Однако, при анализе работ, где дана трактовка дезинтеграции, можно выделить единые существенные признаки понятия, несмотря на его употребление в рамках различных дисциплин.

Например, отечественные политико-географы В.Н. и Н.В. Каледины под дезинтеграцией понимают процессы, ведущие к распаду, деградации и трансформации в единой системе [Каледин, Каледин, 2017], а экономисты М.С. Бедакова и И.Л. Растопчинова трактуют дезинтеграцию как распад, разделение на части целостной структуры, ослабление и нарушение связей в единой системе [Бедакова, Растопчинова, 2015]. Экономико-географ П.Я. Бакланов выделяет пространственный аспект явления: «дезинтеграционные процессы – это разобщение связности на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровне» [Бакланов, 2002]. Наконец, другой экономико-географ М.Д. Горячко понимает дезинтеграционные процессы как «процессы, увеличивающие неоднородности и приводящие к вымыванию наиболее слабых элементов и разрушению системообразующих связей» [Горячко, 2006].

Анализ зарубежных исследований дезинтеграции крайне труден. Публикационная активность, связанная с термином «disintegration» имеет два ярко выраженных временных пика: в середине 1990-х, связанный с коллапсом коммунистической системы и осмыслением центробежных

процессов, происходящих в странах социалистического блока, а также во втором десятилетии нынешнего века, порожденный, прежде всего, Brexit. К сожалению, несмотря на используемый в названии работ термин, авторы редко приводят свою дефиницию понятия «дезинтеграция».

Наиболее близким по смыслу оказалось понятие «territorial disintegration», фигурирующее в нескольких работах. Прежде всего, им оперирует Р. Ли, определяя территориальную дезинтеграцию как «крах государственной организации, отвечающей за поддержание контроля и стабильности на территории, в результате чего открываются возможности для элиты и других групп бороться за контроль над территорией» [Ли, 2002]. В схожем ключе мыслит и Л. Гуре, который считает дезинтеграцию синонимом распада государства, то есть потерей способности центра управлять территорией [Гуре, 1994].

Как можно заметить, в общественной географии под дезинтеграцией понимается нарушение и деструкция связей внутри каких-либо территориальных систем с их потенциальным последующим коллапсом. В настоящей работе под пространственной дезинтеграцией подразумевается *нарушение экономических, политических и транспортных связей некоторого ареала (как правило, единицы АДД первого порядка) с другими территориями того же государства (в том числе и со столицей)*. Данные нарушения возникают вследствие разнородности пространства (его политического, социально-экономического, историко-культурного и природного измерений), в котором обитает человеческое сообщество.

Важно оговорить некоторые аспекты масштаба исследования, качественно отличающиеся от уже имеющихся работ. На сегодняшний день подавляющее большинство географических исследований, использующие термин «дезинтеграция», проводятся на надгосударственном или межгосударственном уровне. Исследования подобного рода анализируют изменения структуры важнейших экономических и политических союзов, прогнозируют тренды развития межгосударственных объединений в

результате включения или выхода отдельных стран и др. В рамках данной работы изучается дезинтеграция на внутристрановом уровне на материале административно-территориальных единиц 1-го порядка

Рис. 1. Виды интеграции и дезинтеграции [составлено автором]

Поясняя представленную выше схему, следует очертить логическое поле исследований. Несмотря на то, что дезинтеграция и интеграция в общем смысле являются парагенетическими процессами (т.е. возникновение одного возникает лишь при существовании другого), в работе рассматривается дезинтеграция по сравнению с квазистационарным состоянием системы (государства). Под квазистационарным состоянием понимается такое состояние системы, в котором не наблюдается явного преобладания одних процессов над другими.

1.1.2. Дезинтеграция и сецессионизм

Важно отметить, что внутригосударственная дезинтеграция не тождествена сецессионизму или сепаратизму. Опираясь на глубоко проработанный Ф.А. Поповым терминологический аппарат, раскрывающий нюансы употребления терминов, характеризующих дробление политического пространства государства, сецессию можно обозначить как один из вариантов крайней формы проявления пространственной дезинтеграции [Попов, 2015]. Однако следует принять во внимание, что пространственная

дизинтеграция обладает определенным «полиморфизмом» в плане проявлений. К ее аспектам можно отнести: усиление контрастов в уровне жизни между регионами страны, появление электоральных разломов и расколов политических элит (по линиям «регион-регион» или «столица-периферия»); концентрация населения отдельной расовой, этнической или культурной группы в конкретном ареале и «вымывание» представителей иных этнокультурных общностей; разрушение транспортных сетей – разборка железных дорог, выведение из эксплуатации аэродромов, бездорожье; наконец, размещение военного контингента зарубежных стран и большая зависимость приграничных территорий от государства-соседа, чем от соседних регионов своей страны.

Политико-географы оставили значительный теоретико-методологический задел, который можно использовать в качестве отправной точки исследования, направленного на выявление регионов, риск дезинтеграции которых может, как минимум, тормозить развитие государства, а как максимум – привести к формированию новых суверенных политических образований. Однако работ, которые предлагают разработанную систему факторов дробления политического пространства государства в том или ином виде, не так много. Стоит отметить, что имеющиеся подходы интересуют не только географов, но встречаются в смежных науках (политология, социология).

Анализируя имеющиеся теоретические наработки, можно отметить, что взгляды географов и исследователей из других предметных областей частично пересекаются. На сегодняшний день исследователи процессов сепаратизма/сецессионизма предлагают следующие наборы факторов.

Таблица 1. Факторы сепаратизма или сецессионизма, выделяемые отдельными авторами

Исследователи	Выделяемые факторы сепаратизма/сецессионизма
К. Уир [Wheare, 1966]	1) предшествующее существование в виде отдельной политической единицы; 2) экономические диспропорции и различия в социально-экономическом положении регионов; 3) географическая изоляция
Р. Паддисон [Paddison, 1983]	1) степень национальной мобилизации; 2) степень децентрализации производства, размер территории; 3) число обособленных социальных групп; 4) различия в социальной структуре; 5) различие природно-ресурсного потенциала; 6) удаленность от столицы; 7) наличие субъекта требования независимости; 8) степень контроля за экономикой на местах; 9) этническая однородность 10) местная демографическая стабильность
А. Авраменко [Авраменко, 1997]	1) социально-политическая активность; 2) социально-экономический; 3) самоорганизации; 4) политической ориентации; 5) глокализации; 6) политического противостояния; 7) недоверие к центральному органу власти; 8) регионализации элит; 9) демографический; 10) миграционной политики
Д. Заяц [Зяц, 1999]	1) этноконфессиональный; 2) социально-экономический; 3) природных границ; 4) геополитический; 5) общественной мобилизации; 6) наличие потенциальной правящей элиты, организации или лидера; 7) исторический
Ф. Попов [Попов, 2012]	1) псевдоэтнический; 2) внешнеполитический; 3) конфессиональный; 4) личного авторитета; 5) административных границ; 6) территориальной изолированности; 7) исторический; 8) экономический

Несмотря на отличия в интерпретации факторов, можно заметить, что почти все исследователи уделяют внимание аспектам социально-экономического развития территории, вопросам этнического или конфессионального (либо этноконфессионального) характера, а также сугубо географическим факторам, таким как пространственная изолированность. Если учитывать рассмотренные работы (сюда не стоит включать работу Уира ввиду малого числа выделяемых факторов сепаратизма), то в них повсеместно встречается фактор влияния извне, называемый внешнеполитическим или геополитическим, а также рассматриваются исторические предпосылки к развитию сецессионистских движений.

Важно сразу в смысловом плане отделить факторы дезинтеграции от факторов сепаратизма. В своих исследованиях Р. Паддисон, А. Авраменко,

Д. Заяц учитывают негеографические факторы развития центробежных тенденций. Таковыми можно считать общественную мобилизацию (у Зайца), число обособленных социальных групп (у Паддисона), наличие политической элиты, готовой взять ответственность за руководство регионом в случае удачного акта сепарации (в той или иной формулировке встречается у Зайца и Авраменко) и т.д. [Paddison, 1983; Авраменко, 1997; Заяц, 1999]. Все вышеуказанные перечни включают важные признаки сепаратизма, но они останутся лишь латентными и потенциальными при отсутствии факторов, воплощённых в пространстве – этноконфессиональной неоднородности, территориальных диспропорций социально-экономического развития, исторических особенностей складывания государственной территории. Отсюда следует важное положение о том, что дезинтеграция развивается объективно, в относительной независимости от общественного сознания, в то время как сепаратизм – это целенаправленная деятельность определенных политических групп, реализующих потенциал существующих рисков дезинтеграции.

1.1.3. Дезинтеграция и регионализация

Близкими к исследованию дезинтеграционных процессов на субнациональном уровне являются теоретические работы, посвященные вопросам регионализации и регионализма. Как отмечает Р.Ф. Туровский, порой данные термины употребляются в качестве синонимов, что не совсем верно. Регионализация – процесс пространственной дифференциации и определенного структурирования пространства, тогда как регионализм – политический результат или эффект этой дифференциации [Туровский, 2006].

С точки зрения таких исследователей регионализации, как О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш, Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев, процесс дифференциации и структурирования пространства представляется в виде диалектического соперничества между концентрацией и деконцентрацией,

которые в конечном счете ведут к расслоению и накоплению набора различных явлений. В этом случае регионы в государстве испытывают стратификацию и как следствие – поляризацию ввиду возникновения противоречий между различными стратами регионов [Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991; Гладкий, Чистобаев, 2017]. Подобно процессам сепаратизма, регионализм инициируется рядом факторов. Например, Гладкий и Чистобаев выделяют следующие факторы регионализма: этнический, демографический, конфессиональный, расселения, политико-географический и фактор природной среды [Гладкий, Чистобаев, 2017].

Отдельного внимания заслуживает модель иерархии регионалистских движений, разработанная отечественным политико-географом В.А. Колосовым. Согласно ей, регионализм и сепаратизм укладываются в рамки единого континуального тренда, отличия между ними заключаются лишь в интенсивности проявления центробежных процессов. Автор этой модели указывает, что регионализм – низшая стадия развития сепаратистских настроений общества, выражающихся в подтверждении этнокультурной самобытности населения района, а сепаратизм – это уже требование независимости данного района от материнского государства. Именно единством природы регионализации и сецессионизма, как различных этапов дезинтеграции, объясняется частое совпадение факторов, способствующих появлению и развитию данных процессов [Колосов, 1992].

Регионализм, сецессионизм и другие формы дробления пространства, как проявления пространственной дезинтеграции, сближает их общая логическая связь с такими свойствами государства, как суверенитет и способность контролировать территорию. Пока существует так называемое «право наций на самоопределение», дезинтеграция будет возникать как де юре, так и де факто.

Геополитик К.В. Плешаков геополитическим (или силовым) полем государства считает пространство, контролируемое государством. Динамичный характер этого поля, его неоднородность, дискретность,

столкновение с геополитическими полями других государств отражаются на его усилении/ослаблении. В рамках настоящего исследования предполагается, что именно динамика геополитического поля государства оказывает решающее воздействие на запуск механизма дезинтеграции и его исход [Плешаков, 1994; Окунев, 2019].

1.1.4. Дефиниция понятия «риск пространственной дезинтеграции»

Риск – явление, пронизывающее все сферы человеческой деятельности. В работе Мархгейм и Новиковой утверждается, что с рисками человек сталкивается регулярно, а их появление и проявление в разных сферах обязывает исследователей не только разрабатывать понятийно-терминологический аппарат риска в узком смысле конкретной науки, но и вносит вклад в универсальную теорию рисков, так называемую рискологию [Мархгейм, Новикова, 2013].

Использование понятия «риск» подразумевает свои нюансы в контексте отдельной науки (страховые, экологические, правовые риски), можно выделить трактовки, наиболее близкие к теме исследования. Например, С.О. Алехнович подразумевает под риском возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта. Автор отделяет «риск» от «вызова» именно негативной составляющей («вызов» может привести и к положительным последствиям), а также от «опасности» и «угрозы» меньшей осязаемостью, индетерминированностью предполагаемого сценария [Алехнович, 2007].

Это исследование перекликается с наработками И.П. Корякина, считавшего рисками всякую измеримую вероятность наступления отрицательных событий. Эксперт считает, что измеримость – это имманентная составляющая риска, поскольку негативность невозможно определить, если явление не поддается измерению, оценке [Корякин, 2009].

Профессор В.В. Глущенко выделяет категорию «геополитического риска», который он определяет, как «возможность ухудшения

геополитического положения государства и нации, снижения жизненной энергии этноса по любым из возможных причин» [Глущенко, 2006].

Наконец, итогом терминологического анализа, выполненного Мархгейм и Новиковой, стало междисциплинарное определение риска как сочетания положительных или отрицательных отклонений от запланированного результата. Авторы отмечают, что многие исследователи, формулируя определение, фокусируют внимание именно на негативных последствиях, упуская из внимания потенциально положительные изменения. Отдельного внимания заслуживают работы, которые проясняют нюансы в использовании терминов «риск» и «неопределенность».

Ф. Найт в работе «Риски, неопределенность и прибыль» разделяет вышеуказанные термины: «Оказывается измеримая неопределенность, или собственно «риск», настолько отличается от неизмеримой, что по существу вообще не является неопределенностью. Соответственно мы ограничим употребление термина «неопределенность» случаями не количественного рода» [Найт, 2003]. Найт не включал в понятие риска уникальные ситуации, когда нет возможности оценить ее вероятность априорно или эмпирическим путем.

Таким образом смысловое ядро разбираемого понятия связано с измеримостью, возможностью, вероятностью чего-либо, что ведет к негативным последствиям (однако однозначного мнения на этот счет нет – может приводить и к позитивным) по причине происшествия какого-либо события, процесса, усилия.

Поскольку в рамках исследования термин «риск» связан с пространственной дезинтеграцией, то финальная формулировка такова: риск пространственной дезинтеграции – это измеримая возможность наступления негативных последствий при ослаблении и разрушения системообразующих связей между регионами государства. В то же время важно уточнить отличие «риска пространственной дезинтеграции» от «рисков» в принципе. Прежде всего риски пространственной дезинтеграции не предполагают чистую

математическую вероятность свершения событий, а носят компаративистский характер. Расчеты рисков в данной работе позволяют утверждать, что связи в одном государстве слабее, чем связи внутри другого государства, *но не предполагают на сколько*. С другой стороны, оценка рисков может определить, что один регион больше, чем другой, отличается от материнского государства по совокупности экономических, политических, социокультурных характеристик, т.е. гетерогенен.

1.2. Факторы пространственной дезинтеграции

Разработанные системы факторов сепаратизма и сецессионизма (табл. 1) ранее были проанализированы на предмет наличия точек соприкосновения во взглядах исследователей. Данный массив «пересекающихся» факторов можно разделить на географические (объективные) и негеографические (субъективные). При таком дуализме географические факторы развития сепаратизма наиболее близки к предложенной системе факторов пространственной дезинтеграции:

1. **Исторический** – наличие у региона опыта сецессии или дезинтеграции в прошлом. В широком смысле дезинтеграцией могут являться и акты восстания, когда власти де факто не могли контролировать вверенную им территорию и ее население.

2. **Социально-экономический**, понимаемый как неравномерное развитие человеческого потенциала в пределах государства. Оценка различий производится на основе данных индекса человеческого развития (ИЧР).

3. **Внутриполитический** видится как неоднородность политических ориентаций населения в разных частях страны, выражающаяся в электоральном поведении населения региона. Данный фактор иллюстрирует показатель разницы долей голосов, поданных за правящие и оппозиционные движения по стране в целом и в одном из регионов в течение нескольких последних избирательных циклов.

4. **Этнокультурный** воспринимается нами как различие этнорасовой композиции разных регионов внутри единого государства. Этническая, конфессиональная и культурная самобытность способствует укреплению местной региональной идентичности, что в свою очередь повышает риск пространственной дезинтеграции. Для стран, в которых титульный этнос имеет мультирасовую структуру (а таковых в Латинской Америке большинство), на первый план выходят различия в расовой композиции. Параметризация этого фактора базируется на социологических опросах, выявляющих идентичность населения, а при их отсутствии – на данных переписей населения.

5. **Транспортный** понимается как устойчивость сухопутного (автомобильного, железнодорожного, трубопроводного) транспортного сообщения с соседними регионами той же страны. Влияние данного фактора устанавливается с помощью анализа показателей средней плотности и связности транспортной сети, характеристики транспортно-географического положения региона.

6. **Военно-стратегический** выражается в неравномерности пространственного распределения воинских и силовых подразделений, обеспечивающих оборону государства, важнейших объектов военной инфраструктуры и крупных предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК), занимающихся созданием и разработкой военной техники и технологий. Присутствие воинского контингента или размещение значительного предприятия ВПК приводит к усилению контроля государства над территорией. Это стабилизирует и укрепляет государственное пространство, снижает риски дезинтеграции.

7. **Внешнеполитический** видится нами как формирование регионалистских и сепаратистских настроений у населения территории под влиянием разных видов воздействий (финансовых, силовых, пропагандистских, дискурсивных, криминальных) извне, со стороны зарубежных стран.

Следует сразу отметить, что набор предложенных факторов не является уникальным в контексте изучения какого-либо региона, т.е. он претендует на универсальность. Уникальными могут быть проявления данных факторов, но не факторы сами по себе.

Среди факторов пространственной дезинтеграции **исторический** занимает особое место. В отличие от всех остальных, его в контексте данной работы следует понимать как наличие у региона опыта сецессии или автономии под воздействием каких-либо импульсов в прошлом. То есть качественно исторические аспекты представляют обратную сторону всех остальных процессов и действуют не только в плоскости пространства, но и в системе пространства и времени.

Анализируя исторические примеры дезинтеграции отдельных ареалов, следует качественно разделить их на те, что привели к провозглашению и временному суверенному существованию новых государств, и ареалы, которые стали очагами сепаратистских движений, но не выходили из состава государства. Стоит отметить, что более распространенным случаем в Латинской Америке являлись восстания: в XIX веке они носили характер «территориальных», т.е. конфликт был между населением отдельного региона и столицей. В XX веке восстания стали скорее «отраслевыми», когда рабочие одной отрасли объявляли забастовки, выливающиеся в уличные столкновения, жертвы и захват административных зданий (де факто потеря властью монополии на насилие). Такие случаи также могут считаться проявлением дезинтеграции.

Отдельного внимания заслуживают неконтролируемые территории – пространства, контроль за которыми осуществляет не центральное правительство, а лица или группировки, самовольно захватившие власть на местах.

Дефиниция понятия «неконтролируемая территория» еще не устоялась в научном сообществе. В.А. Колосов и А.Б. Себенцов предлагают обозначать данным термином пространство страны, где центральные власти не

способны, или не хотят полноценно осуществлять силовой и иные виды контроля (политический, экономический, идеологический), а также участвовать в создании и распределении политических благ [Колосов, Себенцов, 2012]. Неконтролируемая территория далеко не всегда предполагает юридического оформления международной правосубъектности: часто там не провозглашают новое государство, не борются за правовую легитимизацию и не избирают собственные органы власти. Чаще всего в таких условиях к власти приходят люди, опирающиеся на «право силы»: обладающие значительными военными и людскими ресурсами, собственными каналами связи и т.д.

Переходя к характеристике **социально-экономического** фактора пространственной дезинтеграции, следует отметить, что данный вопрос относительно полно освещен в научной литературе. Сам термин «экономическая дезинтеграция» не новый и часто трактуется специалистами как «процесс, обратный экономической интеграции – нарушение связей между элементами экономической системы; ослабление и деление системы» [Фадеева, 2019; Воронина, 2013]. По мнению экономиста Н.А. Бровко, «дезинтеграционные процессы – это процессы, обратные интеграции, представляющие собой сокращение и прекращение экономического взаимодействия стран» [Бровко, 2011]. Небольшое пояснение на этот счет приводят отечественные эксперты Либман и Хейфец, говоря, что научные исследования экономической дезинтеграции ведутся по двум направлениям: экономика сецессий (распад региональных экономических блоков) и экономика конфликтов (дезинтеграция вследствие распада государства) [Либман, Хейфец, 2011]. В контексте нашего исследования социально-экономическая дезинтеграция изучается на внутригосударственном уровне как нарушение социально-экономических взаимодействий между территориями одного государства ввиду территориальных диспропорций по уровню развития человеческого потенциала.

Зарубежные исследования, близкие к настоящей работе, обычно не используют термин «экономическая дезинтеграция». Как правило, их авторы исследуют экономические проблемы в регионах и эскалацию конфликтов на данной почве.

Значительное число научных трудов посвящено исследованию взаимосвязей между наличием крупных запасов природных ресурсов в каком-либо регионе и возникновением различного рода социальных и политических проблем, которые выражаются в росте насилия или сепаратистских настроениях. Несмотря на несколько узкий подход, подразумевающий зависимость уровня развития региона от наличия природных ресурсов, в случае стран Латинской Америки он зачастую оправдывается. Как будет рассмотрено позже, большинство единиц АТД, имеющих высокие показатели развития, либо занимаются добычей природных ресурсов в настоящее время, либо испытывали бурное развитие добывающей отрасли ранее за счет эксплуатации природно-ресурсного капитала.

Важно отметить работы Ф. Ле Биллона и М. Росса, которые обуславливали территориальные конфликты концентрацией определенных видов природных ресурсов (оба исследователя занимались этими проблемами на материале Африки). Росс придерживается позиции, что в нефтяных районах конфликты носят сепаратистский характер, чего не наблюдается в районах активных лесозаготовок или алмазных разработок, то есть, по его мнению, важны сами свойства ресурса («лес невыгодно вырубать сепаратистам, поскольку им легче вести жизнедеятельность и борьбу внутри него») [Ross, 2004, 2012]. Ле Биллон утверждает, что в районах добычи алмазов растет общее социальное насилие, которое может выражаться в различных формах, но при этом не приводит к росту дезинтеграционных настроений – автономизму, сепаратизму и др. [Le Billon, 2001, 2008, 2012].

Более комплексный и многокомпонентный характер носит исследование Р. Аути. Так же, как Росс и Ле Биллон, он рассматривает

влияние разных видов природных ресурсов на возникновение конфликтов, при этом охватывая как страновой, так и внутрискановой уровни. В своей работе он утверждает, что для части природных ресурсов их территориальная концентрация для государства важнее, чем общие запасы и потенциальный доход от них. В качестве примера он приводит нефть в Анголе, в которой концентрация месторождений предполагает создание логистической инфраструктуры, т.е. привязку к месту. В то же время, кокаин в странах Андского региона или южноафриканские алмазы, могут свободно транспортироваться, они не так сильно привязаны к транспортной инфраструктуре и не оказывают заметного влияния на зарождение территориальных конфликтов, а, скорее, провоцируют насилие по мере продвижения по цепочке добавленной стоимости в разных районах мира [Auty, 2004].

Таковыми же комплексными исследованиями, в которых социально-экономическое развитие признается одним из детерминантов конфликтов (вплоть до гражданских войн), можно выделить работы Х. Бухауга и Дж. Рёда, а также Х. Хегре, Г. Остби и К. Рэли [Buhaug, Rød, 2006; Hegre, Østby, Raleigh, 2009].

Наконец, необходимо отметить работу Х. Аурельяно-Янгуаса, посвященную многочисленным конфликтам в районах добычи полезных ископаемых, прежде всего в латиноамериканских странах. Автор продвигает тезис, что из области экономики противоречия зачастую выходят в политическую сферу. Механизм работает таким образом: местное население выступает против деятельности зарубежной ресурсной корпорации по разным мотивам (дело не только в патриотизме, но и в отсутствии корпоративной социальной ответственности перед местным населением). При недостижении консенсуса между сторонами (вероятность которого крайне мала), местное население начинает давить на руководство региона, которое вынуждено одновременно учитывать интересы всех сторон. Региональная администрация, в свою очередь, вступает в конфликт с

руководством страны. Таким образом, конфликт становится многогранным, включает в себя сразу несколько разломов: «местное сообщество – местная администрация», «местное сообщество – ТНК», «местная администрация – руководство страны», «местная администрация – ТНК» и т.д. Стоит добавить, что коренное население латиноамериканского региона – индейцы, поэтому на экономические аспекты накладываются еще и этнокультурные [Arellano-Yanguas, 2011].

Социально-экономический фактор дезинтеграции тесно связан с природными условиями (физико-географические барьеры) и историческим фактором (насколько быстро осваивалась данная территория и какое значение представляла для страны на ранних этапах развития).

Экономическая дезинтеграция – следствие территориальных диспропорций в социально-экономическом развитии частей государства. Подобное неравенство существует во всех странах, за исключением разве что государств-карликов. В случае Латинской Америки, большинство континентальных стран которой обладают значительной площадью, различные регионы оказывались в отличных друг от друга природных условиях, что обуславливало темпы их развития. С другой стороны, не стоит забывать и про исторический фактор – крупные латиноамериканские страны получили независимость гораздо раньше (начало XIX в.), чем страны Азии и Африки, поэтому экономическое неравенство территорий – следствие региональной политики не только бывших метрополий (Испании и Португалии), но и своих суверенных правительств.

Для определения уровня развития территории существует значительное число методов и подходов с гибко разработанными инструментами и показателями, среди которых наиболее универсальным является индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР включает в себя важные социальные показатели – уровень грамотности населения, среднюю ожидаемую продолжительность жизни, а также фундаментальный экономический параметр в виде валового национального дохода на душу населения по

паритету покупательной способности. Наибольшими рисками пространственной дезинтеграции по социально-экономическому фактору обладают регионы с максимальными и минимальными показателями уровня ИЧР в государстве. Принимая во внимание реалии латиноамериканских стран, важно отметить, что вместо гармоничного регионального развития и создания альтернативных полюсов роста, государственная политика стремится к перераспределению доходов от богатых регионов к бедным. Изъятие капиталов из благополучных единиц АТД зачастую приводит к росту недовольства со стороны населения, а в радикальных случаях – к попыткам установления автономии, как это ярко проявлялось на других континентах. Это так называемый «сепаратизм богатых» в Квебеке, Каталонии, Стране Басков, Северной Италии, Валлонии; черты подобного сценария дезинтеграции угадываются в бразильском штате Сан-Паулу, эквадорской провинции Гуаяс, боливийском департаменте Санта-Крус и др.

Бедные регионы испытывают дезинтеграцию в ином формате: если богатые регионы стремятся к автономии для того, чтобы не делиться с регионами-«нахлебниками» своими накопленными ресурсами (финансовыми, производственными, интеллектуальными, демографическими), то слаборазвитые регионы винят в своем бедственном положении центральное правительство, ведущее, по их мнению, неверную региональную политику. Центральные власти поддерживают некоторый (часто минимальный) уровень социально-экономического развития таких территорий, выделяя дотации, субсидии и прочую материальную помощь. В таких реалиях население бедных регионов начинает массово мигрировать в более процветающие районы своих стран и за рубеж, либо искать альтернативные пути развития с опорой на внутренние ресурсы. Получается, что инициатива и реализация стратегий развития целиком исходит от местного населения, что вызывает вопросы о доверии к руководству страны: если власть государства не заинтересована в развитии региона, а старается «откупиться» дотациями и субсидиями, то зачем населению региона

выбирать такую власть? Недовольство более бедных регионов чаще всего выражается в поддержке кандидатов определенного политического спектра, временами они прибегают и к попыткам требования автономии или независимости. Примерами «сепаратизма бедных» можно считать Косово, Северную Ирландию, Корсику, Ириан-Джаю и др.

Нельзя упускать из внимания тесную взаимосвязь социально-экономического фактора с внутривнутриполитическим: недовольство населения региона может выражаться в альтернативной политической повестке, открытой враждебности действующему режиму, поддержке оппозиционных регионалистских движений и т.д.

Особое внимание в настоящем исследовании уделяется **внутриполитическому фактору** дезинтеграции, прежде всего по той причине, что различия в политических ориентациях населения, проживающего на разных территориях в пределах одного государства, является достаточным основанием для прогнозирования, как минимум, политической дезинтеграции региона, а как максимум – политической нестабильности, процессов сепаратизма и сепаратизма. Во-вторых, результаты избирательных кампаний наглядно показывают уровень поддержки вектора развития региона: если на протяжении нескольких десятилетий регион является оппозиционным, то стоит проанализировать причины подобного решения голосующих граждан. Достоверно известно, что электоральные различия могут быть следствием социально-экономических градиентов (более успешные территории с зажиточным населением выбирают кандидатов определенного политического спектра), исторического (отношение определенного региона к столице на протяжении всей истории выборов, детерминация регионов-«бунтарей», которые ввиду невозможности достижения независимости голосуют за оппозицию) и этнокультурного (особый взгляд на политику со стороны расовых и культурных групп – индейцев, лиц африканского происхождения и др., определение в системе «свой–чужой» по принципу этнической или расовой принадлежности)

своеобразия. С другой стороны, можно предположить, что взаимосвязи работают и в другую сторону: изменение политических предпочтений населения региона позволяет говорить об изменениях в социальной сфере, хозяйстве, национальной политике и т.д.

Как и в случае с историческим фактором пространственной дезинтеграции, внутривнутриполитический фактор относительно слабо разработан с точки зрения терминологического аппарата: латиноамериканские исследователи рассматривают политическую дезинтеграцию лишь в масштабе всей страны, а не ее частей (особенно это актуально в последнее время в связи с кризисом в Венесуэле). В представленной работе под внутривнутриполитическим фактором дезинтеграции будет пониматься проявление отклонения электоральных предпочтений населения, проживающего на определенной территории. Подобная трактовка оправдана тем, что, по мнению автора, результаты голосований тесно связаны с важнейшими аспектами развития/деградации региона в основных сферах жизнедеятельности общества.

Среди зарубежных исследователей необходимо выделить таких специалистов, как С. Роккан и М. Липсет, которые на основе анализа электоральной статистики стран Западной Европы разработали концепцию социальных разломов (*social cleavage*), и как следствие – патологическую теорию. Будучи политическими социологами, Роккан и Липсет уже изначально работали на стыке ряда дисциплин – политологии, социологии, культурологии и политической географии. По их мнению, различия в политических предпочтениях населения обусловлены множественными социальными и пространственными противоречиями развития. Именно эти противоречия и создают спрос на формирование новых партийных политических структур, которые переносят вопросы из сферы социальных отношений в политическую сферу.

По Роккану и Липсету механизмами, которые запускали эти расколы в странах Западной Европы, являются революции: национальная и

промышленная. Национальная революция производит такие расколы как «центр – периферия» и «государство – церковь», а промышленная – «город – село» и «собственники – рабочие» [Lipset, Rokkan, 1967].

Следует признать, что далеко не всегда расколы побуждали формировать собственные политические партии. В некоторых случаях этого не происходило по целому ряду причин, которые Роккан и Липсет систематизировали и объединили в так называемые пороги (thresholds): легитимации, включения, представительства и мажоритарного правления. Эти пороги так или иначе препятствуют возникновению оппозиционных движений, как с позиции реального существования, так и с юридической стороны.

Иной позиции придерживаются У. Райкер и Э. Даунс. Несмотря на существующие противоречия между концепциями, их объединяет общая позиция. Согласно их представлениям, генезис политических партий и предпочтения избирателей – это не следствие существующих социальных расколов, а результат деятельности пропаганды и многомерности пространства политических вопросов. То есть программные установки политических партий не проистекают из запросов общества и под воздействием каких-либо революций, а самостоятельно формируют электоральные предпочтения населения. При том, как отмечает Даунс, зачастую партии могут не занимать противоположные участки политического спектра, а скорее делают акцент на разных проблемах, которые слабо взаимосвязаны друг с другом [Riker, 1983; Downs, 1957].

В рамках данного исследования наш подход ближе к позиции Роккана и Липсета, который можно обозначить социальным детерминизмом политических пространственных процессов. Иначе говоря, разные предпочтения населения являются следствием существующих социальных расколов. Несмотря на солидный возраст фундаментального исследования (1967 г.), теория Роккана – Липсета широко применяется до сих пор, в том числе и в отечественной науке [Исаев, Власкина, 2016].

Среди факторов пространственной дезинтеграции **этнокультурный** занимает особое положение. Специфическая сущность данного фактора обуславливается тесной его связью с историческим и природным факторами, но при этом относительной независимостью от социально-экономического. По отношению к нему этнические и культурные аспекты являются скорее антецедентом, но при этом они сами не детерминируются вышеуказанными группами: территория, резко отличающаяся по этнической или конфессиональной композиции населения, как правило, имеет иной уровень экономического развития и электоральные предпочтения (впрочем, есть и некоторые исключения, например Швейцария).

Существенные затруднения вызывает и детерминирование разнообразных этнических групп: методы определения и подсчета представителей этносов сильно варьируются от страны к стране. Используются несколько подходов: на государственном уровне выделяются превалирующие группы, как правило относительно однородные в этническом и расовом отношении. Для более точного установления этнической принадлежности применяются социологические методы, базирующиеся на самоидентификации (идентичности) респондентов. Именно таким способом можно выделить территории с отличающимся этническим (лингвистическим) составом населения.

Проблему этнокультурного взаимодействия, в том числе и этнических конфликтов, рассматривали многие исследователи. Среди отечественных специалистов по этнологии и социальной антропологии следует выделить Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, В.А. Тишкова, среди зарубежных – Д. Горовица, Т. Гарра, Ф. Барта, Б. Андерсона [Бромлей, 1984; Гумилев, 1989; Тишков, 1997; Horowitz, 1985; Gurr, 2000; Андерсон, 2001; Этнические группы... 2006]. Теория этничности сводится к двум основным школам – примордиализму и конструктивизму, главное различие которых заключается в вопросе объективности/субъективности существования этноса как такового. Однако, вне зависимости от точек зрения двух данных

концепций, они далеки от предмета исследования. Скорее важно отметить, что именно на фундаментальные труды по теории этничности опираются практически все прикладные наработки, которые анализируют географические закономерности этнических конфликтов. Среди отечественных работ нельзя вновь не упомянуть «Географию сецессионизма» Ф.А. Попова, которая глубоко прорабатывает различные аспекты возникновения этнического самосознания и как следствие – наиболее радикальной формы пространственной дезинтеграции в виде сецессии [Попов, 2012].

Среди зарубежных исследований наиболее актуальными являются работы на стыке этнологии и геоконфликтологии. Пример – работа Ф. Кассели и У. Коулмена, которая вводит понятие «этнической дистанции». Авторы выдвигают тезис о том, что чем больше разобщенность между этносами в разных частях страны и сложнее переход из одного этноса в другой, тем более напряженными будут отношениями между ними. В контексте этой работы этнокультурный фактор пространственной дезинтеграции тесно связан с социально-экономическим: некоторые этнические группы имеют привилегированное положение в социальной страте, и преодолеть данный барьер крайне сложно. В дополнение авторы указывают, что язык выступает слабым фактором разобщения, религия – средним, а наиболее сильным – внешние признаки, такие как цвет кожи или черты лица. Однако, важно учитывать, что указанное исследование проводилось в полиэтничных странах [Caselli, Coleman, 2013].

Важные замечания к географическим закономерностям этнической разобщенности дает Н. Вайдман, который исследовал вопросы территориальной концентрации этнических групп. Математическими методами автор доказал, что концентрация этнической группы в пределах одного региона (и ее оседание в небольших концентрациях в соседних) приводит к большему усилению потенциального этнического конфликта, чем в случае дисперсии отдельного этноса [Weidmann, 2009].

Несмотря на то, что работа Т. Гарра выполнена на уровне государств, а не регионов, она подтверждает некоторые гипотезы. В работе, посвященной измерению степени мобилизации этнических групп, автор приходит к мнению, что вероятность конфликта зависит от уровня демократии. Эта зависимость не прямая, а U-образная: наиболее подвержены риску конфликта государства, находящиеся в переходном состоянии от авторитаризма к демократии, и наоборот. Именно к таким относится большинство государств Латинской Америки [Gurr, 2000].

Важное дополнение в понимании механизмов взаимодействия разных факторов вносит работа Соренса, в которой указывается на взаимосвязь между концентрацией этнических меньшинств и наличием природных ресурсов. Автор приходит к выводу, что при сочетании таких двух факторов как наличие ареала, в котором компактно проживает этническое меньшинство, и запасов природных ресурсов, высока вероятность внутригосударственного конфликта, направленного на получение автономии или независимости, а не на смену всего политического режима [Sorens, 2011]. Схожую проблему рассматривают в своей работе М. Морелли и Д. Ронер [Morelli, Rohner, 2015].

Необходимо упомянуть еще две статьи, которые исследуют конфликтные взаимодействия на уровне государств. В работе Х. Монталво и М. Рейнал-Керол предлагается оценивать вероятность возникновения этнических конфликтов (с эскалацией вплоть до гражданских войн) по индексу этнической поляризации взамен показателей этнолингвистической фрактализации [Montalvo, Reynal-Querol, 2005]. Поддерживают данную гипотезу в своей статье и Дж. Эстебан, Л. Майорал, Д. Рэй [Esteban, Mayoral, Ray, 2012].

Еще со времен разработки теории экономико-географического положения (ЭГП) видным представителем советской районной школы Н.Н. Баранским **транспортный фактор** в ней занимал настолько важную позицию, что экономико-географическое и транспортно-географическое

положения являлись понятиями если не тождественными, то, как минимум, синонимичными. Отталкиваясь от данной аксиомы, можно сделать предположение о тесной взаимосвязи транспортного и социально-экономического факторов дезинтеграции: чем более развит и освоен регион, тем более густая транспортная сеть его покрывает, тем теснее он связан с соседними регионами, тем ниже риск пространственной дезинтеграции.

Уровень транспортной освоенности территории обычно выражается показателем плотности дорожной сети (автомобильных дорог и железнодорожных путей). Морской транспорт наиболее важен для государств-архипелагов. Морской и воздушный виды транспорта не требуют линейной инфраструктуры, им достаточна узловая (порты и аэропорты). Для речного транспорта актуально проведение инфраструктурных мероприятий в виде углубления фарватера и установки створовых знаков. Подобные качественные отличия разных видов транспорта позволяют говорить о преимущественном рассмотрении сухопутных путей сообщения в контексте процессов интеграции и дезинтеграции.

Однако для исследования более важным является *уровень транспортной связности регионов*, нежели густоты транспортных путей. Прежде всего это касается железнодорожного и автомобильного транспорта, как наиболее универсальных видов (перемещающих как пассажиров, так и различные типы грузов).

В современных политических условиях крайне чувствительным компонентом транспортной системы являются магистральные трубопроводы. С их помощью поставляются углеводороды – важный экспортный товар ряда латиноамериканских государств. Однако, в свою очередь, доходы от продажи данных ресурсов могут распределяться неравномерно, и зачастую регион, в котором добываются нефть или газ, может и не реализовать выгод своего ресурсного потенциала.

Автор предполагает, что риски пространственной дезинтеграции могут возникнуть на тех территориях, которые обладают системой изолированных

трубопроводов, то есть соединяющие места добычи и места экспорта, минуя столичный регион. Риски дезинтеграции усиливаются, если регион занимает приграничное положение и обладает значительной численностью населения.

Понятие **«военно-стратегический фактор** дезинтеграции» не встречается в трудах географов или экспертов из смежных наук (политологии, экономики, военного дела и др.), хотя военный аспект – один из важнейших, который рассматривается специалистами в области дезинтеграционных процессов.

В контексте этой работы под военно-стратегическим фактором дезинтеграции будет пониматься неравномерное пространственное распределение воинских подразделений, обеспечивающих оборону государства, важнейшие объекты военной инфраструктуры и крупные предприятия военно-промышленного комплекса, занимающиеся созданием и разработкой военной техники и технологий.

Военно-стратегический фактор тесно связан со всеми остальными (исключение может составить только этнокультурный). Во-первых, предприятия ВПК как правило концентрируются на территориях с наибольшим научным и экономическим потенциалом. Во-вторых, армейские подразделения нередко сконцентрированы вокруг центров принятия решений – столиц и крупных городских агломераций, важнейших портов и месторождений ресурсов (исключение составляют пограничные войска). В-третьих, крупные подразделения вооруженных сил чаще всего располагаются на территории с хорошей транспортной доступностью.

В зарубежной литературе транспортный и военно-стратегический факторы тесно связываются с социально-экономическим и этнокультурным. Так, в исследовании Л.-Е. Седермана, Х. Баухауга и Дж. Рёда формулируются следующие выводы: этнические конфликты становятся более интенсивными при удалении мобилизованной группы от столицы, а вероятность и тяжесть конфликта возрастает вместе с высотой окружающего рельефа. При этом конфликт будет носить именно территориальный,

дезинтегрирующий характер, а не направлен на смену политического режима всего государства [Cederman, Buhaug, Rød, 2009].

Работа Дж. Фирона и Д. Лэйтина выдвигает целую россыпь гипотез. Наиболее важной в данном контексте является подтверждение предположения о том, что на активность политических групп, действующих против государства, оказывают влияние рельеф (горы повышают шансы успеха), удаленность от столицы, структура населения (сельское население настроено, как правило, против центральной власти), транспортная связность региона с остальными регионами своей страны. Позиция авторов аргументируется тем, что сельские жители имеют более тесные контакты между собой и склонны быть лояльными к местным повстанцам, которых хорошо знают, а общая транспортная неосвоенность территории снижает число транзитных пассажиров и как правило формирует недоверие к приезжим [Fearon, Laitin, 2003].

Оценка военно-стратегического фактора дезинтеграции затруднительна ввиду засекреченности данных о расположении воинских частей, поэтому в рамках данной работы будет учитываться лишь открытая информация о расположении штабов крупных военных соединений. В этом плане флот и авиация более стабильны в пространственном отношении, поскольку предполагают создание специальной инфраструктуры для базирования и проведения военных действий. Для определения величины силового поля государства будут сравниваться имеющиеся данные о расположении этих трех родов войск.

Территориальные диспропорции в размещении силовых структур возникают в любом государстве. Присутствие военного контингента или размещение значительного предприятия военно-промышленного комплекса приводит к усилению контроля государства над территорией. Таким образом данный фактор оказывает обратный эффект по сравнению с остальными, выполняя скорее стабилизирующую функцию для сохранения государственного пространства.

Рассматривая **внешнеполитический фактор** пространственной дезинтеграции, нельзя не отметить, что работ, рассматривающих дестабилизацию политической обстановки из-за активного вмешательства зарубежных стран, уже создано сравнительно много [Попов, 2012; Гаммаев, 2013 и др.]. Подобные конфликты зачастую рассматриваются экспертами как одна из форм дробления политического пространства, их пытаются определить как «ирредентизм», таким образом подразумевая, что конфликтный регион и потенциальное государство-акцептор действуют сообща, преследуя различные мотивы, приводящие к перекройке политической карты.

Под внешнеполитическим фактором дезинтеграции автор данного исследования понимает формирование центробежных ориентаций у населения территории под воздействием разного рода импульсов (финансовых, силовых, геополитических, пропагандистских) извне, со стороны зарубежных стран.

Заимствуя геополитические понятия «жесткой силы» и «мягкой силы» (по Дж. Наю), можно оценить внешнеполитическое влияние баллами, которые присуждаются за а) наличие зарубежного военного контингента на территории какого-либо региона страны; б) повышенное значение душевого показателя прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по сравнению со средними показателями по стране.

В случае имеющегося территориального спора с сопредельным государством сумма полученных баллов для региона (единицы АД) умножается на 2.

На основе представленной ранее методологии проведем параметризацию факторов пространственной дезинтеграции.

Таблица 2. Параметризация факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки

Фактор	Проявление фактора	Параметры, позволяющие оценить действие фактора
Исторический	Опыт сецессии или	Число лет автономии и

	автономного существования региона в прошлом	фактической независимости региона
Социально-экономический	Неравномерность развития человеческого потенциала в АТЕ	Верхний и нижний квартили по значениям ИЧР среди АТЕ 1-го порядка страны. Зажиточные регионы должны превышать среднее верхнее (диапазон средний уровень – максимальный) значение, аутсайдеры – ниже среднего нижнего (диапазон средний уровень – минимальный) значения.
Внутри-политический	Различие в электоральных предпочтениях населения региона на общегосударственных выборах по сравнению со средними значениями в государстве	Отклонение в доле голосов за победившего кандидата (партию) от среднего значения по стране. Число избирательных кампаний, в которых победила оппозиция
Этнокультурный	Отличие этнорасовой композиции региона от этнорасовой композиции всего государства	Отклонение в доле основных этнорасовых групп в регионе от их средней доли в стране
Транспортный	Затруднение устойчивого всепогодного сообщения с другими регионами	Число сухопутных транспортных связей (автомобильных и железных дорог, трубопроводов) с соседними регионами
Военно-стратегический	Присутствие военного контингента и военной инфраструктуры в пределах региона	Балльная оценка сформированности военной инфраструктуры в регионе
Внешне-политический	Влияние на население и политическую повестку региона зарубежных акторов	Балльная оценка величины внешнего влияния: • Повышенная плотность пограничных пропускных пунктов; • Повышенные значения ПИИ на душу населения в регионе; • Наличие военного контингента иностранного государства в регионе; при наличии территориальных притязаний на АТЕ со стороны соседней страны получившаяся сумма баллов удваивается.

Здесь следует сделать важную оговорку: представленная методика является комплексной, поэтому некоторое число регионов внутри страны (либо вообще все) могут иметь ненулевые значения рисков дезинтеграции по

тому или иному фактору. Вследствие сложных взаимосвязей в системе рисков дезинтеграции многие из них могут давать синергетический эффект.

Вопрос о взаимодействии факторов неоднозначен и сложен. В данном контексте исследование построено с заимствованием гипотез исследователей социологов [Simmel, 1955; Ross, 1920; Козер, 2000] и политологов [Lipset, 1983; Rokkan, 1967], которые занимались вопросом о совпадающих и пересекающихся линиях конфликта. Синергетический эффект факторов пространственной дезинтеграции предполагается вследствие пространственного совпадения разломов в экономической, политической и этнокультурной сферах.

Система взаимодействия и взаимовлияния факторов может быть представлена в виде следующей схемы (рис. 2).

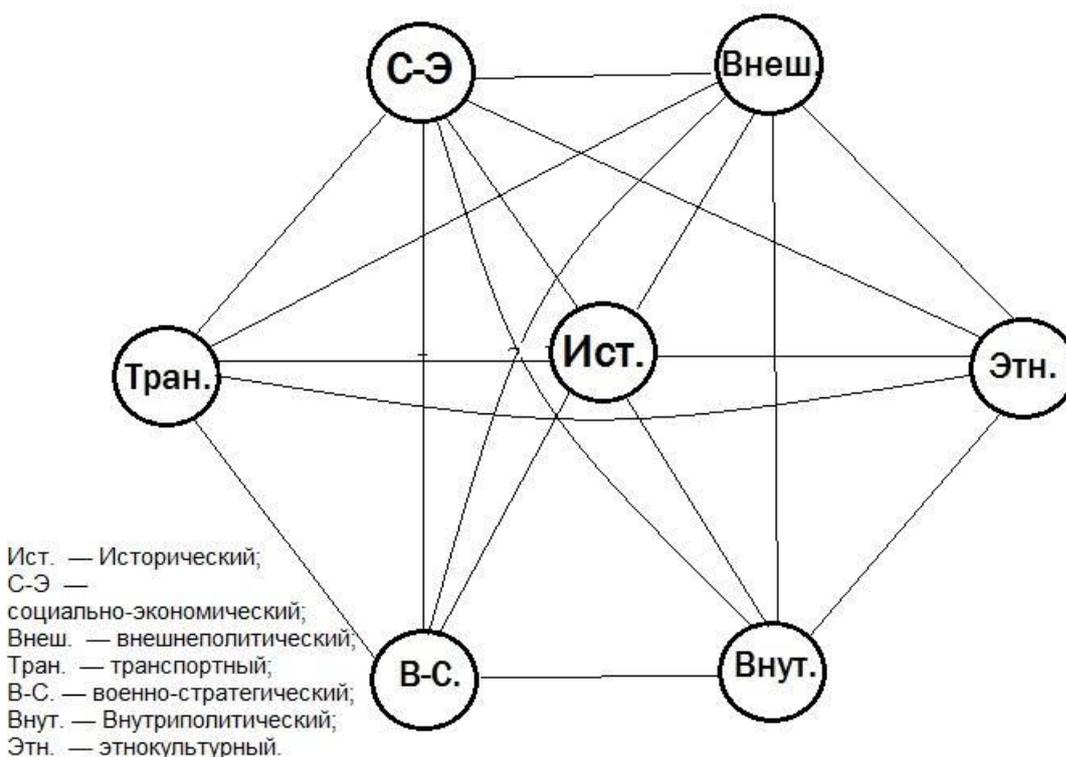

Рис. 2. Система факторов пространственной дезинтеграции и взаимосвязи между ними.

Примеры взаимовлияния факторов дезинтеграции приведены в табл. 1 в Приложении 1. Ввиду тесного взаимодействия, а также в целом значительного проникновения сфер человеческой деятельности друг в друга

(экономика, политика и культура), риск пространственной дезинтеграции по одному из факторов может запустить механизмы активизации дезинтеграции в иных сферах.

1.3. Модели тотальной дезинтеграции государственного пространства

При наличии рисков дезинтеграции сразу по нескольким факторам значительно повышается вероятность **тотальной дезинтеграция региона** – выпадения региона из единого политического пространства государства вследствие нарушения экономического, политического, транспортного и культурного взаимодействия с другими регионами страны.

Понятие «тотальная дезинтеграция» близко широко распространенным в политологии понятиям «сепаратизм», «сецессия», «серая зона», означающих фрагментацию политического пространства государства, но все же не тождественно им. Все три перечисленных понятия – вероятные сценарии осуществления тотальной дезинтеграции, которые возможны при ослаблении геополитического поля государства. Такое ослабление может быть вызвано многими событиями политической жизни страны, среди которых наиболее часто встречаются резкая смена вектора политической ориентации, социально-экономический кризис, начало военного конфликта и др.

Ослабление геополитического поля государства может происходить как резко, так и постепенно. Наиболее точным индикатором данных процессов можно считать индекс недееспособности государств (Fragile State Index), который оценивает способность руководства страны осуществлять свои управленческие функции¹. Данный рейтинг составляется с использованием инструментов контент-анализа, количественных данных и экспертной оценки по 12 показателям: демографическое давление, уровень эмиграции, экономическое неравенство, экономическая ситуация, криминализация государства, раздробленность в силовых структурах и элите, перемещение

¹ Fragile States Index Annual Report 2021. URL: <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения: 11.11.2023).

беженцев внутри страны, рост реваншистских настроений, количество предоставляемых государством услуг, приверженность исполнению законов и соблюдению прав человека, риски внешнего вмешательства. Стоит отметить, что подобный рейтинг критикуется ввиду непрозрачности данных, сложности расчета и «перегруженности» переменными.

Вкупе с выявлением регионов, которые могут испытать тотальную дезинтеграцию, есть основания прогнозировать изменение политической карты региона.

Рис. 3. Структура модели тотальной дезинтеграции части государственной территории

Целесообразно привести краткую характеристику каждого вероятного исхода тотальной дезинтеграции.

Модель с вероятным исходом «Зона распространения сецессионизма»

Ведущие факторы: внутриполитический, социально-экономический, этнокультурный.

Второстепенные факторы: транспортный и военно-стратегический.

Как правило, регионы, в которых возникают движения за автономию и политическую сецессию, относятся к разряду «старых оппозиционеров», население и политические элиты которых не устраивает действующая внутриполитическая повестка в течение продолжительного времени. Анализируя опыт других регионов мира, можно отметить, что политическое недовольство подкрепляется этнокультурной неоднородностью (различия в лингвистическом, конфессиональном, этнорасовом составе) и разницей

уровня социально-экономического развития. Недовольство как региональной экономической, так и национальной политикой формирует благодатную почву для возникновения регионалистских движений. Исторический фактор в данной модели усиливает сопряженное взаимодействие триады ведущих факторов, а транспортный и военно-стратегический определяют вероятность успеха регионализма. Намеренно среди ведущих опущено влияние внешнеполитического фактора, хотя в мировом масштабе он играет важную роль. В рамках этого исследования данный фактор является важнейшим для другого исхода – ирредентизма.

Явления, маркирующие данную модель: возникновение политических движений регионалистского толка, призывы к автономии/неподчинению Центру/отделению.

Потенциальные регионы с реализацией подобного сценария: чилийская Араукания, боливийский Санта-Крус.

Модель с вероятным исходом «Присоединение территории другим государством»

Ведущие факторы: внутривнутриполитический, внешнеполитический, этнокультурный.

Второстепенные факторы: исторический и транспортный, социально-экономический.

Поскольку ирредентизм предполагает в двухстороннем конфликте наличие третьей стороны – государства-акцептора, то разделить сценарии сецессии и ирредентизма крайне сложно до определенного момента. Точкой бифуркации здесь становится либо открытое оглашение планов государства-акцептора совершить аннексию региона другой страны, либо неявное покровительство посредством передачи финансовых ресурсов, политической пропаганды, организации гуманитарных коридоров, отрядов комбатантов или открытого военного вторжения.

Ирредентизм проистекает не только из объективных факторов дезинтеграции отдельного региона, но и заинтересованности соседнего

государства-акцептора. Таким образом, здесь имеется тесная связь между недоверием электората региона-дезинтегранта по отношению к руководству своей страны и постоянная подпитка этого недоверия извне. Однако, как показывает практика, подобные интересы должны чем-то обуславливаться. Здесь более вероятен сюжет этнокультурной гетерегенности (имплантности, чужеродности) региона и близости к приграничному государству, который может подпитываться историческими примерами этнокультурного единства (аспекты исторического фактора). Транспортный фактор играет второстепенную роль, однако его влияние возрастает в том случае, если в исследуемый регион затруднен доступ со стороны материнского государства, но открыт со стороны соседнего государства-акцептора.

Отдельного внимания заслуживает сценарий, при котором дезинтеграционные устремления «подогревает» этносоциальная общность, которая не имеет собственной административной единицы и при этом расселена в приграничных областях нескольких государств. В таком случае сецессию и ирредентизм крайне сложно размежевать.

Явления, маркирующие данную модель: возникновение политических движений, призывающих к автономии, миграционный отток населения региона в государство-акцептор, проникновение бизнес-структур государства-акцептора на территорию региона, этническая дискриминация меньшинств.

Модель с вероятным исходом «серая зона/неконтролируемая территория»

Ведущие факторы: социально-экономический, транспортный, военно-стратегический.

Второстепенный: этнокультурный.

Прежде всего, важно отметить, что «серая зона» может быть как конечным исходом, так и промежуточным этапом, который предвосхищает сецессию или ирредентизм. Ключевое отличие – наличие политической

элиты, ее сила, авторитет и способность управлять территорией ввиду управленческого вакуума со стороны центрального руководства государства.

Однако если рассматривать стадию неконтролируемой территории как итог тотальной дезинтеграции, то внутривполитический фактор здесь играет небольшую роль. Гораздо важнее наличие предпосылок в виде особенностей социально-экономического развития, а также транспортного сообщения с другими регионами страны. Когда государство не может эффективно управлять какой-либо частью своей территории, уровень жизни в этом ареале существенно падает. Подавляющее большинство примеров осуществления данной модели – бедные регионы, в которых легальные способы заработка не могут обеспечить минимально комфортный уровень жизни. Вследствие этого население такого региона быстро маргинализируется, там начинает процветать теневая экономика, включающая в себя широкий спектр незаконной деятельности. Влияние этого фактора усиливается, если население испытывает затруднения с транспортным сообщением с соседними регионами: люди начинают формировать территориальную идентичность, одна из движущих сил которой – отсутствие контроля со стороны государственных органов, которые заменяются в этом отношении организациями полулегального или нелегального характера, а также отдельными физическими лицами (так называемыми «полевыми командирами»). Действие транспортного фактора усиливает и военно-стратегический: в условиях затруднения транспортных связей крайне сложно контролировать территорию силовыми методами и пресекать незаконную деятельность [Rabasa, Boraz, Chalk, Cragin, Karasik, Moroney, O'Brien, Peters, 2007].

В «серых зонах» могут появляться некоторые элементы альтернативной (не связанной с центральными властями) государственности, возможна их трансформация в непризнанные государства (государства де факто) [Caspersen, Stansfield, 2011; Заяц, 2020; Себенцов, Колосов, 2012].

Довольно часто не контролируемая центральными властями территория управляется преступными организациями, такими как наркокартели или террористические группировки. Помимо своей «основной» деятельности эти криминальные образования способны частично брать на себя социальные обязательства, которые ранее выполняло государство (от обслуживания объектов инфраструктуры и помощи гражданскому населению до строительства школ и предоставления медицинских услуг).

Явления, маркирующие данную модель: рост числа преступлений, деградация социальной и транспортной инфраструктуры, значительный миграционный отток, уменьшение силового контроля со стороны центрального правительства.

Потенциальные регионы с реализацией подобного сценария: мексиканские Чьяпас (деятельность САНО), Синалоа, Нижняя Калифорния, Чиуауа (деятельность наркокартелей), колумбийские Какета, Мета, Гуавьяре и Путумайо (деятельность ФАРК), перуанские Апуримак, Аякучо, Укаяли, Хуни (деятельность «Сендеро Луминосо»).

Модель с вероятным исходом «Изолированный регион»

Ведущие факторы: транспортный, этнокультурный, социально-экономический.

Второстепенный: исторический.

Эта модель существенно отличается от всех предыдущих: здесь нет представителей элит, которые стремятся переkreпить политическую карту или добиться большего суверенитета. Как правило, изолированные регионы – это глубокая периферия (внутренняя или внешняя) государства с очень низкой транспортной связностью с другими территориями. Вследствие этого сравнительно низкой интенсивностью обладают транспортные и миграционные связи, население зачастую относится к «менее престижной» этносоциальной общности (в странах Латинской Америки – индейцы), занятой в относительно низкодоходных отраслях экономики.

Важная задача для государства – интеграция изолированных регионов в общее политическое и экономическое пространство. При этом важным вопросом может стать контроль за природными ресурсами таких регионов, особенно если они разрабатываются зарубежными компаниями.

Формируется замкнутый круг: хронически депрессивные регионы слабо включены в политическое и экономическое пространство государства и в то же время сопротивляются инновациям ввиду консервации архаичных черт (вероятно, под лозунгом сохранения «стабильности», «сложившегося уклада»), что приводит к усилению отсталости.

Явления, маркирующие данную модель: слабые миграционные потоки (как из региона, так и в регион), стабильно низкий уровень жизни, сохраняющийся в течение многих десятилетий, специализация на низкодоходных отраслях, этнокультурная архаика.

Потенциальные регионы с реализацией подобного сценария: подавляющее большинство АТЕ, расположенных в пределах Амазонской низменности. Помимо этого: автономные районы Никарагуа (Северо- и Южно-Атлантический), комарки Панама (Эмбера-Воунаан, Нгобе-Бугле, Гуна-Яла).

1.4. Методика расчета рисков пространственной дезинтеграции

В ходе работы анализировалась роль отдельных факторов в пространственной дезинтеграции как страны в целом, так и административно-территориальных единиц (АТЕ) 1-го порядка. На данном этапе возникла необходимость представить измерительный инструмент, позволяющий оценить потенциальные (а в некоторых частях Латинской Америки и уже актуальные) риски пространственной дезинтеграции.

Риски пространственной дезинтеграции всего государства и отдельной его части (АТЕ) не тождественны. Риск дезинтеграции государства определяется угрозой его целостности как системы, то есть является

величиной, обратной степени гомогенности, «монолитности» государственной территории, населения, хозяйства и политических предпочтений. Риск пространственной дезинтеграции региона зависит от величины различий между ним и государством в целом. Наибольшая величина риска будет фиксироваться у наиболее гетерогенных регионов, не похожих на страну в целом, «имплантных». Исходя из трактовки пространственной дезинтеграции как нарушения социально-экономических, политических и транспортных связей региона с другими территориями государства, важно понимать, что под «регионом» здесь подразумевается человеческое сообщество, населяющее определенную административно-территориальную единицу, которое выступает субъектом всех экономических, политических, социокультурных и иных связей.

Влияние каждого отдельного фактора дезинтеграции на расчет рисков и его вес будут определяться тем, насколько большую долю общества он затрагивает в своем пространственном распределении. Чем бóльшую численность населения напрямую затрагивает своей деятельностью тот или иной фактор, тем он объективно важнее и для общества, и для государства. Исходя из этого, формула для оценки потенциальных рисков дезинтеграции страны будет иметь следующий вид:

$$F = \frac{n}{N} ,$$

где F – вес отдельного фактора, n – суммарная численность населения, проживающего в регионах, подверженных значительному риску дезинтеграции по данному фактору; N – общая численность населения в государстве.

Далее определяем общий риск пространственной дезинтеграции страны:

$$\Sigma = F_{И} + F_{СЭ} + F_{внутр.} + F_{Э} + F_{Т} + F_{ВС} + F_{внеш.} ,$$

где Σ – итоговый показатель риска дезинтеграции; $F_{И}$ – риск исторического фактора; $F_{СЭ}$ – риск социально-экономического фактора; $F_{внутр.}$ – риск внутривнутриполитического фактора; $F_{Э}$ – риск этнокультурного фактора, $F_{Т}$

– риск транспортного фактора; $F_{\text{ВС}}$ – риск военно-стратегического фактора; $F_{\text{внеш.}}$ – риск внешнеполитического фактора.

Таким образом, в итоге получается некоторое числовое значение, которое можно использовать для сравнения рисков пространственной дезинтеграции разных государств.

Для мелкомасштабных исследований (определение риска дезинтеграции той или иной страны) оптимален подход, в рамках которого проводится оценка риска по каждому отдельному фактору дезинтеграции в пределах всего изучаемого пространства, а затем он рассчитывается по отношению к общей численности населения всего региона. К достоинствам этого подхода можно отнести охват исследования и возможность проведения сравнительной характеристики рисков дезинтеграции различных стран, сопоставлять и анализировать их, а также выделять ведущие и второстепенные факторы. Недостатком подхода является очень общий взгляд на развитие подобных процессов в регионе, не учитывающий особенностей отдельных стран. Например, крупные (по численности населения) штаты Бразилии, испытывающие дезинтеграцию главным образом по социально-экономическому или внутривнутриполитическому факторам, будут давать большой вес данным факторам, и на их фоне более мелкие АТЕ 1-го порядка в других государствах со своими комбинациями факторов будут теряться. Особенность данного подхода – большая и трудоемкая работа со статистической информацией: для получения достоверного результата требуется собрать значения показателей всех АТЕ 1-го порядка каждой из стран. Обнаружить точные и относительно свежие данные в экономически отстающих государствах региона (Никарагуа, Гватемала, Гондурас и др.) – непростая задача.

Для крупномасштабных исследований характерен приоритет качеств исследуемой территории. В этом случае невозможно (да такой задачи и не ставится) сравнивать риски дезинтеграции в разных регионах нескольких стран, поэтому исследование целиком сконцентрировано на конкретном

государстве. При этом подходе определение ведущих и второстепенных (по значению) рисков дезинтеграции не играет большой роли, поскольку подобная методика предполагает наиболее полное и всестороннее изучение всех факторов. По ходу исследования формируется полноценный «портрет» дезинтеграции в государстве, а полученные и проанализированные данные помогают понять, какие риски могут быть верифицированы в соответствии с данной методикой, а какие – нет. Наконец, стоит отметить, что периодически возникают парадоксы – ареалы дезинтеграции, которые не могут быть целиком и полностью объяснены лишь имеющейся методикой, а требуют более глубокого анализа, что в свою очередь предопределяет новое поле для географических исследований.

К недостаткам всей методики стоит отнести отсутствие максимально возможного балла оценивания рисков. Условно говоря, если в стране по одному из факторов значительные риски пространственной дезинтеграции имеют абсолютно все АТЕ 1-го порядка, то вес данного фактора будет составлять 1 (нечто похожее наблюдается в Панаме и Сальвадоре по социально-экономическому фактору). Таким образом в случае максимальной пространственной дезинтеграции по всем факторам всех регионов государства получаем максимальный балл равный 7 (семь факторов, максимум по каждому – 1), однако в таком случае возникает вопрос: можно ли вообще данное пространство считать государством, а не конгломератом разрозненных регионов, не связанных между собой? Примеры подобного рода невозможно найти на современной политической карте мира, не говоря уже про Латинскую Америку.

Вторым недостатком методики можно считать сложность разработки универсальной шкалы интерпретации полученных математических значений. Поэтому логичнее считать, что результаты, обчисленные по этой методике, являются модульными и показывают относительную величину риска дезинтеграции.

Результат данной методики в одном варианте оценивает *риски пространственной дезинтеграции для страны*. Чем больше риск дезинтеграции, тем сложнее устранять нарушения и предотвращать разрушения связей по отношению к региону-дезинтегранту. В этом случае количество факторов играет второстепенную роль.

Другой вариант предложенной методики позволяет оценить риски пространственной дезинтеграции отдельных регионов внутри страны. В таком случае происходит подсчет количества факторов с высокими рисками пространственной дезинтеграции для каждого из АТЕ 1-го порядка. Иная система подсчета рисков исходит из разной природы проявления последствий дезинтеграции. При оценке рисков пространственной дезинтеграции для всей страны определяется опасность утраты контроля над регионами, рассчитываемой через долю населения, проживающего в потенциально дезинтегрированных частях страны. Поскольку регион не понимается как политически самостоятельная единица, то его риски определяются скорее сочетанием различных дезинтеграционных разломов, проходящим по границам данной АТЕ.

* * *

На основе рассмотренных теоретических, терминологических и методологических наработок в области изучения дезинтеграции предпринята попытка отделить понятие «пространственная дезинтеграция» от близких по смыслу понятий «сецессионизм» и «регионализм», а также выделить факторы, определяющие риски развития дезинтеграционных процессов. Сформулированы основные выводы по главе 1:

1. Под пространственной дезинтеграцией в рамках данной работы подразумевается серьезное нарушение (в некоторых случаях – вплоть до разрушения) экономических, политических и транспортных связей между регионами (АТЕ 1-го порядка) в пределах единого государства. Пространственная дезинтеграция понимается шире, чем сецессионизм и

регионализм, которые являются частными и наиболее интенсивными формами ее проявления.

2. Развитие дезинтеграционных процессов обуславливается набором факторов, которые в большинстве случаев действуют соподчиненно. Риски пространственной дезинтеграции возникают в условиях территориальных диспропорций в уровне жизни населения, его этнокультурных особенностей и электоральных предпочтений, транспортной оторванности региона, исторических примеров дезинтеграции (требований или реализации автономии или полной независимости) и неравномерного распределения военно-силового контингента, а также влияния иностранных государств посредством широкого набора используемых инструментов.

3. Факторы пространственной дезинтеграции оказывают друг на друга воздействие, формируя кумулятивный эффект, в результате возможна реализация моделей тотальной дезинтеграции региона. При условии ослабления геополитического поля государства вероятными исходами тотальной дезинтеграции представляются следующие: сецессия, ирредентизм, «серая зона» и изолированный регион.

Методика оценки рисков пространственной дезинтеграции для страны в целом базируется на принципе субъективной значимости для населения: чем больше людей проживает в ареалах, подверженных значительному риску дезинтеграции по тому или иному фактору, тем этот фактор важнее для повседневного существования этих людей, а потому важнее для государства. Общий риск пространственной дезинтеграции для того или иного региона представляет собой число факторов с высокими рисками пространственной дезинтеграции (экономических, политических, транспортных, этнокультурных и др.).

Глава 2. Характеристика факторов пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки

Методика оценки рисков пространственной дезинтеграции, по возможности, старается охватить наиболее важные различия между населением (и территорией) разных уголков государства. Эти различия есть не что иное, как проявление факторов пространственной дезинтеграции. В рамках исследования предполагается, что риски пространственной дезинтеграции существуют во всех странах мира, но их величина различается.

Данная глава посвящена характеристике проявлений каждого из выявленных ранее факторов пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки.

2.1. Исторический фактор

Начиная с 1830-х годов, когда все рассматриваемые в работе страны Латинской Америки, за исключением Кубы и Панамы, получили независимость, проходил процесс формирования и укрепления государственных границ. Новые суверенные государства возникали не только как участники процессов мировой экономики и геополитики, но и как категория в мышлении людей, населявших данные страны. Отдельные индейские племена, общины креолов, метисов, а также чернокожие рабы объединялись в рамках новых социальных институтов республиканских государств, формировалась общая для страны идентичность.

Характеризуя отдельные ареалы по длительности периода дезинтеграции, можно отметить, что большинство исторических примеров дезинтеграции носило эпизодический характер и нарушение связей с другими территориями того же государства, как правило, длилось недолго. В условиях формирования новых государств центральные власти старались как можно быстрее подавить отдельные очаги недовольства для предотвращения сепаратизма.

Однако история Латинской Америки знает немало примеров, когда дезинтеграция и сецессия длились более года. Наиболее известные примеры такой дезинтеграции – Республика Рио-Гранде в Бразилии, республики Юкатан и Санта-Крус в Мексике.

Другая группа примеров дезинтеграции – антиправительственные мятежи и восстания, которые были локализованы на определенной территории. В процессе изучения данного вопроса можно определить наиболее беспокойные территории государств: в Бразилии это развитый Юг и отсталый Северо-Восток, в Аргентине – провинции в бассейне Ла-Плата (историческое и экономическое ядро государства), в Колумбии – департаменты на берегу Тихого океана. Во всех остальных странах крупные антиправительственные выступления не были пространственно сконцентрированы, либо быстро подавлялись. Исключением может стать Венесуэла: беспокойные 1860-е годы были осложнены двумя волнами протестов, которые не удается определить какими-либо географическими факторами.

После определения основных единиц АДД, которые испытывали территориальную дезинтеграцию в прошлом (а также установления срока, в течение которого продолжалось нарушение связей), необходимо рассмотреть повторность данного явления. Справедливо указать, что для большинства регионов период дезинтеграции протекал единожды, однако провинция Энтре-Риос в Аргентине трижды успешно выступала против федерального правительства, Кордова (Аргентина), Пернамбуку, Сеара, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул (все – Бразилия) проводили затяжные акции протеста, сопровождавшиеся экономической и политической дезинтеграцией дважды за свою историю. Похожая ситуация была в провинции Буэнос-Айрес (Аргентина), которая дважды заявляла о своей независимости. Все эти регионы уже имеют опыт фактически осуществленной тотальной дезинтеграции, более того, они стремились достичь его не один раз.

Третий вид исторических примеров дезинтеграции связан, прежде всего, с деятельностью групп, которые не преследуют цели отделения от государства, однако они оказывают существенное влияние на жизнь отдельного региона. Феномен «неконтролируемых территорий» для Латинской Америки довольно широко распространен, однако на сегодняшний день его не так легко пространственно определить (чаще всего это трущобы крупных городских агломераций, либо отдаленные участки территории государства). Примерами этого в Латинской Америке стали районы, контролировавшиеся леворадикальными группировками ФАРК в Колумбии и «Сендеро Луминосо» в Перу, колумбийский департамент Антьокия, бывший «вотчиной» Медельинского наркокартеля во времена его расцвета, а также ряд штатов Мексики, которые вовлечены в войну с наркоторговцами (с 2006 г. по настоящее время). К таковым можно отнести Чиуауа, Тамаулипас, Герреро, Синалоа, Нижнюю Калифорнию, Нуэво-Леон, Мичоакан. Принимая во внимание противозаконную деятельность данных организаций, есть смысл данное проявление выделить в качестве **криминального подфактора** пространственной дезинтеграции как частную разновидность исторического фактора. В данном случае функции управления территорией и населением осуществляется нелегальными альтернативными институтами.

Исторически относительный успех деятельности леворадикальных группировок в регионе был обусловлен поддержкой их идеологии частью сельского населения. Однако некогда ареал распространения власти ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа) был шире, но агрессивная деятельность группировки (захват заложников с целью выкупа, диверсии, взрывы, теракты, направленные на высокопоставленных лиц) не вызвала отклика и поддержки у большинства жителей. В этом плане колумбийские департаменты Какета, Мета, Гуавьяре и Путумайо отличаются наиболее устойчивым положением ФАРК из-за распространения повстанцами различной гуманитарной помощи среди местного населения.

Ряд источников отмечает, что бывшие партизаны становятся сельскими врачами и учителями: лечат больных и стараются давать навыки чтения и письма местной молодежи. Ранее, в период своего расцвета, организация могла реализовывать даже небольшие инфраструктурные проекты в виде прокладки грунтовых дорог, строительства мостов и т.д. [Донченко, 2010].

Еще более радикальным и архаичным примером левонационалистического терроризма является деятельность перуанской группировки «Сендеро Луминосо» (в переводе с испанского – «Сияющий путь»), взгляды которой во многом схожи с теми, что проповедуют бойцы ФАРК, но с бóльшим уклоном в индейский национализм. Пик действий движения пришелся на 70-80-е годы прошлого столетия, но с течением времени активность сендеристов угасает, проявляясь в отдельных актах насилия против жителей небольших населенных пунктов, персонала воинских частей или охраны инфраструктурных сооружений. География поддержки сендеристов сокращается в течение последних трех десятилетий, однако их позиции все еще сильны в отсталых горных департаментах Перу (Апуримак, Аякучо, Укаяли и Хунин).

Еще один важный пример территории, где федеральные власти не могут полноценно проводить собственную политику – самый бедный мексиканский штат Чьяпас. Он сложен как в этнокультурном, так и в физико-географическом аспекте, краеугольным камнем экономической политики государства стал «земельный вопрос»: социальное неравенство и нищета напрямую связаны с несправедливым распределением земельных наделов среди населения. Период засилья латифундистов в данном штате исчисляется веками, а сменяющие друг друга центральные власти не могут (или не хотят) решать данный вопрос.

Сапатисты и их главная социальная база – бедное индейское население, укрепились в горной сельве. Несмотря на многочисленные попытки федеральных войск разрешить конфликт силовым путем, военные кампании не увенчались успехом во многом из-за поддержки сапатистов со стороны

населения других штатов Мексики и правозащитных организаций по всему миру. На сегодняшний день сложилась патовая ситуация: федеральные войска не могут эффективно действовать в условиях гор и сельвы, а индейцы и сапатисты не рискуют спускаться в крупные города и предпочитают вести агитацию в масс-медиа. В отличие от ФАРК и «Сендеро Луминосо», деятельность которых носит откровенно деструктивный характер (террор, диверсии), сапатисты сражаются прежде всего в информационном поле и могут продолжать это делать в течение долгих десятилетий (стоит признать, что продолжительность сопротивления правительственным войскам у более радикальных группировок также измерялась десятилетиями) [Попова, 2015].

Важно обратить внимание и на аспекты географического положения. Стремление к дезинтеграции и независимости необходимо подкреплять программой предполагаемого дальнейшего суверенного развития, которое вряд ли представляется возможным без налаживания внешнеторговых связей. Для Латинской Америки, как региона колониационного освоения, важнейшим для развития элементом географического положения служит выход территории к океану. Эта важность подтверждается историческими примерами сецессий: большинство регионов, которые боролись за независимость, выходили к побережью (исключение – горные районы Перу).

2.2. Социально-экономический фактор

В случае Латинской Америки для определения регионов – «локомотивов» и регионов – аутсайдеров экономического развития подходит использование показателя ИЧР. Разнообразие природных условий и исторических особенностей освоения территории привело к неравномерности расселения: большие площади государств остаются необжитыми, зачастую там ведется только добыча полезных ископаемых (прежде всего, нефти, газа и цветных металлов), что приводит к повышенным душевым показателям ВРП.

Примерами таких территорий с преимущественно сырьевой специализацией являются Антофагаста в Чили, Мокегуа в Перу, Касанаре в Колумбии, Огненная Земля и Санта-Крус в Аргентине.

С другой стороны, подобный аспект в методике исследования актуально брать во внимание и при работе с регионами – аутсайдерами: как правило, низкие показатели душевого ВРП характерны для ареалов расселения коренных народов, занятых в производствах с низкой добавленной стоимостью. Наиболее ярко это можно наблюдать на примере административных единиц тех государств, которые располагаются в пределах амазонской сельвы: Амазонас в Бразилии, Лорето в Перу, Орельяна в Эквадоре и др.

Первая группа регионов с повышенным уровнем ИЧР – **столичные регионы**. Это лидерство обусловлено прежде всего двумя обстоятельствами.

Во-первых, небольшой площадью АТЕ и высоким уровнем урбанизации: чаще всего столичный регион представляет собой целостную городскую агломерацию. В городской среде, по совокупности причин, средняя продолжительность жизни больше за счет лучшего доступа к медицинской помощи, аптекам, более развита инфраструктура для спорта, досуга, культуры. Уровень образования населения выше за счет сосредоточения организаций всех уровней обучения (школы, колледжи, университеты, академии и др.).

Во-вторых, повышенные душевые показатели ВРП объясняются налоговыми отчислениями крупных компаний, которые чаще всего являются резидентами столиц. С другой стороны, потоки капитала аккумулируются из иностранных инвестиций: латиноамериканские столицы обладают крупным потенциалом развития за счет налогооблагаемой базы ресурсных и промышленных компаний, относительно невысоких издержек на содержание

рабочей силы и наличия инфраструктуры². Нельзя не оставить без внимания концентрацию в столицах национальных банков, фондовых бирж, штаб-квартир телекоммуникационных компаний и других важных предприятий непроизводственной сферы³.

Контрасты в развитии между столичным регионом и периферией в латиноамериканских странах проявляются по-разному. Существенные разрывы в уровне социально-экономического благосостояния приводят к целому комплексу проблем, прежде всего к ложной урбанизации в столице и возникновению дезинтеграционных движений в провинции. Наибольшие разрывы в показателях ИЧР между столицей и средним для страны показателем (Лима и Перу – 0,2 пункта; Пичинча и Эквадор – 0,13, Манагуа и Никарагуа – 0,126) объясняются не экономическим неравенством и отсутствием гибкой региональной политики, а самим весом столичного региона в стране.

В большинстве стран региона столицы (исключения – Бразилия, Эквадор и Боливия с экономическими столицами Сан-Паулу и Санта-Крус-де-ла-Сьерра) остаются ведущими экономическими центрами, концентрируя солидную долю всего населения страны и ВВП. В условиях безоговорочного лидерства по двум важным показателям (численность населения и доля в совокупном ВВП) в отношении остальных регионов собственных стран вопрос экономической сецессии столичных регионов нецелесообразен. Во-первых, концентрируя внутри столичной агломерации отрасли непроизводственной сферы, столичный регион тесно связан потоками товаров, капитала и рабочей силы с другими территориями страны. Во-

² Las mejores ciudades para invertir en América Latina // Forbes Mexico. URL: [://www.forbes.com.mx/las-mejores-ciudades-para-invertir-en-america-latina](http://www.forbes.com.mx/las-mejores-ciudades-para-invertir-en-america-latina) (дата обращения 11.11.2023).

³ Cuáles son las mejores ciudades latinoamericanas para invertir // iProfesional. URL: [://actualidad.rt.com/galerias/economia/view/131215-mejores-ciudades-america-latina-invertir](http://actualidad.rt.com/galerias/economia/view/131215-mejores-ciudades-america-latina-invertir) (дата обращения 11.11.2023).

вторых, благополучие столицы и ее процветание во многом зависят от сотрудничества с периферией: экономическая сецессия приведет к ухудшению отношений и в торговом, и в политическом плане, средства от реализации минеральных ресурсов на внешних рынках начнут «оседать на местах», что невыгодно ни руководству страны, ни иностранным инвесторам.

Вторую группу регионов с высокими показателями ИЧР формируют **нестоличные городские агломерации** с развитой диверсифицированной экономикой, которые выступают **экономическими центрами** своих стран. Для данной группы заинтересованность в территориальной целостности страны не подкреплена политическими мотивами, более того, как правило, такие регионы являются донорами финансовых средств для менее развитых регионов, что в других частях мира приводит к процессам сепаратизма («сепаратизм богатых» в канадском Квебеке, испанской Каталонии, Северной Италии и др.) [Заяц, 1999]. Несмотря на значительную централизацию финансовых активов в столичных регионах Латинской Америки, можно выделить группу важных «локомотивов развития», удаленных от столиц. Это бразильские штаты Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Санта-Катарина, боливийский департамент Санта-Крус, колумбийские департаменты Валье-дель-Каука и Атлантико, эквадорский Асуай, перуанская Арекипа, панамский Колон, костариканский Картаго, гондурасский Кортес и др. Не стоит забывать и о такой статье дохода, как международный туризм, где некоторые нестоличные города могут конкурировать с политическими центрами своих стран [Рахманов, 2018].

Как правило, недовольство центральными властями, провоцирующее усиление риска пространственной дезинтеграции, происходит от изъятия доходов региона посредством высокого налогообложения и перераспределения финансовых ресурсов в более нуждающиеся административные единицы.

Третья группа регионов-лидеров по ИЧР – это районы со значительным **природно-ресурсным потенциалом**. Латинская Америка

хорошо обеспечена запасами минеральных и биологических ресурсов, что приводит к росту показателей развития экономики и реже – социальной сферы. К подобным ресурсным ареалам можно отнести чилийские регионы Тарапака и Антофагаста (руды цветных металлов, селитра, рыба), Тариха и Пандо в Боливии (нефть и газ), Огненная Земля, Чубут и Санта-Крус в Аргентине (нефть и газ) и др. Как правило, эти территории относительно слабо заселены, а высокие доходы в добывающей отрасли нивелируют имеющееся отставание в социальной сфере.

Четвертая группа относительно высокоразвитых регионов – **мелкие (карликовые) и малонаселенные регионы**, обеспечивающие свое благосостояние за счет туризма и узко специализированного хозяйства. Немногочисленными примерами регионов этой группы можно считать Сан-Андрес и Providencia в Колумбии, Галапагос в Эквадоре, Мальдонадо в Уругвае, венесуэльский Варгас.

К **пятой группе** можно отнести **северо-мексиканские штаты**, которые тесно связаны с США потоками капитала, товаров, услуг и рабочей силы. К таковым следует отнести обе Нижние Калифорнии, Нуэво-Леон, Сонору, Коауилу и Тамаулипас.

Несмотря на представленную классификацию пространственных диспропорций развития, социально-экономическое лидерство может стать причиной дезинтеграции прежде всего регионов второй группы (нестолличные административные единицы с крупными городами, имеющих диверсифицированную экономику) и в меньшей степени – пятой. Другие группы более стабильны, они теснее связаны с другими регионами своих стран: ресурсные районы осваиваются, как правило, на средства других регионов (прежде всего столицы и регионов-доноров капитала), сами по себе слабо заселены и освоены (низкая численность и плотность населения). Карликовые регионы, выступающие туристскими дестинациями, ориентируются на международный и внутренний туризм, хозяйственная деятельность там ограничена либо размерами территории, либо наличием

крупных охраняемых территорий. Регионы пятой группы, несмотря на тяготение к южным штатам США и тесным сообщением с ними, выступают важным геополитическим «буфером»: за счет более высокого уровня развития, северные штаты Мексики могут сдерживать потоки мигрантов из своей страны и стран Центральной Америки в США. Стоит отметить, что разрыв в показателях ИЧР между южными штатами США и северными штатами Мексики составляет 0,15–0,17 пунктов, что лишь способствует усилению мексиканской эмиграции. Поэтому для регионов Северной Мексики характерны определенные риски дезинтеграции, обусловленные экономическим тяготением к США.

Как и в случае с относительно процветающими регионами, «нуждающиеся» девиантные административные единицы по рискам дезинтеграции можно условно разделить на две группы:

1. **дотационные** – не предпринимающие шагов к экономической дезинтеграции, стремящиеся к сотрудничеству с остальными регионами, лояльные центральной власти ввиду получения от нее субсидий;

2. **стремящиеся к децентрализации** – их элиты считают, что сложившаяся катастрофическая ситуация с региональной экономикой и социальной сферой – следствие несправедливого распределения ресурсов (финансовых, кадровых, природно-ресурсной ренты) со стороны руководства страны. Территории данного типа стремятся к наибольшей автономии (в наиболее сложных случаях, когда действуют не только экономические, но и другие факторы дезинтеграции – к независимости с образованием собственного государства) и ориентированы на внутренние ресурсы или сотрудничество с зарубежными странами.

При анализе территорий латиноамериканских стран, отстающих в экономическом развитии, необходимо отметить, что на их отставание прежде всего оказали влияние природные и этнокультурные аспекты. Говоря о классификации отстающих регионов, можно выделить следующие группы.

Первая группа – районы с большой долей коренного населения, или представителей неевропеоидных расовых типов, расположенные в относительно дискомфортных природных условиях (горная местность, джунгли). Подразумеваемая исключительно социально-экономическую сторону данного вопроса, важно учитывать, что несмотря на то, что большинство коренных этносов были ассимилированы европейскими колонизаторами, потомки индейцев продолжают вести образ жизни, схожий с тем, что вели их предки (малотоварное сельское хозяйство). Доминируют в таких регионах сёла, где есть проблемы с доступом к образованию, здесь ниже уровень здравоохранения, ниже доходы и продолжительность жизни. В Мексике, со значительной долей смешанного и коренного населения, коэффициент корреляции между долей индейцев в штате и уровнем ИЧР, который учитывает уровень образования и продолжительность жизни, составляет -0,6, что говорит о наличии отрицательной зависимости. В Колумбии этот же коэффициент составляет -0,71.

Более важным с экономической точки зрения становится добыча полезных ископаемых (нефти, газа, меди, олова, бокситов, свинца, золота, серебра, редкоземельных металлов, соли, селитры и др.), реализация которых на внешних рынках формирует бюджет региона.

Аутсайдеры первой группы встречаются во всех странах, расположенных в пределах Андского горного пояса от Южной Мексики до Боливии.

Практически во всех случаях тяжелое социально-экономическое положение не приводит к экономической дезинтеграции, а скорее наоборот – регионы стремятся активнее сотрудничать с экономическим центром и остальными частями страны. От продажи на рынке добытых ресурсов, привлечения инвестиций, потоков туристов зависит экономическое самочувствие региона, а либеральные шаги властей в сфере этнокультурных вопросов предупреждают межэтнические и межрасовые конфликты. На сегодняшний день, единственным заметным исключением из этой

закономерности является низкодоходный мексиканский штат Чьяпас, в котором дезинтеграция продолжается уже несколько десятилетий под влиянием социально-экономического и этнокультурного факторов.

Вторая группа – регионы с высоким уровнем распространения организованной преступности. Этот тип регионов встречается гораздо реже. Незаконная добыча полезных ископаемых, производство кокаина, высокий уровень убийств – все это безусловно влияет на показатели индекса человеческого развития в худшую сторону. Примерами таких регионов можно назвать департаменты Магдалена, Нариньо, Каука, Чоко в Колумбии, а также штаты Баия, Алагоас, Сеара, Акри, Пара в Бразилии⁴. Оценить риск дезинтеграции в таких регионах относительно сложно: с одной стороны, преступные группировки, безусловно, представляют альтернативную вертикаль власти, зачастую подвергая дезинтеграции весь регион или его часть. С другой стороны, ресурсы, которыми обладают незаконные формирования, позволяют в некоторой степени самостоятельно определять внутреннюю политику региона, вплоть до лоббирования приемлемых кандидатов в органы местного управления. В результате криминальные элементы объективно не заинтересованы в чрезмерном усилении дезинтеграционных процессов.

Важно понимать, что кажущаяся на первый взгляд стабильность экономических лидеров и аутсайдеров – это временный эффект. В ходе исследования было установлено, что сложившаяся социально-экономическая обстановка формировалась десятилетиями (в лидерах и аутсайдерах нет кардинальных перемен за последние 20 лет), поэтому потенциалом для дезинтеграции на основе социально-экономического фактора обладают десятки единиц АТД Латинской Америки.

⁴ Atlas de Violencia // Portal de Governo do Brasil. URL: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/>

2.3. Внутриполитический фактор

Современная внутриполитическая картина региона тесно связана с историей формирования политических и социальных институтов в Латинской Америке. К ключевым особенностям внутренней политики следует отнести гипертрофированную роль личности (явление каудильизма – исп. «caudillo» – вождь, предводитель), отсутствие стабильного политического центра («левый поворот» в политике зачастую сменялся «правым») и активное участие в государственном управлении военных сил (власть постоянно переходила от военных к гражданским администрациям и снова к военным). «Правые» и «левые» дрейфы изучены в отечественной латиноамериканистике достаточно подробно [Латинская Америка..., 2017]. Столь непростую электоральную картину осложняет и сильное геополитическое влияние США в ряде государств региона (прежде всего, в Колумбии, Панаме, Эквадоре) [Ивановский, 2020], [Воротникова, 2019].

Политическое самосознание населения выражено неравномерно на всем латиноамериканском пространстве: в ряде государств не сформировано регионов с устойчивыми электоральными предпочтениями, в то время как в соседних странах электоральный рисунок стабилен и практически не меняется в течение десятилетий. Это можно утверждать по результатам исследования, выполненного на основе последних 4-5 избирательных циклов, прежде всего президентских кампаний (хотя зачастую в странах региона выборы всеобщие, одновременно проводятся президентские, парламентские и муниципальные выборы).

Математически риск дезинтеграции по внутриполитическому фактору понимается как модуль отклонения доли поддержки победившей политической партии или блока в регионе от средних ее показателей в стране в конкретной избирательной кампании. Помимо этого, учитывалось и наличие противоположного результата: победа оппозиционных сил в отдельно взятом регионе. При условии, что в регионе оппозиционные силы пользуются большей поддержкой, а результаты выборов проявляют наиболее

сильное отклонение в стране, АТЕ присуждался показатель наибольшего риска дезинтеграции по внутривыборному фактору. Рассматривались результаты президентских выборов, а в случае их прохождения в два тура – результаты лишь 1-го тура. Это продиктовано политическим устройством изучаемых государств, поскольку все они являются президентскими республиками. Необходимо принять во внимание и сложность анализа голосования за политические партии и движения ввиду частого их объединения в разношерстные коалиции, зачастую популистского толка и со слабо различимыми политическими программами.

Страны со стабильными электоральными районами условно разделены на два типа: со сформировавшимися районами – государства, в которых электоральный рисунок за редкими исключениями не менялся на протяжении всего исследуемого периода, и с формирующимися районами. В странах с еще формирующимся электоральным рисунком встречаются флуктуации – резкая смена поддержки кандидата определенного политического спектра, существенные электорально-географические различия между первым и вторым турами президентских кампаний. Страны без ярко выраженного электорального ландшафта не отмечены такими флуктуациями. Особое место занимает Куба, в которой политический плюрализм до сих пор недостижим (табл. 3).

Таблица 3. Классификация стран Латинской Америки по особенностям электорального районирования [составлена автором].

Страны с отчетливо выраженными электоральными районами	Страны без ярко выраженных пространственных электоральных закономерностей	Страна с однопартийной политической системой
Бразилия, Боливия, Мексика, Панама, Уругвай, Чили, Эквадор, Венесуэла	Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Аргентина, Никарагуа, Коста-Рика, Колумбия, Перу, Сальвадор, Парагвай	Куба

Исходя из этого, на данном этапе работы можно выдвинуть тезис о том, что внутривыборный фактор может предопределить дезинтеграцию

лишь в странах с отчетливо выраженными географическими закономерностями голосований. Более того, определение девиантных территорий возможно лишь при достаточном уровне развития демократических институтов. Наиболее важными критериями этого являются легитимные выборы президента и парламента, соблюдение конституции, высокое гражданское самосознание, которое может выражаться в значительной явке на выборы. Стоит указать, что большинство государств, несмотря на существенные внутривнутриполитические проблемы, на современном этапе развития в той или иной степени отошли от традиций каудильизма. Так, например, индекс демократии довольно высоко оценивает развитие демократических институтов в латиноамериканских государствах (табл. 4).

Определяя возможные предпосылки для отклонений в политических предпочтениях, можно сделать следующие выводы: большинство регионов Латинской Америки, позиционирующиеся как «оппозиционные», можно сгруппировать на основе трех предпосылок.

1) *Социально-экономические предпосылки.* Традиционно, в беднейших оппозиционных регионах население предпочитает выбирать политические силы, предлагающие в своих программах крупные социальные преобразования и обеспечение минимальных благ (левые движения). Исключениями являются Араукания, Сан-Паулу, Санта-Катарина, Лима, Санта-Крус и Гуаяс – экономически процветающие территории, где социальные требования в той или иной степени смягчаются повышенным уровнем жизни. Избиратели данных регионов скорее выступают за защиту частной собственности и гражданских прав, поэтому здесь доминируют правые или центристские движения.

2) *Исторические предпосылки.* Некоторые регионы предпринимали попытки территориальной дезинтеграции в прошлом. Вопрос о влиянии опыта повстанческой деятельности и попыток сецессии на современную политическую панораму является дискуссионным. Однако субширотный оппозиционный пояс Аргентины из провинций Санта-Фе, Кордова, Энтре-

Риос и столичного округа поднимал восстания против действующего режима, выражая несогласие достаточно радикальными способами еще в конце 1960-х – 1970-х годах. Особая политическая позиция в данных регионах сохранилась и сейчас, а схожими примерами в соседних государствах являются штаты Северо-Востока Бразилии, Санта-Катарина, Сан-Паулу, мексиканский Чьяпас и т.д.

3) *Демографические предпосылки.* В данном случае имеется в виду малочисленность населения, проживающего в пределах исследуемых АТЕ первого порядка. Ангажированность определенных социальных слоев в условиях небольшой численности жителей существенно искажает электоральную картину в государстве: небольшие комарки в Панаме с численностью населения 10–30 тысяч преимущественно выбирают левые движения, при этом общая численность электората в государстве – несколько миллионов. Регионы задают иной электоральный ландшафт, однако социальная база подобного изменения крайне малочисленна для того, чтобы говорить о возможной пространственной дезинтеграции. Подобная ситуация наблюдается с целым рядом регионов центрального Уругвая, которые в совокупности (5 административно-территориальных единиц) аккумулируют небольшую долю населения государства.

2.4. Этнокультурный фактор

Принимая во внимание историю освоения Латинской Америки, важно отметить чрезвычайно пеструю этнорасовую панораму. Фундаментом латиноамериканских наций стали выходцы из Европы (прежде всего испанцы и португальцы, в меньшей степени – французы, итальянцы и др.), население Африки, которое веками обслуживало колонизаторов в качестве рабочей силы, а также коренные американцы – сотни индейских племен, которые в процессе конкисты были покорены колонизаторами.

Столкновение и последующее взаимодействие европейской, африканской и индейской цивилизаций нашли свое отражение в

формировании многочисленных этнических и расовых комбинаций: значительная доля современного населения Латинской Америки имеет смешанное происхождение. Например, большая часть населения центральноамериканских государств состоит из метисов – потомков браков европеоидов и индейцев, в Бразилии практически сравнялась численность белого населения и так называемых «парду» («пардос») – группы, выделяемой отдельно от бразильцев европейского, азиатского, африканского или индейского происхождения, являющейся смешением почти всех вышеперечисленных расовых типов. В самой крупной стране Латинской Америки насчитывается не менее 85 млн парду⁵.

Несмотря на сложный этнорасовый состав, как с позиции генетических исследований, так и с позиции самоидентификации населения, в латиноамериканском регионе условно можно выделить государства с доминированием европейского («белого»), африканского (негроидного) и индейского по происхождению населения. Так, например, к первой группе относятся: Аргентина (85% назвали себя белыми)⁶; Уругвай (82%) (Sans et al., 2006); Коста-Рика (83%, в это число включается не только белое население («бланкос»), но и смешанное – метисы, потомки белых и индейцев⁷. Можно предположить, что в случаях Уругвая и Аргентины сыграл свою роль природный фактор: первоначально это была территория (Пампа), хозяйство которой базировалось на животноводстве (большинство населения были гаучо с семьями), и труд негров-рабов здесь не был востребован в отличие от районов интенсивного плантационного тропического растениеводства. Стоит принять во внимание историю возникновения суверенного Уругвая, который

⁵ Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/populacao.html (дата обращения 11.11.2023).

⁶ El mapa genético de Argentina: estudio de expertos de la UBA. Silvina Heguy, Clarín, Buenos Aires, 16 de enero de 2005. URL://web.archive.org/web/20151117020702/http://elmuseoviajero.com.ar/wp-content/uploads/Archivos/M%C3%A1s-de-la-mitad-de-los-argentinos-es-originario.pdf (дата обращения 11.11.2023).

⁷ Censos 2011 // Instituto nacional de estadística y censos. URL://www.inec.cr/censos/censos-2011 (дата обращения 11.11.2023).

выделился из состава Бразильской империи в 1825 г. как часть с наиболее европеоидным населением.

Ко второй группе стран можно отнести Гаити: 95% населения страны составляют выходцы из Африки⁸. В Колумбии важное место занимают афро-колумбийцы (чуть менее 11% населения, концентрирующиеся в департаментах тихоокеанского побережья (Нариньо, Каука, Вилья-дель-Каука, Чоко)⁹, а также афро-доминиканцев (10% с ярко выраженной негроидной доминантой и значительная часть в составе смешанного населения)¹⁰. Наибольшей численности в абсолютном выражении латиноамериканцы африканского происхождения достигают в Бразилии (14 млн человек), они концентрируются главным образом в штатах Баия и Рио-де-Жанейро.

Относительно третьей группы стран с превалированием индейского происхождения есть несколько нюансов. Разные источники, которые проводят подобные оценки, предоставляют разные результаты. Это во многом зависит от того, разделяют ли исследователи в собственном подходе этнические группы метисов и собственно индейцев. Важной особенностью является территориальная привязка индейских племен к земле предков, что позволяет предполагать пространственную концентрацию данной группы в определенных локациях.

Однако, подобный первичный срез направлен исключительно на анализ общей этнокультурной картины Латинской Америки. Подобный подход не является полностью достоверным не только по причине расхождения статистических данных по определенным этнорасовым группам, но и ввиду сложной и неоднородной композиции внутри

⁸ The World Factbook, CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (дата обращения 11.11.2023).

⁹ Afrocolombiana // ElPais.com.co. URL: <https://www.elpais.com.co/noticias/afrocolombianos/> (дата обращения 11.11.2023).

¹⁰ World Directory of Minorities and Indigenous Peoples – Dominican Republic // The UN Refugee Agency. URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=country&category=&publisher=&type=COUNTRYPROF&coi=DOM&rid=&docid=4954ce1923&skip=0> (дата обращения 11.11.2023).

выделяемых групп. В меньшей степени это касается белого и афролатиноамериканского населения, но крайне важно при более глубоком изучении территорий, населенных преимущественно коренными народами. Несмотря на фундирующую функцию испанского (в Бразилии – португальского) языка, а также распространения христианства, культура большинства индейцев остается обособленной, более того – потомки определенных индейских племен зачастую обособляются от потомков иных коренных народов. Пример этого – этнос кечуа в Андах, исследователи выделяют до 5 языковых подгрупп данного народа, взаимопонимание между которыми затруднено ввиду использования разных диалектов. Проявление стремления к дезинтеграции на уровне политического пространства страны во многом зависит от истории взаимодействия коренного населения с колонизаторами, степени ассимиляции, экономического и культурного взаимопроникновения, современного правового статуса индейских территорий и индейцев как составной части общества, обладание этническим самосознанием.

Несмотря на значительное пространственное распространение индейского населения, конфликты и дезинтеграционные тренды относительно малочисленны по сравнению с другими полиэтничными и поликультурными регионами мира. Однако, существует несколько ярких примеров, позволяющих говорить об актуальности этнокультурного фактора пространственной дезинтеграции в Латинской Америке. Прежде всего – это южный мексиканский штат **Чьяпас**.

Сразу стоит отметить, что в данном регионе этнокультурный фактор тесно взаимосвязан с социально-экономическим. Будучи одним из самых индейских штатов в Мексике (индейцы составляет чуть более 36%), Чьяпас в течение нескольких последних десятилетий занимает последнее место по уровню индекса человеческого развития – во многом из-за сохранения традиционного образа жизни индейцев и их малограмотности. Прежде всего, это относится к таким индейским общностям, как цоцили и центали, которые

активно сопротивлялись колонизаторам в прошлом, а ныне противодействуют ассимиляции, поддерживая собственные обычаи, праздники, изготавливая продукты традиционной материальной культуры.

Еще одной страной, в которой есть потенциальные риски дезинтеграции по этнокультурному фактору, является Панама. В Панаме наблюдается слабый уровень социальной и экономической интеграции коренного населения в важнейшие процессы, протекающие внутри страны. Индейцы живут преимущественно в комарках – особых административно-территориальных единицах, имеющих значительную автономию. К таким комаркам относятся Гуна-Яла, Нгобе-Бугле и Эмбера-Воунаан. Ввиду сохранения архаичного образа жизни большинство индейцев остаются без качественного образования и медицинского обеспечения, как следствие – они не востребованы в крупных городах в качестве специалистов. Обособленное проживание в джунглях сохраняет их язык и культуру, но препятствует коммуникации с государственной властью. Наиболее острой фазой проявления дезинтеграции можно считать силовое вмешательство государства в жизнь индейцев: для строительства ГЭС и разработки месторождения полезных ископаемых правительство пытается потеснить местные племена. В этом плане конфликт в Барро-Бранко можно назвать показательным: государство не может предложить коренным панамцам никакой иной компенсации за затопляемые сельскохозяйственные угодья, кроме денежной, однако этносы нгобе и бугле слабо интегрированы в экономическую систему государства и между землей и ее денежным эквивалентом выбирают первое. Вторым важным моментом в данной ситуации является духовная привязанность индейцев к собственной среде обитания, культ земли как «кормилицы», поэтому ее порча, тем более

«белым» населением рассматривается как посягательство на культурную самобытность¹¹.

Неоднозначная ситуация складывается и с точки зрения этнолингвистических и религиозных аспектов: если в Гватемале и Мексике большинство племен совмещали использование в обиходе испанского и местного языков, а в вопросах религии – местные верования и католицизм, то в случае коренного индейского населения Панамы эклектика и синкретизм отсутствуют: ярко выражено сохранение традиционного языка и собственных культов. Однако, индейцы для защиты собственных прав обратились к главе Римско-католической церкви папе Франциску, чтобы он лично смог урегулировать амбиции государственных властей.

Переходя к характеристике индейских общностей на территории Андских стран, следует скорректировать наш подход: если в Центральной Америке каждая страна имела собственный «набор» индейских общностей (которые происходили из единого коренного этноса, например, майя), то в случае государств Южной Америки фокус сужается до нескольких этнических групп, крупнейшие из которых – аймара и кечуа, которые размещены почти во всех государствах Центральных Анд. Аймара присутствуют в Боливии, Чили и Перу в высокогорных ландшафтах, кечуа – преимущественно в Перу и Боливии, частично в Эквадоре. Отдельно стоит упомянуть про индейцев Амазонии, которые, ввиду своей малочисленности, представляют меньший интерес для исследования.

Помимо Мексики и Панамы, значительная пространственная дезинтеграция по этнокультурному фактору отмечена в Боливии: между западом и востоком страны проявляются существенные различия в социокультурной среде и идентичности. Так, например, горный запад (департаменты Ла-Пас, Потоси, Оруро, Кочабамба) населен преимущественно индейцами (прежде всего, аймара), в то время как восток

¹¹ Panamá: piden al Papa interceder en conflicto por Barro Blanco // teleSURtv.net. URL: <https://www.telesurtv.net/news/Panama-piden-al-Papa-interceder-en-conflicto-por-Barro-Blanco-20150728-0005.html> (дата обращения 11.11.2023).

(департаменты Санта-Крус, Бени, Тариха) – потомками креолов (белых). После того, как бывший президент Эво Моралес (аймара по происхождению) возвел куст коки в культ (планировалось его активное использование в пищевой и легкой промышленности), подобный шаг был осужден со стороны США. Относительно «белое» население боливийского востока также выразило протест против культа коки в государстве, эскалируя конфликт. Боливийские бланкос («белые») видят в коке одну из причин негативного имиджа страны на международной арене, в то время как для индейцев данное растение выступает важным элементом в их духовных практиках.

Таким образом, вопрос об этнокультурных факторах дезинтеграции остается открытым. Несмотря на то, что в мире наибольшее количество очагов сепаратизма связаны с этноконфессиональными различиями противостоящих сторон конфликта, дезинтеграционные процессы в Латинской Америке детерминируются прежде всего иными факторами. Наиболее яркие примеры дезинтеграции по этнокультурному фактору – мексиканский Чьяпас, панамские комарки Нгобе-Бугле, Гуна-Яла, Эмбера-Воунаан, а также департаменты Боливии.

Несмотря на пестрый этно-расовый состав почти всех государств региона и неоднозначную оценку действий отдельных акторов внутренней политики, коренное население Латинской Америки включено в межкультурный диалог, крепко взаимодействуя как с белым, так и со смешанным населением, перенимая его культуру и достижения, а взамен обогащая своими духовными ценностями.

2.5. Транспортный фактор

Как уже было отмечено, в Латинской Америке транспортное освоение во многом выступает индикатором социально-экономического благополучия: чем лучше освоена территория региона, гуще покрыта сеть сухопутных путей, имеет выход к океану или крупным судоходным рекам, тем выше вероятность, что регион занимает высокую позицию в стране по уровню

жизни населения и социально-экономическим кондициям. Однако подобный вывод требует некоторых уточнений. Прежде всего, особняком стоят районы нового освоения со значительным экономическим потенциалом, но низкой плотностью населения, которых много в Латинской Америке. К таковым можно отнести почти все территории, лежащие в пределах Амазонской низменности; северные чилийские регионы Атакама и Антофагаста; Санта-Крус и Огненную Землю в Аргентине и др. Они специализируются на добыче природных ресурсов (полезных ископаемых, древесины, рыбы) и обладают высокими душевыми показателями ВРП. Однако это не всегда приводит к повышению уровня жизни и улучшению транспортной инфраструктуры. Поэтому для определения взаимосвязи между уровнями развития транспорта и экономики целесообразнее использовать показатель ИЧР.

В то же время проблематично сопоставить уровень транспортного освоения территории с ее физико-географическими характеристиками. Если в случае социально-экономического фактора было установлено, что ИЧР ниже в регионах, которые изолированы в природном отношении (находятся в труднопроходимых джунглях или в горах, это общемировая тенденция: горы всегда усиливают барьерную функцию, а освоение лесоболотных зон затруднительно), то тезис о деструктивном влиянии лесоболотных и горных препятствий в Латинской Америке справедлив лишь отчасти. То есть, действительно, территории, лежащие в пределах Амазонской низменности (а это значительные части Бразилии, Перу, Эквадора, Боливии, Колумбии и Венесуэлы), обладают слаборазвитой транспортной инфраструктурой. Подобным же объясняется транспортная отсталость севера Парагвая (департамент Альто-Парагвай), находящегося частично на аллювиальной равнине Пантанал. Большинство стран Центральной Америки не имеют слабо освоенных в транспортном отношении территорий. Исключения составляют Панама, Гондурас и Никарагуа, карибские побережья которых не отличаются развитой транспортной инфраструктурой.

Горная система Анд служит труднопроходимым барьером. Но совпадение субмеридионального направления основных сухопутных магистралей и положения горных хребтов позволяет прокладывать коммуникации по межгорным речным долинам и плато. Именно эта особенность позволила создать одну из главных транспортных магистралей Латинской Америки – Панамериканское шоссе, оказывающее сильное влияние на рисунок территориальной структуры хозяйства центральноамериканских и андских государств. Недостаток транспортной инфраструктуры на карибском побережье сразу нескольких государств (Панама, Гондурас и Никарагуа) связан со смещением шоссе к тихоокеанскому побережью, что было продиктовано природными особенностями территории (заболоченная местность, нездоровый жаркий и влажный климат, концентрация возбудителей болезней). С другой стороны, Анды являются серьезным препятствием для субширотных транспортных потоков, они препятствуют развитию приграничного сотрудничества стран Меркосур и андских государств.

В зарубежных исследованиях рельефу, как предпосылке усиления конфликта, отводится видное место. Ранее рассматриваемая работа Дж. Фирона и Д. Лэйтина, указывает, что в горной местности малочисленные группировки будут иметь успех в борьбе против более крупных соединений хорошо вооруженных правительственных войск [Fearon, Laitin, 2003]. Данный аргумент работает в большинстве уголков земного шара, но в латиноамериканских условиях лишь отчасти. Вероятно, причиной этому является относительно высокая транспортная связность регионов, расположенных в высокогорьях. В таких условиях предупреждается риск возникновения «изолированных» территорий и социальных групп.

Удаленность от центра (столицы) также не включена в методику расчета рисков дезинтеграции. Взаимоотношение центра и периферии не раскрывают уровень связности нестоличного региона. Можно сказать, что в Латинской Америке есть примеры регионов, находящиеся на периферии

собственных государств, но имеющие значительное количество автодорог с соседними АТЕ как своего, так и соседних государств.

Исходя из имеющихся данных по плотности автомобильных и железнодорожных путей, а также анализа транспортного рисунка на картографических источниках, становится понятно, что страны региона можно дифференцировать на несколько групп по уровню транспортной освоенности, делая поправку на размер территории. В работе В.О. Дубовика «Транспортная сеть стран Южной Америки» рассматривается ряд крупных государств и анализируется картина транспортной доступности отдельных частей данных стран [Дубовик, 2015]. Расширяя выборку государств от 5 рассмотренных (Бразилия, Венесуэла, Аргентина, Чили, Уругвай) до всех стран региона, можно составить следующую классификацию (табл. 5).

Выдвинем гипотезу, что наиболее уязвимыми для развития дезинтеграционных процессов по признаку транспортной доступности будут крупные государства с неравномерной плотностью транспортной сети, а также небольшие страны с явным дисбалансом в развитии транспортной инфраструктуры. Несмотря на то, что в государствах, отнесенных к типу «с относительно небольшими контрастами транспортной освоенности», тоже присутствуют отдельные регионы, «проседающие» по уровню освоенности, но разница не столь вопиющая, как в случае государств с «неравномерной плотностью».

Таблица 5. Классификация стран Латинской Америки по контрастности транспортной освоенности

	Крупные страны (площадь более 150 тыс. км ²)	Средние страны (от 21 до 150 тыс. км ²)
С относительно небольшими контрастами транспортной освоенности	Чили, Аргентина, Мексика, Уругвай	Сальвадор, Коста-Рика, Куба, Гаити, Доминиканская Республика, Гондурас
С резкими контрастами транспортной освоенности	Бразилия, Парагвай, Боливия, Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу	Гватемала, Никарагуа, Панама

Наиболее «оторванным» в транспортном отношении в регионе является бассейн Амазонки. Как уже было указано ранее, основные причины этого – природные условия и исторические особенности развития. Освоение Латинской Америки шло от побережий вглубь материка, что отразилось на конфигурации транспортной сети: сильно развитая приморская часть и почти незатронутые транспортным освоением внутренние территории. Коническая форма Южноамериканского материка объясняет почему в таких крупных, но относительно вытянутых вдоль побережья странах, как Чили и Аргентина, практически нет районов с низкой транспортной доступностью, за исключением южных чилийских областей – Айсен и Магальянес, а также аргентинской Огненной Земли, ориентированных на морской транспорт и не имеющих сухопутных путей сообщения с остальной частью страны.

Административно-территориальные единицы, частично или полностью расположенные в пределах Амазонской низменности и в бассейне Ориноко, имеют низкую плотность транспортных путей и испытывают затруднения со всепогодным сообщением (автотранспортным) с соседними регионами своего государства.

Бразилия – штат Амазонас связан с тремя штатами своей страны, дороги расположены по периферии, штаты Акри и Рорайма – с одним штатом, штат Амапа не имеет сухопутной связи с сопредельными частями страны.

Боливия – департамент Пандо имеет связь лишь с одним департаментом страны.

Перу – регионы Мадре-де-Дьос и Укаяли связаны лишь с одним регионом своего государства, Лорето имеет транспортную связь с двумя АТЕ, дороги сконцентрированы на юге региона.

Колумбия – департаменты Амасонас, Гуайния, Ваупес не имеют связей с остальной территорией страны; Чоко, Какета, Гуавьяре, Вичада имеют связь только с одним департаментом-соседом.

Венесуэла – штат Амазонас не имеет сухопутных связей с соседними штатами (расположен в бассейне Ориноко и на Гвианском нагорье).

Данные регионы в связи со своим географическим положением имеют ряд особенностей транспортной инфраструктуры:

- полное отсутствие железных дорог (их строительство в сложных природных условиях связано с высокими капитальными затратами, целесообразность которых под вопросом);
- преобладание автодорог с грунтовым покрытием (зачастую такие дороги сильно размываются в сезон дождей, сообщение между отдельными населенными пунктами становится затрудненным);
- широкое использование внутренних водных путей (благодаря разветвленной гидрографической сети и слабому уклону рек);
- внутриконтинентальное положение, отсутствие выхода к океану.

Однако, Амазонская низменность – не единственный труднодоступный участок Латинской Америки. Схожие природные условия (труднопроходимые экваториальные леса, заболоченность) имеют и территории Центральной Америки, только в отличие от предыдущей группы стран здесь транспортная освоенность отстает по причине комбинации природных и этнокультурных факторов.

Панама – комарки Гуна-Яла, Эмбера-Воунаан – не имеют сухопутных транспортных связей, провинция Дарьен – имеет частично.

Гондурас – департамент Грасьяс-а-Дьос.

Необходимо отметить, что слабый уровень транспортной интеграции отдельных территорий нельзя списывать исключительно на природный аспект (аргументом в пользу этого может служить равномерно и хорошо освоенная в транспортном отношении территория соседних Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики, находящихся в идентичных природно-географических условиях). Панамские комарки являются резерватами для коренных народов, проживающих на побережье Карибского моря, а департамент Гондураса занят биосферным заповедником. Это выглядит

вполне логичным объяснением тому, почему правительство не осуществляет крупных инфраструктурных проектов в регионах, стремящихся к сохранению природы и самобытной культуры. Отдельно нужно упомянуть панамскую провинцию Дарьен – единственный участок на протяжении всего Панамериканского шоссе, где оно прерывается: на этом месте существует «Дарьенский пробел» – заповедник, входящий в систему Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Отдельно стоит упомянуть, что в этом подходе не будут иметь связи регионы, которые располагаются на островах: Нуэва-Эспарта в Венесуэле, Галапагос в Эквадоре, Ислас-де-ла-Баия в Гондурасе, Сан-Андрес и Providencia в Колумбии, Исла-де-ла-Хувентуд, принадлежащий Кубе, а также Огненная Земля в Аргентине.

Самобытным представляется случай области Магальянес на юге Чили, которая также не связана сухопутным транспортом с остальной территорией своей страны. Чтобы достичь соседнего региона потребуется пересечь государственную границу и перемещаться по территории Аргентины.

Несмотря на то, что полная дезинтеграция на основе только лишь транспортного фактора маловероятна, стоит обратить внимание на следующие территории, которые в случае гипотетической сецессии, могут выиграть в экономическом и инфраструктурном плане.

Прежде всего, это департамент Санта-Крус в Боливии, который занимает приграничное положение по отношению к крупнейшим экономикам Южноамериканского конуса – Аргентине и Бразилии. Отсюда расходятся несколько международных трубопроводов: в сторону Буэнос-Айреса, развитого бразильского Юга – Сан-Паулу, Сан-Франциску-де-Сур, Баноас, Порту-Алегри. Ситуация усугубляется значительной численностью населения департамента (около 30% всего населения государства).

2.6. Военно-стратегический фактор

Рассматривая историческое развитие Латинской Америки после получения независимости, можно сделать вывод об исключительной роли вооруженных сил в управлении государством (табл. 10 в Приложении 1).

Даже в эпоху демократического правления военно-стратегический потенциал государств поддерживается на высоком уровне (расходы на оборону составляют от 0,37 до 3,5% от ВВП, в среднем – 1–2%)¹². В условиях военной диктатуры обеспечение устойчивости политического строя напрямую зависит от качества и количества (а также пространственного размещения) вооруженных сил, поэтому развитие армии происходит ускоренными темпами, направляя усилия на создание вооруженных контингентов в стратегически важных локациях (табл. 6). Исторический фактор, безусловно, крайне важен при анализе современного расположения военных баз.

Необходимо отметить тот факт, что Латинская Америка во время «холодной войны» XX в. рассматривалась как зона геополитических интересов обоих противостоящих блоков (несмотря на значительную удаленность от стран социалистического лагеря), поэтому военно-техническое сотрудничество осуществлялось государствами региона с обоими соперниками: как с США, так и с СССР (речь идет не только о покупке вооружения, но и создании объектов инфраструктуры). Подобная тенденция сохраняется до сих пор¹³. В условиях санкций западных стран, для ряда латиноамериканских государств и России открываются новые возможности для экономического сотрудничества, уже не только в военно-технической сфере [Холодков, 2018].

¹² The World Factbook, CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (дата обращения 11.11.2023).

¹³ Военно-техническое сотрудничество России: государства Центральной и Латинской Америки // Российский совет по международным делам. URL: [://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-tsentralnoy-i-latinskoj-ameriki/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-tsentralnoy-i-latinskoj-ameriki/) (дата обращения 11.11.2023).

Таблица 6. Доля расходов латиноамериканских государств на оборону от ВВП (2018 г.)

Страна	Доля расходов на оборону от ВВП, %	Страна	Доля расходов на оборону от ВВП, %
Колумбия	3,2	Сальвадор	1,0
Куба	2,9	Аргентина	0,9
Эквадор	2,4	Парагвай	0,9
Уругвай	2,0	Доминиканская Республика	0,7
Чили	1,9	Никарагуа	0,6
Гондурас	1,7	Венесуэла	0,5 (2017)
Боливия	1,5	Мексика	0,5
Бразилия	1,5	Гватемала	0,4
Перу	1,2	Гаити	вооруженных сил не имеет
Панама	1,0 (1999)	Коста-Рика	вооруженных сил не имеет

Таким образом, к началу XXI в. под влиянием исторического, экономического, транспортного и внутривластного факторов сформировалась следующая географическая картина военно-стратегических объектов латиноамериканских государств (табл. 11 в Приложении 1).

По территориальному размещению важнейших объектов вооруженных сил государства региона можно разделить на две группы: с равномерным и неравномерным распределением объектов оборонной инфраструктуры. К первой группе относятся Мексика, Куба, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гондурас, Уругвай. Ко второй – все южноамериканские страны (кроме Уругвая), а также Гватемала. Подобные различия во многом обусловлены размерами территории, уровнем транспортного освоения и размещением населения.

В южноамериканских государствах крупнейшие военные подразделения сконцентрированы на побережьях океанов (для размещения военно-морского флота это понятно, однако данная тенденция характерна для всех родов войск), оставляя крупные лакуны по мере удаления вглубь материка. Проанализировав имеющиеся данные о размещении военных соединений и ведущих объектов инфраструктуры вооруженных сил, можно обнаружить три крупных региона с ослабленным силовым контролем (табл. 12 в Приложении 1).

Амазонский бассейн – самая крупная территория с ослабленным военным контролем в пределах Латинской Америки. Площадь ее составляет почти 7 млн км² и включает части шести государств. Несмотря на то, что в отличие от остальных зон, в Амазонии есть военные базы (Икитос – командование сухопутными войсками и аэродром в Перу, Манаус – военно-речной порт и аэродром в Бразилии, Пуэрто-Легисамо – военно-речной порт в Колумбии, командование сухопутными войсками в Белене в Бразилии), вряд ли этого может быть достаточно для оперативного реагирования при возникновении очага дезинтеграции в пределах этой территории. Во многом разреженность территориальной дислокации военных сил целого ряда государств объясняется дискомфортными природными условиями и недостатком необходимой инфраструктуры. Неоднозначен вопрос о востребованности военных подразделений в данном районе: с одной стороны, вооруженные конфликты с целью захвата территории, казалось бы «канули в Лету» (война за Летисию, Андская война, война Альто-Сенепа) с другой – ослабленный контроль со стороны силовых ведомств позволяет действовать таким движениям, как ФАРК и «парамилитарес» в Колумбии, остаткам группы «Сендеро Луминосо» в Перу, а также препятствовать пограничному контролю между государствами^{14,15}. Яркий пример последнего – гуманитарный и политический кризис, разгоревшийся между Колумбией и Венесуэлой в 2015 г. после введения чрезвычайного положения в нескольких приграничных административных единицах в обеих странах¹⁶.

Еще одной территорией с ослабленным военным контролем можно считать Центральные Анды и Атакаму. Площадь данного района – около 750 тыс. км², она так же, как и Амазония, располагается на территории нескольких государств (Боливия, Чили, Аргентина). Важным отличием

¹⁴ Las guerras con el Peru // Banrepcultural. URL://www.banrepcultural.org/biblioteca-virtual/credencial-historia/numero-191/las-guerras-con-el-peru (дата обращения 11.11.2023).

¹⁵ Уголок неба. Большая авиационная энциклопедия. URL://www.airwar.ru/index.html (дата обращения 11.11.2023).

¹⁶ URL://www.latimes.com/world/mexico-americas/la-fg-venezuela-colombia-border-dispute-20150909-story.html (дата обращения 11.11.2023).

горной части данного района является существование автодорог от Оруро вплоть до Ла-Риохи, но в пустыне Атакама коммуникации проложены исключительно вдоль морского побережья. Сходством с предыдущим регионом с ослабленным военным контролем являются тяжелые природные условия: высокогорные плато существенно повышают стоимость сооружения и доставки необходимого довольствия на военные базы. Целесообразно в условиях горного рельефа и отсутствия лесов держать под контролем территорию с помощью авиации, нежели сухопутных войск, что соблюдается со стороны Чили (аэродромы Сантьяго, Антофагаста, Икике) и Боливии (Ла-Пас, Санта-Крус), однако военно-воздушных баз нет на территории Аргентины. Правительство этой страны располагает несколькими пограничными гарнизонами небольшой численности, крупные военные соединения находятся южнее – на широтах Буэнос-Айреса, Кордовы, Мендосы.

Некоторые вопросы может вызвать безопасность аргентинских провинций Формоса, Чако и Санта-Фе (последняя входит в основную полосу расселения Аргентины), которые не имеют на своих территориях крупных военных соединений. Можно предположить, что военно-стратегический контроль осуществляется через реку Парана. Она достаточно полноводна для того, чтобы пропускать крупные суда до Росарио, от которого на Кордову и Санта-Фе идут магистральные автодороги, а средние суда (к которым можно отнести военно-речной флот, а также катера для переброски пехоты и легкой военной техники) вплоть до города Посадас.

Последней выделяемой нами в рамках региона крупной территорией с ослабленным военным контролем является аргентинская Патагония. Это единственный район из трех, который целиком расположен в пределах одного государства и напрямую зависит от пространственного расположения ключевых объектов вооруженных сил Аргентины. Данный район имеет площадь около 900 тыс. км² (примерно треть всей площади государства) и располагается южнее основной полосы расселения и концентрации

сухопутных вооруженных сил по линии Буэнос-Айрес – Кордова – Мендоса. Природные условия здесь лучше, чем в двух предыдущих районах (отсутствуют высокогорные участки, большая часть – плоскогорья и плато высотой менее 3000 м, природная зона – сухие степи). Транспортная освоенность на приемлемом уровне, но ниже, чем в других районах страны: территорию пронизывают две субмеридиональные магистрали, одна проходит у подножья гор, другая – вдоль атлантического побережья. Единственная сухопутная военная база – в Неукене, присутствие военного контингента на суше ограничивается небольшими гарнизонами пограничных войск. Несмотря на наличие крупных военно-морских баз в Мар-дель-Плате и Баия-Бланке, отсутствие крупных рек в Патагонии не позволяет осуществлять быструю переброску войск с помощью флота. На значительном участке территории отсутствуют важные субширотные магистрали, поэтому действия вооруженных сил в условиях подобной конфигурации транспортной сети будут существенно ограничены.

2.7. Внешнеполитический фактор

Рискам дезинтеграции по внешнеполитическому фактору наиболее подвержены:

- Приграничные единицы АТД: чем ближе регион к государству-акцептору, тем удобнее реализовывать интервенцию. Необходимо отметить, что в контексте данного исследования речь идет о сухопутных границах. Однако, граница сама по себе выполняет контактную функцию неравномерно, поэтому необходимо отследить плотность пограничных пропускных пунктов на 100 км протяженности границы. Как правило, чем выше плотность пунктов пропуска, тем сильнее приграничный регион связан с соседним государством.

- Регионы – акцепторы иностранного капитала. В эпоху глобализации контактная функция границы стала преобладать над барьерной, поэтому

выдвигается гипотеза повышения душевых показателей ПИИ в приграничных АТЕ.

- Регионы базирования воинского контингента зарубежных стран.
- Регионы, пространство которых является предметом пограничного конфликта или территориальных притязаний со стороны сопредельных государств.

Условия, обозначенные выше, во многом помогают отличать регионы с развитием внешнеполитического фактора дезинтеграции от оппозиционных регионов, которые находятся на периферии. Вторыми часто становятся малонаселенные АТЕ, не имеющие существенных транспортных связей с пограничными государствами (бразильский штат Рорайма, боливийский департамент Пандо, панамские комарки Гуна-Яла, провинция Бокас-дель-Торо и др.).

Говоря о военных базах зарубежных государств в Латинской Америке, мы в первую очередь имеем в виду базы США. Широко известны как минимум три объекта военной инфраструктуры США, расположенные в пределах изучаемого региона. Это военная база и лагерь для содержания заключенных в Гуантанамо, находящиеся в одноименной провинции Кубы; военный аэродром Сото-Кано в департаменте Комаягуа (Гондурас) и лаборатория биомедицинских исследований ВМС США в Лиме (Перу). Пространства подобных объектов иностранного подчинения являются лакунами в геополитическом поле государств-акцепторов.

По поводу приграничных конфликтов как проявления внешнеполитического фактора, следует отметить два нюанса. Первое – большая часть территориальных притязаний стран между собой имеет длительную историю и низкую интенсивность проявления. Второе – конфликты актуализируются время от времени, во многом из-за импульсов извне под воздействием кризисов, внутренней политической нестабильности и др. На сегодняшний день можно предположить, что участники конфликтов стараются решать вопрос путем переговоров, нежели военной силой. Как

отмечают эксперты, зачастую на спорной территории в принципе сложно вести боевые действия, не только войскам стран-участниц, но и миротворцам (Пашенцев, 2017; Страшко, 2015).

Примером, который сочетает в себе особенности конфликтов, указанные выше, можно считать дипломатический кризис между Никарагуа и Коста-Рикой в 2010–2015 гг. Причиной являлись дноуглубительные работы в устье пограничной реки Сан-Хуан, а также введение военного контингента Никарагуа на территорию костариканской провинции Лимон. Делимитация границы по реке является давним вопросом, а все объекты, расположенные в ее русле (как остров Портиллос), потенциально конфликтогенными. Начало конфликта было положено, когда обе стороны заявили о своих правах на данный остров. В течение последующих лет урегулированием конфликта занимались Организация Американских государств и ООН¹⁷.

На основе проведенного анализа можно прийти к выводу, что внутреннее пространство латиноамериканских стран сильно дифференцировано и гетерогенно. Это обусловлено особенностями исторического развития, неравномерным распределением благ и природно-ресурсной ренты, а также пестрым этнокультурным составом. Рассмотренные риски дезинтеграции по отдельным факторам представляют собой наиболее явные и показательные примеры проявления центробежных тенденций. При переходе в анализе пространственной дезинтеграции на уровень отдельных государств, становится понятно, что риски возможного нарушения системообразующих связей присутствуют практически в любой стране региона.

¹⁷ Costa Rica y Nicaragua se acusan por diferendo fronterizo // CNN Mexico. URL://mexico.cnn.com/mundo/2010/11/03/costa-rica-denuncia-ante-la-oea-que-nicaragua-invadio-su-territorio (дата обращения 11.11.2023).

Глава 3. Определение рисков пространственной дезинтеграции в отдельных странах Латинской Америки

В рамках диссертационного исследования применен кейс-метод, при котором оценка рисков дезинтеграции для стран в целом и их единиц АТД первого порядка проводится для трех репрезентативных государств региона, существенно различающихся как по траекториям историко-географического развития, так и по уровню жизни населения и внутривластной стабильности.

Для углубленного исследования рисков дезинтеграции были выбраны Мексика, Чили и Венесуэла. Критериями отбора стали следующие соображения.

1) **Площадь территории.** Вероятность того, что в пределах крупных по площади государствах будут присутствовать разнородные регионы, гораздо выше, чем в странах со скромными размерами.

2) **Территориальные диспропорции и альтернативные полюса роста.** Несмотря на общие закономерности развития латиноамериканских стран, заключающиеся в гипертрофии столичного региона и обширной бедной периферии, в данной выборке все государства имеют альтернативные полюса роста. Таким образом, территориальные социально-экономические диспропорции формируются на фоне нескольких центров притяжения рабочей силы и инвестиций, что позволяет предположить возникновение рисков дезинтеграции богатых нестоличных регионов и бедной периферии.

3) **Разный уровень состоятельности государства.** На основе данных Fragile State Index рассматриваются государства, которые занимают разное положение в рейтинге. Чили, наряду с Уругваем, является региональным лидером по стабильности политической системы. Мексика занимает 10-е положение среди 20 изучаемых государств, а Венесуэла опустилась на последнее место в регионе и продолжает ухудшать свои позиции в мировом рейтинге.

4) **Наличие политической неопределенности.** В данных государствах сложился разный расклад политических сил: в Чили – стагнирующее противостояние коалиции социал-демократов против правых, в Мексике – демократический транзит со сменой власти каждые 6 лет, а Венесуэла живет в условиях гуманитарной катастрофы уже несколько лет [Манойло, Стригунов, 2020]. Все три страны объединяет наличие политической неопределенности, которую предстоит разрешить в ближайшем будущем.

5) **Разный этнорасовый состав населения.** Поскольку латиноамериканский регион отличается и расовой, и этнической пестротой, в выборке фигурируют страны, которые можно охарактеризовать следующим образом: Чили – страна с доминирующим белым населением и слабой метисацией, Мексика – страна со значительной долей как коренного населения (индейцев), так и метисов, Венесуэла – государство с преобладанием метисов и белых.

6) **Риски внешнего вмешательства.** Все три государства имеют в своем составе регионы, подвергающиеся геополитической, финансовой, идеологической, культурной или иной экспансии извне, как правило со стороны государств-соседей. В случае Мексики это штаты, граничащие с США, в Венесуэле – штат Тачира, в Чили имеется территориальный спор за область Арика-и-Паринакота с Боливией.

7) **Стремление регионов к автономии.** Во всех выбранных государствах есть единицы АД, которые стремятся к автономии и/или политическому самоопределению. В Венесуэле это штат Сулия, в Мексике – штат Чьяпас, в Чили – регион Араукания.

Мексика – региональная держава, как в плане размеров территории, так и по численности населения и объему экономики. В стране сложилась очень непростая ситуация вследствие боевых операций против наркокартелей, имеются существенные диспропорции в развитии частей страны, в особенности Севера и Юга. Актуальный очаг автономизма – штат Чьяпас,

конфликт в котором продолжается уже четверть века, он обнажает многочисленные проблемы индейцев в современной Мексике.

Чили – страна с одной из самых передовых экономик в Латинской Америке с довольно высоким уровнем жизни населения (1-е место в регионе) и относительно стабильной двухпартийной политической системой. Научный интерес оценки рисков дезинтеграции для этой страны обуславливается уникальной конфигурацией территории Чили, а также наличием территориальных претензий со стороны соседних государств (Боливии и в меньшей степени Перу). На протяжении десятилетий остается нерешенной проблема крупного коренного этноса – мапуче, требующего не только культурной, но и территориально-политической автономии.

Венесуэла – моноспециализированное государство, чья экономика и уровень жизни целиком зависят от цен на нефть. В связи с их падением страна оказалась на грани гуманитарной катастрофы, а непопулярные решения ныне действующей администрации президента Мадуро привели к внутривластной нестабильности [Яковлев, 2019]. В таких условиях было бы интересно рассмотреть не только социальное разобщение, но и возможные варианты дезинтеграции.

3.1. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Венесуэле

Рассмотрение данного кейса продиктовано наличием наиболее острых противоречий между политическими элитами государства, активно освещаемых мировыми и местными СМИ. В отличие от других стран, Венесуэла находится в глубоком социально-экономическом кризисе. Анализируя положение государства в современных реалиях, нельзя упускать из внимания главное богатство страны – нефть. Будучи одним из сооснователей ОПЕК, Венесуэла остается важным игроком на мировом рынке углеводородного сырья. Напряженная обстановка внутри государства – во многом результат столкновений не столько либеральной оппозиции и

левого правящего режима, сколько противостояния важных геополитических игроков (прежде всего, США и Китая) за лояльность и контроль над самыми большими нефтяными запасами в мире (по версии компании «BP»). С одной стороны, ситуацию в Венесуэле усложняют многочисленные санкции и открытые провокации, вплоть до проведения военных операций (доктрина Монро в США со временем трансформировалась в борьбу с левыми и националистическими режимами, которые часто возникали в Латинской Америке). С другой стороны, наблюдается выдача Каракасу многомиллиардных займов Китаем, осуществляющим сотрудничество с Венесуэлой даже под угрозой американских санкций, несмотря на разыгравшуюся там гуманитарную катастрофу^{18,19}. Более подробно венесуэльский кризис через призму причинно-следственных связей рассмотрен в коллективной монографии ИЛА РАН [«Гордиев узел...», 2021], о влиянии Китая на экономику региона говорится в работе А. Лавут [Лавут, 2018].

Анализ рисков дезинтеграции в Венесуэле будет полезен для проведения подобных исследований на примере других моноспециализированных экспортно-ориентированных государств (Нигерия, Алжир, Азербайджан, Южный Судан, Ангола и др.).

Уровень несостоятельности государства. По данным Fragile State Index, в 2021 г. Венесуэла находилась на 25-й позиции в мире и занимала «лидирующие» позиции в регионе по этому тревожному показателю (выше оказалось лишь Гаити). Учитывая динамику за 2017–2021 гг., Венесуэла прибавила 9,7 пункта – максимальное значение среди всех государств мира

¹⁸ Венесуэла ожидает новую поставку гуманитарной помощи от России // Известия. URL://iz.ru/860996/2019-03-27/venezuela-ozhidaet-novuiu-postavku-gumanitarnoi-pomoshchi-ot-rossii (дата обращения 11.11.2023).

¹⁹ Venezuelan Outflow Continues Unabated, Population Abroad Now Stands at 3.4 Million // UN Migration. URL://www.iom.int/news/venezuelan-outflow-continues-unabated-population-abroad-now-stands-34-million (дата обращения 11.11.2023).

за этот период (то есть страна быстрее всех утрачивает свою дееспособность)²⁰.

Исторический фактор. Характеризуя административно-территориальные единицы первого порядка (штаты) Венесуэлы через показатели этого фактора, следует отметить, что опыт дезинтеграции в прошлом имеют как минимум 6 регионов, сконцентрированных в центре и на западе страны. В рамках исследования придается значение лишь регионам, которые стали первоначальными «ареалами сопротивления», а не переняли этот опыт в ходе военных конфликтов у соседних территорий. Из более современных примеров – призывы в «верхних эшелонах» региональной власти к автономии штата Сулия в 2006 г.²¹

Социально-экономический фактор. Прежде всего, следует отметить компактность размещения штатов-лидеров и штатов-аутсайдеров по выраженности этого фактора. К административным единицам с социально-экономическими показателями существенно выше средних по стране и значительно выше, чем у остальных регионов, можно отнести ряд штатов, окружающих Федеральный округ. Это Миранда, Арагуа, Карабобо, Варгас, а также сама столица. В 2017 г. при среднем показателе ИЧР 0,761 штаты-лидеры обладали значениями в пределах 0,781–0,806. Причинами подобного разрыва можно считать лучшую освоенность территории, концентрацию крупных промышленных предприятий, транспортной инфраструктуры, высокую урбанизацию и др.

Штаты с наихудшими показателями социально-экономического развития располагаются поблизости от штатов-лидеров (рис. 4). Наименьшие значения ИЧР, а также отставание от среднестрановых темпов роста экономики сильнее всего проявили штаты Апуре, Бариньяс, Португеса и

²⁰ Fragile States Index Annual Report 2021. URL: <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения 11.11.2023).

²¹ Saltamontes J. Vallas llamando a "rumbo propio para el Zulia" son parte de una campaña secesionista // Aporrea. URL: <http://www.aporrea.org/tiburon/n72727.html> (дата обращения 11.11.2023).

Гуарико (последний граничит сразу с тремя штатами-лидерами). ИЧР в этих административных единицах составил от 0,685 (Апуре) до 0,721 (Гуарико).

Причины подобной отсталости скорее всего следует искать в отсутствии крупных нефтяных месторождений преобладании отраслей с низкой добавленной стоимостью — животноводства, экстенсивного растениеводства, пищевой и текстильной промышленности, а также низком уровне урбанизации.²² Ситуация в Апуре демонстрирует еще одну важную причину экономического отставания – деятельность партизан и «парамилитарес» в амазонской сельве, которые приводят к военным столкновениям и как следствие – к человеческим жертвам, росту преступности, оттоку инвестиций и снижению показателей развития.^{23,24}

Внутриполитический фактор. В условиях современного этапа внутриполитической нестабильности в Венесуэле анализ рисков дезинтеграции по этому фактору затруднен. Однако, если не учитывать последние президентские выборы 2018 г. (мнения относительно легитимности избрания Н. Мадуро до сих пор разнятся: государства, которые признали выборы действительными, находятся в меньшинстве по сравнению со странами, настаивающих на повторных выборах), можно выделить отдельные элементы электоральной панорамы (табл. 4 в Приложении 1)²⁵ [Семенов, 2018].

Анализируя данные двух последних парламентских и трех президентских кампаний, можно проследить устойчивость политических предпочтений населения следующих территорий:

²² Los grandes negocios de China en Venezuela. URL:<https://primerinforme.com/index.php/2019/08/19/los-grandes-negocios-de-china-en-venezuela-i/> (дата обращения: 24.11.2019).

²³ The Hands off Venezuela: URL:<http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> (дата обращения: 24.11.2019).

²⁴ Mayorca J. Venezuela: los grupos guerrilleros y paramilitares como actores de la delincuencia organizadas. URL:<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/caracas/08792.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).

²⁵ Consejo Nacional Electoral. URL:http://www.cne.gob.ve/web/normativa_electoral/elecciones/2018/concejales/documentos/cargos_elegir/Cargos_Vs_Circuns_31-12-2018_Concejales.pdf (дата обращения: 24.11.2019).

– либеральные силы побеждают в штатах Мерида и Тачира (4 последних избирательных кампании), Ансоатеги, Миранда, Сулия (3 последние кампании);

– социалистические, провластные силы уверенно превосходят иные политические движения в штатах Португеса и Кохедес (5 кампаний), Дельта-Амакуро и Апуре (4 кампании), Гуарико (3 кампании).

Несмотря на разворот в электоральных предпочтениях населения в сторону либеральных политических движений (об этом свидетельствуют результаты парламентских выборов в 2015 г.), штаты второй группы выпадают из этого тренда и до сих пор остаются электоральным оплотом действующей власти. Причины подобных устойчивых предпочтений можно связать с экономическим развитием: штаты социалистической ориентации отстают по показателям ИЧР, из общего ряда выбивается лишь малонаселенный и нефтеносный штат Дельта-Амакуро. Блок либерально ориентированных штатов сложен преимущественно из хорошо освоенных в хозяйственном плане территорий с высокой плотностью населения и несколькими крупными городами.

Географическое положение регионов со столь полярными политическими пристрастиями несет в себе определенные риски дезинтеграции: группа штатов с провластными ориентациями избирателей «разрывает» либеральный пояс (Мерида, Тачира, Сулия – на западе, Миранда и Ансоатеги – к востоку от центра). Подобное дробление политического пространства без «буферной зоны» в виде штатов с неопределенной политической позицией чревато конфликтами.

Этнокультурный фактор. Подходя к изучению этнорасовых вопросов, необходимо сделать некоторые уточнения методического и исторического характера. Несмотря на то, что латиноамериканская культура является синтезом европейских, африканских и индейских элементов, расовая сегрегация в том или ином виде присутствовала в регионе всегда. Даже в современности в социальной иерархии доминируют бланкос –

потомки испанцев со слабым смешением с другими расами. Бланкос выделяют не только по крови, но и по роду занятий, а также по брачным связям. Некоторые из исследователей отмечают, что наличие даже дальних предков европейского происхождения может выступить в качестве социального лифта [Котовская, Шалыгина, 2005]. Зачастую данные опросов противоречат генетическим исследованиям, поэтому в данной работе за основу будет взята самоидентификация населения.

В Венесуэле преобладают метисы (потомки межрасовых браков европеоидов и индейцев), 51,6% населения страны относится к данной группе. В то же время здесь относительно велика доля белого населения – 43,6%. Население африканского и индейского происхождения суммарно составляет немногим более 5% и не представляет большинства ни в одном из штатов (табл. 13 в Приложении 1). Высокие риски дезинтеграции по этнокультурному фактору прежде всего имеют «белые» штаты Мерида (53,7% населения составляют бланкос) и Тачира (58,8%), поскольку данные территории одни из немногих, в структуре населения которых преобладают бланкос, а не метисы²⁶. Примечательно, что именно Мерида и Тачира, оставаясь наиболее «белыми» штатами, одновременно являются и самыми либеральными в плане политических пристрастий избирателей.

На противоположном конце спектра крайне метисированные штаты Гуарико и Апуре, в которых доля бланкос составляет соответственно 30,2% и 32,8% населения. Отклонение от среднего значения в другую сторону тоже следует учитывать, поскольку пониженная концентрация населения определенной расово-этнической группы может быть индикатором различных процессов, происходящих в социальной или экономической среде (сегрегация, дискриминация и др.).

Отдельно следует указать сосредоточения индейского населения: даже несмотря на отсутствие территорий с преобладанием коренных американцев,

²⁶ XIV Censo Nacional de Población y Vivienda. Resultados Total Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 2014. 30 p.

выделяются штаты Дельта-Амакуро с 25% индейцев в населении и Сулия с 12%. Так как Сулия – самый населенный штат страны, то на него приходится свыше половины индейцев Венесуэлы (442 тыс. из 724 тыс.).

Транспортный фактор. В исследовании В.О. Дубовика приведен анализ транспортной системы Венесуэлы и обнажены разительные контрасты развития различных территорий изучаемой страны: хорошо освоены в транспортном отношении запад страны и Карибское побережье, в то время как внутриконтинентальные равнины, расположенные в пределах Льянос, плохо инфраструктурно связаны с другими регионами. Используя полученные данные, можно установить, что наибольшими рисками дезинтеграции по транспортному фактору обладает штат Амасонас [Дубовик, 2015]. Он имеет связи с соседними регионами преимущественно посредством речного транспорта и авиации, поскольку сухопутное транспортное освоение затруднено природными условиями. Единственная крупная автомобильная дорога огибает Гвианское плоскогорье и соединяет столицу штата Пуэрто-Аякучо и город Сьюдад-Боливар. Эта транспортная артерия проходит в штате Боливар вдоль границы со штатами Ансоатеги, Гуарико и Апуре, а затем заканчивается на северо-западе штата Амасонас. Важно отметить, что значительные участки территории этого штата отведены под особо охраняемые природные территории (национальные парки «Хауа-Сарисариньяма» и «Канайма»).

Отдельно стоит упомянуть штат Нуэва-Эспарта, который находится на трех островах: Маргарита, Коче и Кубагуа.

Система трубопроводов повторяет рисунок пассажирской транспортной сети, концентрируясь на западе и протягиваясь с юго-запада на север и северо-восток в сторону крупных морских терминалов. Перспективные проекты магистральных нефтепроводов потеряли на время свою актуальность из-за социально-гуманитарной катастрофы в стране.

Военно-стратегический фактор, безусловно, оказывает влияние на дезинтеграцию пространства страны. Присутствие военного контингента, в

соответствии с гипотезой автора, обеспечивает на местах стабильность правящему политическому режиму и преуменьшает фактическую пространственную дезинтеграцию региона.

Проведем балльную оценку показателя фактора. Пропорции, исходя из полученных данных, распределяются в следующем отношении 11 (кол-во штабов сухопутных войск) : 5 (баз флота) : 13 (аэродромов) Единица АТД получает 1 балл за наличие военного аэродрома, 1,2 балла за штаб соединения сухопутных сил и 2,6 балла за базу военно-морского (речного) флота. Баллы суммируются. Чем большее количество баллов имеет регион, тем меньше он подвержен рискам дезинтеграции.

В результате расчетов получились следующие данные: штаты Карабобо, Боливар, Сулия получили по 4,8 балла; Федеральный округ и Апуре – по 3,6; Арагуа – 3,2; Варгас – 2,6; Гуарико, Тачира – по 2,2; Монагас и Бариньяс – по 1,2; Мерида, Лара, Яракуй, Ансоатеги, Нуэва-Эспарта – по 1 баллу.

Следовательно, наиболее уязвимыми в отношении действия военно-стратегического фактора будут штаты Амасонас, Дельта-Амакуро, Трухильо, Миранда, Португеса, Сукре.

Внешиполитический фактор. Переходя к этому фактору, нельзя не отметить, что в венесуэльском сюжете значительную роль в эскалации политического конфликта играют сообщество латиноамериканских стран и США. Принимая во внимание, что практически все государства, которые граничат с Венесуэлой, поддерживают президентские амбиции оппозиционера Гуайдо, есть основания полагать, что дезинтеграции по данному фактору будут подвержены приграничные штаты. Особенно актуально это для тех территорий, которые можно отнести к хорошо освоенным и имеющим транспортные магистрали, ведущие в соседние государства.

Несмотря на то, что к государственной границе выходят 5 штатов (Сулия, Тачира, Апуре, Амасонас, Боливар), некоторые из них имеют разреженную транспортную сеть, а значительные площади заняты

национальными парками, где хозяйственная деятельность ограничена (Амасонас и Боливар). Данных о ПИИ и зарубежном воинском контингенте найти не удалось, а территориальные споры Венесуэла имеет лишь к Гайане (зона Эссекибо).

Проводя балльную оценку, 3 балла внешнеполитического влияния можно присудить штату Тачира, 2 – Апуре, 1,5 балла – Сулия, 1 балл – Боливар, по 0,5 балла – Дельта-Амакуро и Амасонас.

Итог расчетов рисков пространственной дезинтеграции. По результатам проведенного анализа территориальной композиции рисков дезинтеграции в Венесуэле выявлены группы штатов, наиболее уязвимых по тому или иному фактору дезинтеграции (табл. 7).

Таблица 7. Штаты Венесуэлы, имеющие высокие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам в середине 2010-х годов

Фактор	Штаты	Числ. населения, (тыс. чел., 2019)	Доля от населения страны (%)	Значение фактора*
Исторический	Сулия, Тачира, Карабобо, Фалькон, Гуарико, Лара	16 410	58	0,58
Социально-экономический	Лидеры: Карабобо, Арагуа, Миранда, Варгас, Федеральный округ. Аутсайдеры: Апуре, Бариньяс, Гуарико, Португеса	16 780	60	0,6
Внутри-политический	Тачира, Сулия, Мерида, Миранда, Ансоатеги	14 989	53	0,53
Этнокультурный	Тачира, Мерида, Апуре, Гуарико	3 827	12	0,12
Транспортный	Амасонас, Нуэва-Эспарта	795	2,4	0,02
Военно-стратегический	Амасонас, Дельта-Амакуро, Трухильо, Миранда, Португеса, Сукре	6 610	20	0,2
Внешне-политический	Тачира, Апуре, Сулия	8 172	25	0,25
ИТОГО		28 516	100	2,3

* Вес фактора – показатель доли населения страны, проживающего в АТЕ, подверженных рискам пространственной дезинтеграции. Измеряется от 0 (не актуален ни для одного региона) до 1 (всё население страны проживает в регионах, затронутых рисками дезинтеграции по данному фактору).

Итак, риск пространственной дезинтеграции Венесуэлы, как единой территориально-политической системы, оценивается в 2,3.

При этом выделяются следующие штаты, которые обладают рисками по наибольшему числу факторов. Риск дезинтеграции штата Сулия определяется преимущественно историческим, внутривластным и внешнеполитическим факторами. Несмотря на то, что Сулия обладает средними для страны показателями индекса человеческого развития (это обусловлено большой численностью населения), концентрация 80% добычи и экспорта нефти в пределах одного штата может сыграть решающую роль в стремлении к автономизму. Рассматривая возможность радикальной дезинтеграции, Сулия в современных геополитических реалиях может рассчитывать на вполне успешное суверенное существование. С большей долей вероятности именно такая возможность и является импульсом для политических противостояний и сопротивления политике Каракаса. При этом не следует забывать, что дезинтеграция штата вынуждена будет преодолеть серьезное сопротивление со стороны вооруженных сил, подчиненных президенту: Сулия является одним из самых стратегически контролируемых регионов страны.

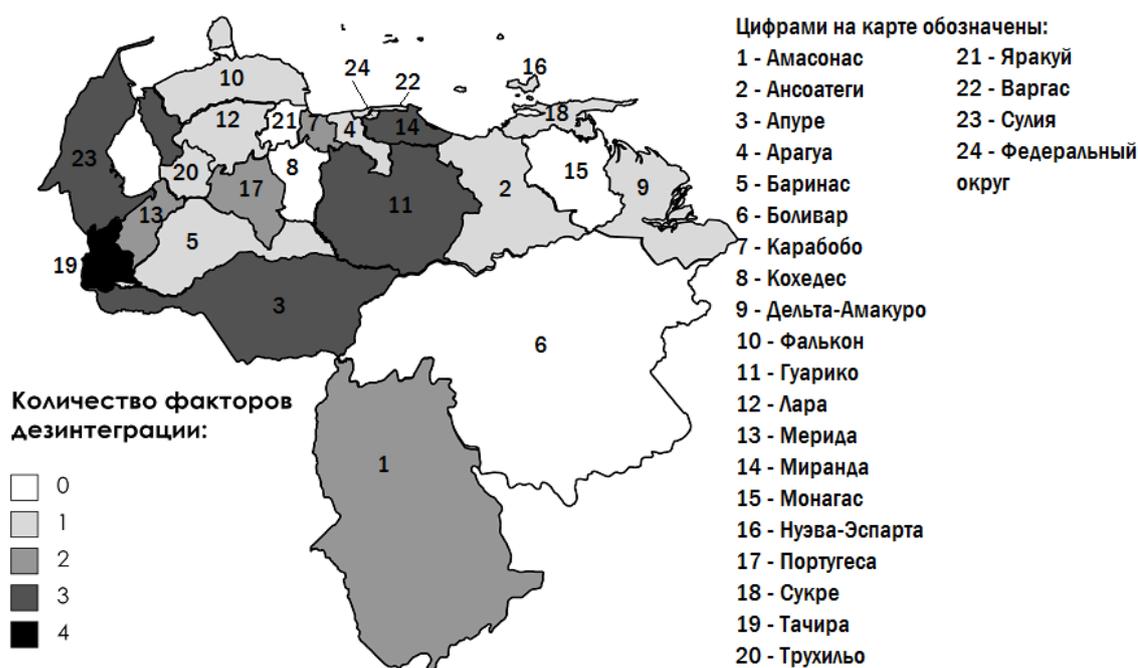

Рис. 4. Риски пространственной дезинтеграции штатов Венесуэлы.

Еще большим количеством факторов обусловлены риски дезинтеграции штата Тачира. Помимо исторического опыта дезинтеграции, внешне- и внутривполитического факторов, здесь добавляется наиболее отличающаяся от общестрановой расовая композиция венесуэльцев. В пределах штата на 15 процентных пунктов меньше метисов, и ровно на столько же больше бланкос, чем в Венесуэле в целом. Возможно, есть смысл говорить о тесной связи между расовой композицией и результатами голосований: в последних избирательных кампаниях наибольшего успеха правящая Социалистическая партия достигала в штатах с наибольшей долей метисов, а наименьших показателей – в штатах с преобладанием бланкос. Тачира, как и Сулия, не является лидером по социально-экономическому развитию, однако обладает более диверсифицированным хозяйством и относительно высокой плотностью населения (что является, пожалуй, исключением из общей картины расселения в Венесуэле), поэтому перспективы создания «небольшого нефтяного государства» здесь неактуальны. Гораздо важнее тесная связь с Колумбией и активное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала между Тачирой и пограничным государством. В то же время представляется, что в данном штате проще дестабилизировать обстановку, чем в штате Сулия. Показатель военно-силового контроля в Тачире в 2 раза ниже (2,2 балла против 4,8 в Сулия).

Третьим штатом, который имеет высокие риски пространственной дезинтеграции по трем факторам (социально-экономический, внутривполитический и военно-стратегический) является Миранда. Это штат с одним из самых высоких уровней жизни в государстве, его население выбирает преимущественно оппозицию, а Социалистическая партия от кампании к кампании лишь теряет поддержку. Несмотря на то, что штат расположен вблизи хорошо освоенного и промышленно развитого побережья, данных о наличии крупных воинских объектов нет.

Меньшие риски дезинтеграции имеют штаты с высокими рисками лишь по двум факторам: это Карабобо (социально-экономический и исторический), Мерида (внутриполитический и этнокультурный), Амасонас (транспортный и военно-стратегический), а также Федеральный округ (социально-экономический и этнокультурный). Однако в условиях политической и экономической нестабильности Венесуэлы этого может быть достаточно для усиления разрушения связности перечисленных штатов с другими регионами.

Отдельную когорту представляют беднейшие штаты, населенные преимущественно венесуэльцами смешанного происхождения, такие как Гуарико и Апуре. Оба данных региона попали в списки «дезинтегрантов» по этнокультурному и социально-экономическому факторам. В Гуарико он усилен историческим, в Апуре – внешнеполитическим фактором. Несмотря на сопоставимое число обнаруженных факторов дезинтеграции, здесь она обладает меньшим потенциалом по сравнению со штатом Миранда, учитывая широкую поддержку политики Мадуро. Резюмируя, можно отметить, что данные штаты всё сильнее отдаляются от регионов, которые ведут политическую борьбу с действующим руководством страны.

Анализируя получившуюся картину рисков пространственной дезинтеграции, следует сделать несколько важных уточнений. Во-первых, запад страны более контрастный и включает в себя штаты с высокими рисками дезинтеграции. Предпосылками к этому может послужить как более плотная заселенность территории, так и исторически сложившаяся более мелкочейстая сетка АДД. Во-вторых, четко выделяется U-образная линия штатов с наибольшим числом проявляющихся факторов дезинтеграции (Сулия, Тачира, Апуре, Гуарико, Миранда). Однако, как было указано выше, пространственная дезинтеграция обнаруживает контрасты и внутри данной когорты: в то время как население штата Сулия поднимало вопрос о независимости, а Тачира является наиболее оппозиционным регионом в

стране, бедные Гуарико и Апуре являются политически лояльными, то есть ведут себя не так, как другие штаты-дезинтегранты.

Таким образом, есть основания предполагать, что наибольшие проблемы в плане управления администрация Мадуро будет испытывать с периферийными географически, но не политически штатами Сулия и Тачира. Если бы штат Миранда не показывал высоких значений рисков, можно было бы утверждать, что для Венесуэлы характерна центр-периферическая модель распределения рисков пространственной дезинтеграции. Однако пространственная картина получившихся результатов скорее напоминает шахматное поле, где дезинтегранты соседствуют с лояльными и провластными регионами.

3.2. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Мексике

В рамках разнообразных типологий стран мира по уровню социально-экономического развития Мексика – одна из ключевых стран развивающегося мира, наряду с Бразилией и Индией [Максаковский, 2003]. С подобной позицией географов согласны и многочисленные эксперты из других областей – политологи, экономисты. Это обуславливается большой площадью территории, численностью населения и объемом ВВП – по всем трем важным показателям Мексика занимает лидирующие позиции в Латинской Америке, уступая только Бразилии. Важную роль играет транзитное положение страны между США и Центральной Америкой, а также выход к двум океанам. Подобное узловое положение характеризуется тем фактом, что Мексика входила в Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА, при администрации Трампа преобразовалось в новое торговое соглашение – USMCA), поэтому хозяйство в значительной степени привязано к экономике северного соседа. В то же время в историческом и социокультурном плане Мексика – неотъемлемая часть латиноамериканского пространства [Манухин, 2018; Катышева, 2018].

Поскольку дезинтеграция – это процесс, то для расчета динамики показателей пространственной дезинтеграции сравниваются две Мексики: в 1990 г. и в 2020 г.

Уровень несостоятельности государства. В отчете «Fragile State Index 2021» Мексика занимает 90-е место в мире (из 178 государств) и 10-е – в Латинской Америке (из 20 изучаемых стран). Анализируя динамику и положение страны в данном рейтинге, можно заключить, что Мексика выглядит относительно стабильным государством, без существенного изменения позиции за последнее десятилетие. Однако, сегодняшние реалии полны вызовов для сохранения этой стабильности: к таковым следует отнести сильное расслоение общества (как социальное, так и имущественное), высокий уровень преступности и коррупции, затянувшуюся

войну с наркокартелями, вылазки леворадикальных повстанцев, экологические бедствия и др.

Исторический фактор. Проблемы сохранения стабильности стояли перед Мексикой и в прошлом, этому государству далеко не всегда удавалось регулировать процессы разрушения экономических и политических связей между своими регионами.

1990 г. Исторический опыт дезинтеграции имеют три современных штата, расположенных на полуострове Юкатан: Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо. Первые два штата были отделены от государства в границах одноименной с названием полуострова республики, просуществовавшей с 1840 по 1848 гг. в ответ на усиление политической централизации в Мексиканской федерации. Более сложный пример представляет собой штат Кинтана-Роо, население которого, в отличие от соседних регионов, состояло преимущественно из индейцев майя, а потому не пошло на сделку с Мехико и подняло восстание против белых и метисов. Итогом стало образование в 1847 г. самостоятельной Республики Санта-Крус, которая просуществовала до 1901 г., и затем, уже после вхождения в состав Мексики, испытывала этнополитические конфликты в течение первой трети XX в [Альперович, Слезкин, 1991].

2020 г. На настоящий момент к историческим дезинтегрантам можно отнести и штат Чьяпас. Местное население при поддержке Сапатистской армией национального освобождения (САНО) в 1994 году подняло восстание, преследуя цель расширения революции по всей стране. Военные неудачи вынудили «революционеров» прекратить вооруженный конфликт с армией. На сегодняшний день сапатисты контролируют часть территории штата, а политическая ситуация в нем остается напряженной.²⁷

²⁷ Comunicado "Chiapas al borde de la guerra civil" del 19 de septiembre del Comité Clandestino Revolucionario Indígena-Comandancia General del Ejército Zapatista de Liberación Nacional. México. URL:<http://enlacezapatista.ezln.org.mx/2021/09/19/chiapas-al-borde-de-la-guerra-civil/> (дата обращения 11.11.2023)

Криминальный подфактор. Более свежими примерами фактической дезинтеграции являются ключевые ареалы производства наркотиков и торговли ими. В 2006 г. избранный президент от Партии национального действия (ПНД, в англоязычной литературе – PAN) Кальдерон объявил войну действующим наркокартелям, в результате чего значительная часть территории государства стала зоной боевых действий, не полностью контролируемой правительством. Именно поэтому оценка подобного подфактора не проводится на 1990 год.

2020 г. Наиболее заметен риск дезинтеграции по этому подфактору в штатах Нижняя Калифорния, Чиуауа, Нуэво-Леон, Тамаулипас, Синалоа, Мичоакан и Герреро. В первую группу входят приграничные северные штаты (Нижняя Калифорния, Чиуауа, Нуэво-Леон, Тамаулипас), где ведется война не только между правительством и наркокартелями, но и наркокартелями между собой за ключевые пути сбыта товара (по статистике, город Сьюдад-Хуарес в Чиуауа – один из самых криминальных городов на планете)²⁸. Во вторую группу попадают тихоокеанские штаты (Синалоа, Мичоакан, Герреро), где появились некоторые из крупнейших действовавших наркокартелей – одноименная организация из штата Синалоа, и база картеля «Ла Фамилия» в штате Мичоакан. В случае штата Герреро, судя по всему, действует целый комплекс причин: с одной стороны, присутствует важный транспортный узел в Акапулько (город, известный не только туристическим бизнесом, но и высоким уровнем преступности), куда поступают наркотики из Центральной и Южной Америки²⁹. С другой – бедность широких слоев населения (Герреро – один из самых отсталых штатов по уровню социально-экономического развития, ИЧР составил 0,714

²⁸ Mexiko: Drogenboss "El Marro" festgenommen // Spiegel.de. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/mexiko-behoerden-nehmen-drogenboss-el-marro-fest-a-af686481-5eba-46ef-8bd2-21b7e06c4635> (дата обращения 11.11.2023)

²⁹ Курортный город Акапулько назвали самым опасным городом Мексики // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/world/news/140922/> (дата обращения 11.11.2023).

в 2019 г., 3-е место в стране с конца), что принуждает людей заниматься незаконной деятельностью, прежде всего связанной с наркотрафиком³⁰.

Затянувшийся внутренний конфликт, по количеству жертв сравнимый с войной (свыше 200 тыс. погибших), и столь очаговое, точечное распространение военных действий позволяют заключить, что власть не в состоянии контролировать территорию, которая находилась до этого под управлением наркокартелей³¹. Сформированный позитивный имидж преступных синдикатов как социально ответственных структур способствует росту популярности их среди населения региона, что, по мнению британского эксперта Т. Уэйнрайта, приводит к низкой эффективности проведения операций федеральными войсками [Уэйнрайт, 2018]. В свою очередь, сами ОПГ имеют хорошо обученные и вооруженные частные армии, что вкупе с лояльным местным населением позволяет активно сопротивляться многократно превосходящим силам правительства и международных организаций. Нельзя не учитывать и определенные противоречия между Мексикой и США в подходах к ведению войны с криминалом: вторые предполагают максимально жесткий силовой ответ против вооруженных преступников, в то время первая обращает внимание на причины расцвета наркомафии в бедных и коррумпированных регионах государства [Манухин, 2020].

Социально-экономический фактор. Большинство развивающихся стран на сегодняшний день имеют значительные территориальные диспропорции социально-экономического развития. Это характерно и для Мексики: разрыв между наиболее благополучными и отсталыми штатами составляет свыше 100 пунктов индекса человеческого развития. Во многом подобное расслоение связано с этнокультурными особенностями проживающего населения, деятельностью преступных группировок и

³⁰ OECD Statistics. URL://stats.oecd.org/ (дата обращения 11.11.2023).

³¹ Mexico's monthly murder rate reaches 20-year high // The Guardian. URL://www.theguardian.com/world/2017/jun/21/mexicos-monthly-rate-reaches-20-year-high (дата обращения 11.11.2023).

политикой других государств (например, размещение американских предприятий в северных штатах Мексики для снижения издержек корпораций США за счет более дешевой рабочей силы).

1990 г. Еще в 1990-е гг. были заложены основные тренды расслоения штатов по уровню жизни. Регионами верхнего квартиля (ИЧР выше 0,689) были Федеральный округ (0,723), штаты Нуэво-Леон (0,699), Сонора (0,691), Нижняя Калифорния (0,690). Аутсайдерами развития (ИЧР ниже 0,622) являлись Мичоакан (0,617), Герреро (0,606), Оахака (0,602) и Чьяпас (0,589).

2020 г. Определяя наиболее передовые регионы, нельзя не выделить некоторые особенности их географического положения. Наибольшими значениями ИЧР (свыше 0,792) обладают Федеральный округ (0,837), штаты Нижняя Калифорния (0,809), Нуэво-Леон (0,807), Южная Нижняя Калифорния (0,804), Синалоа (0,803), Сонора (0,802), Коауила (0,797), Агуаскальентес (0,796). Половина представленных благополучных штатов (Нижняя Калифорния, Сонора, Коауила, Нуэво-Леон) выходят к границе с США. В них широкое распространение получили предприятия-макиладорас, первые из которых появились в конце 1960-х годов и активно функционировали до начала XXI в. Эффективность подобного сотрудничества заключалась в размещении крупных американских производств в приграничных мексиканских штатах с использованием дешевых трудовых ресурсов. Несмотря на скромную оплату труда, в рамках соглашения оба государства были заинтересованы в развитии приграничной производственной инфраструктуры, социально значимых объектов, изменении налоговой и таможенной политики, что сказалось на общем уровне социально-экономического развития данных территорий.

Несмотря на то, что в связи с резким экономическим подъемом в Азии США стали переносить производства в государства с более дешевой рабочей силой (как правило, в Юго-Восточную Азию), десятилетия относительно успешного экономического взаимодействия послужили причиной более высокого развития мексиканского Севера по сравнению с Югом. В рамках

классификации регионов по уровню экономического развития (см. пункт 2.2 работы) данные штаты формируют отдельную группу.

Южная Нижняя Калифорния (ЮНК) – пример иного рода. В случае данного штата, занимающего второе место в стране по ИЧР (сразу после столицы), высокий уровень развития обуславливается небольшой численностью населения. Будучи обособленным в географическом плане, штат активно развивает туризм, а приморское положение дает значительные возможности для рыболовства и заготовки соли³².

Отдельно стоит упомянуть штат Агуаскальентес и Федеральный округ. Относительно высокий уровень экономического развития данных регионов обусловлен значительной урбанизированностью, удобным узловым географическим положением (равной удаленностью от побережий, размещением на пересечении крупнейших транспортных магистралей, соседством других метрополитенских ареалов – Гвадалахара, Пуэбла, Сан-Луис-Потоси), сложной диверсифицированной экономикой и как следствие – инвестиционной привлекательностью. Дополнительным стимулом роста является выполнение Мехико столичных функций (правительство, центральный банк, крупнейшие телекоммуникационные компании, биржи), а в случае штата Агуаскальентес – размещение предприятий-макиладорас (завод компании «Ниссан»)³³.

К наименее развитым регионам Мексики (ИЧР ниже 0,739) можно отнести три штата: Чьяпас (0,696), Оахака (0,708), Герреро (0,714). Расположенные на юге страны, эти штаты обладают высоким экономическим потенциалом, но ввиду ряда причин им сложно его реализовать. Значительная часть местного населения – индейцы, которые обладают более низким уровнем образования и им сложнее найти работу, отличающуюся от

³² Mexico en Cifras // INEGI. URL://www.inegi.org.mx/app/areasgeograficas/?ag=03 (дата обращения 11.11.2023).

³³ Se ofertan mil empleos a jóvenes en Aguascalientes // Desdelared. URL://www.desdelared.com.mx/noticias/2012/2-gobierno/0813-oferta-feriaempleo-0351109874.html (дата обращения 11.11.2023).

той, которую выполняли их предки – земледелия, скотоводства, кустарного изготовления одежды и обуви. Сдерживающим фактором развития выступает и неравномерное распределение наиболее плодородных земель, что вынуждает безземельных и малоземельных крестьян искать источник заработка у крупных землевладельцев [Тишков, 1998]. Сложную проблему представляет вопрос землепользования: с одной стороны, недра богаты полезными ископаемыми, однако коренное население против их разработки – земли для собственных сельскохозяйственных наделов и так не хватает. Относительно низка и социальная ответственность горнодобывающих компаний: земля будет выведена из сельхозоборота ради добычи ресурсов, а местное население не получит ничего взамен (социальная инфраструктура, денежные преференции). Схожие проблемы присутствуют во многих других странах Латинской Америки.

Подобный географический рисунок регионов с ярко выраженными диспропорциями в социально-экономическом развитии («богатый Север» и «бедный Юг») отнюдь не способствует интеграции, а зачастую – наоборот отталкивает штаты друг от друга. Высокий уровень преступности на относительно богатом Севере складывается не только из-за деятельности, связанной с транзитом наркотиков в США, но и с предоставлением услуг по контрабанде и незаконной эмиграции в пределы северного соседа. Эксперты и журналисты приводят примеры, когда массовые потоки мигрантов из центральной и южной частей Мексики, а также из центральноамериканских стран (Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа), прибегают к услугам преступных групп для преодоления государственной границы. Учитывая масштабы миграционных потоков, наркокартели аккумулируют значительный капитал, изъятый у потенциальных эмигрантов в США (многие люди везут «всё, что удалось накопить» для проживания в Штатах в течение первого времени) взамен предоставления услуг по контрабанде [Уэйнрайт, 2018]. Не стоит забывать, что в этой сфере распространены случаи мошенничества. Обнажается причинно-следственная связь: молодые

нуждающиеся мексиканцы с юга страны, имеющие семью, в случае кражи накоплений или собственной гибели на границе с США провоцируют усиление бедности на юге.

Внутриполитический фактор. Как было указано ранее (см. пункт 2.3), Мексика относится к государствам с формирующейся географией голосований.

1990 г. Поскольку большую часть прошлого столетия Мексика жила в условиях однопартийной диктатуры Институционно-революционной партии (ИРП), то провести анализ географии голосований сложно. Полагаясь на результаты президентских выборов, можно отнести к внутриполитическим дезинтегрантам Федеральный округ и Нижнюю Калифорнию. Уровень поддержки ИРП в этих регионах был ощутимо ниже среднего по стране на 10-30 процентных пунктов, но не приводил к победе оппозиционных кандидатов³⁴.

2020 г. Только в 2000 г. власть перешла к оппозиционной Партии национального действия (ПНД), которую эксперты относят к правоцентристским. Она победила и на следующих выборах в 2006 г., а в 2012 г. уступила ИРП. На протяжении всего этого времени сильную конкуренцию составлял Лопес Обрадор – кандидат от левых сил (хотя в программе нет социалистических или антикапиталистических лозунгов), который стал президентом в 2018 г. [Буэнростро, 2018].

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, реальная сменяемость политических элит происходит лишь последние два десятилетия, чего явно недостаточно для сложившейся демократии. Усугубляется коррекция партийно-политических структур вследствие угроз со стороны наркокартелей: на муниципальных и внутрирегиональных выборах преступные синдикаты похищают и убивают общественных активистов, кандидатов, депутатов, мэров и иных политиков, которые, по их мнению,

³⁴ Instituto Nacional Electoral – INE.

URL:https://portalanterior.ine.mx/archivos3/portal/historico/contenido/Historico_de_Resultados_Electorales/ (дата обращения 11.11.2023).

будут препятствовать дальнейшей незаконной деятельности организованных криминальных группировок^{35,36,37,38,39}.

Во-вторых, сама система политических координат отличается высоким уровнем централизма. В «большой политике» Мексики отсутствуют радикальные политические течения (исключение составляет Сапатистская партия национального освобождения, но она не участвует в выборах и не борется за власть в рамках всей страны), а программы главных движений государства – ИРП, ПНД и партии Обрадора под названием Движение национального возрождения (Movimiento Regeneración Nacional, MORENA) – отличаются высоким уровнем популизма и во многом сходны между собой [Манухин, 2019].

Несмотря на это, в результате анализа последних четырех избирательных кампаний всеобщих (президентских и парламентских) выборов, проходящих раз в 6 лет (следует упомянуть, что между ними с временным интервалом в 3 года проходят промежуточные парламентские выборы, не отличающиеся высокой явкой и серьезными перестановками в законодательных органах), можно попытаться выделить штаты с устоявшимися электоральными предпочтениями.

³⁵ Убит мэр мексиканского города, который находится на границе с США // Интерфакс. URL://www.interfax.ru/russia/141943 (дата обращения 11.11.2023).

³⁶ В Мексике убит кандидат в губернаторы штата // Российская газета. URL://rg.ru/2010/06/29/politik-site-anons.html (дата обращения 11.11.2023).

³⁷ В Мексике убит четвертый мэр за последний месяц // BBC News Русская служба. URL://www.bbc.com/russian/rolling_news/2010/09/100924_rn_mexico_mayor_killed.shtml (дата обращения 11.11.2023).

³⁸ В Мексике убили одиннадцатого мэра за год // Lenta.ru URL://lenta.ru/news/2010/09/28/mayor/ (дата обращения 11.11.2023).

³⁹ В Мексике похищены и убиты три политика, в том числе новоизбранный мэр города // News.ru.com. URL://www.newsru.com/crime/09nov2010/3politicnashotmx.html (дата обращения 11.11.2023).

Таблица 8. Электоральные предпочтения населения штатов Мексики в XXI веке.

Левые (Партия революционной демократии, затем – MORENA, основной кандидат – Лопес Обрадор)	Центристы (Институционально-революционная партия)	Правоцентристы (Партия национального действия)
Федеральный округ, Табаско, Оахака, Тласкала, Кинтана-Роо, Герреро, Мичоакан, Идальго, Южная Нижняя Калифорния	Синалоа	Гуанахуато, Халиско, Нуэво-Леон, Керетаро, Тамаулипас, Сан-Луис-Потоси

География голосований отчасти схожа с рисунком регионов с ярко выраженными территориальными диспропорциями развития, однако, в отличие от многих других стран региона (например, Бразилии), здесь нет корреляции между политическими предпочтениями населения и уровнем жизни. Так, например, зажиточные Южная Нижняя Калифорния и Федеральный округ выбирают тех же кандидатов, что и бедное население Оахаки и Герреро, а население штатов Кампече и Чьяпас преимущественно выбирает кандидатов от ИРП и партий левого толка, при этом имея семикратный разрыв в душевых показателях ВРП (53 501 и 7 249 долл. США соответственно). При этом нужно уточнить, что на севере нет существенной поддержки левых движений, а юг, наоборот, стал регионом с устойчивыми левыми электоральными предпочтениями.

Анализируя сложившийся рисунок электоральных предпочтений, следует отметить, что наибольшая политическая напряженность складывается в центре страны, где сталкиваются регионы с устойчивыми политическими предпочтениями, между которыми не наблюдается буферной зоны. Граница электоральных районов в данном случае проходит по метрополитенским ареалам Гвадалахара – Керетаро – Поса-Рика-де-Идальго.

Самые значительные отклонения по модулю от среднего значения наблюдаются в штатах Табаско – 18 п.п., Агуаскальентес – 13,1, Гуанахуато – 12, Герреро и Юкатан – по 11,3; Нуэво-Леон – 10,7; Чьяпас и Оахака – по 10,5; Федеральный округ – 10,4.

Этнокультурный фактор. Прежде всего, необходимо отметить, что на сегодняшний день отсутствуют объективные данные по расовой композиции мексиканцев: экспертная оценка ведется лишь в относительных показателях по расовым группам населения.^{40,41,42}

Ввиду малочисленности мексиканцев африканского и азиатского происхождения, наибольшую значимость для определения рисков по данному фактору будет иметь соотношение индейского и неиндейского (белые и метисы) населения. Расовая композиция регионов страны изменяется при перемещении с севера на юг: штаты с наибольшей долей коренного населения расположены преимущественно на юге, а преобладание белого населения характерно для севера государства.

Индейцами с точки зрения статистики считаются люди, говорящие на индейских языках. Несмотря на допущение, что бланкос тоже могут говорить на каком-то индейском языке, в подавляющем большинстве случаев можно говорить о сильной корреляции между долей носителей индейского языка и долей индейцев, проживающих в конкретном регионе.

1990 г. Согласно переписи населения 1990 г., носителями индейских языков было 5,2 млн чел (около 7,5%). Распределение по штатам было полярным: при условии выделения в качестве этнокультурных дезинтегрантов всех АТЕ 1-го порядка, имеющих двухкратное отклонение от среднего значения по стране, сюда можно отнести почти все штаты, за исключением Веракрус, Сан-Луис-Потоси, Герреро и Пуэбла. В 2/3 штатов доля индейцев крайне невелика, зато в оставшихся 7 (не учитывая вышеуказанные) – достаточно ощутима⁴³.

⁴⁰ Sistema Nacional de Informacion sobre Discriminacion. URL://www.conapred.org.mx/ (дата обращения 11.11.2023).

⁴¹ La Música de Guerrero (Del atabal a la flauta, el son y el zapateado) // Portal Oficial del Gobierno del Estado de Guerrero. URL://guerrero.gob.mx/articulos/la-musica-de-guerrero-del-atabal-a-la-flauta-el-son-y-el-zapateado/ (дата обращения 11.11.2023).

⁴² Vidal Castaneda y Najera // Universidad Nacional Autonoma de Mexico. URL: <http://enp4.unam.mx/web/> (дата обращения 11.11.2023).

⁴³ XI Censo General de Población y Vivienda 1990. URL: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/1990/> (дата обращения 11.11.2023).

2020 г. Ситуация несколько изменилась за прошедшие три десятилетия. Количество «усредненных» штатов (с долями населения, владеющих каким-либо индейским языком, которые укладывались в двухкратное отклонение, при этом не превышая его в большую/меньшую сторону) возросло. В целом происходит сокращение доли индейцев до 6,14%, а самые индейские штаты на юге страны потеряли более 10% индейского населения.

К «белым» АТЕ можно отнести Агуаскальентес, Коауила, Тамаулипас, Сакатекас, Колима, Халиско, Синалоа, Нижняя Калифорния, Федеральный округ, Керетаро, Нуэво-Леон, Южная Нижняя Калифорния, Морелос, Тласкала, Сонора, Мехико, Дуранго, Гуанахуато и Чиуауа. «Индейские» штаты: Идальго, Герреро, Юкатан, Чьяпас, Оахака⁴⁴.

Несмотря на то, что интеграция коренных народов в мексиканское общество началась практически сразу же после Мексиканской революции начала XX в., до сих пор сохраняется значительный разрыв в уровне жизни между неиндейским и индейским населением, в особенности по уровню образования, размерам доходов и социальному статусу⁴⁵. В связи с этим этнокультурный фактор в данном контексте тесно связан с социально-экономическим (все индейские штаты – экономически депрессивные, исключение – нефтяной штат Кампече, впрочем данная отрасль имеет пределы роста и уже показывает признаки замедления развития) и внутриполитическим (население индейских штатов предпочитает голосовать за ИРП или левые движения, исключение – штат Юкатан, но на последних президентских выборах там тоже относительное большинство набрал кандидат от левой партии) [Клочко, Григорова, 2018].

Причины, по которым индейцы подвергаются дискриминации, схожи с теми, которые присутствуют во всем латиноамериканском пространстве:

⁴⁴ Panorama Sociodemográfico de México 2020.

URL:https://www.inegi.org.mx/contenidos/productos/prod_serv/contenidos/espanol/bvinegi/productos/nueva_estruc/702825197711.pdf (дата обращения 11.11.2023).

⁴⁵ Labor Market Discrimination Against Indigenous Peoples in Mexico: A Decomposition Analysis of Wage Differentials // Iberoamericana. URL: <https://iberoamericana.se/articles/10.16993/iberoamericana.433> (дата обращения 11.11.2023).

социальные лифты в виде доступа к образованию, и, как следствие, получение высокооплачиваемых рабочих мест не доступны для значительной части коренного населения. Сохраняя традиционный уклад жизни, большая часть индейцев занята в сельском хозяйстве, либо в сфере услуг (торговля и туризм – в Кинтана-Роо), гораздо реже – в промышленности (нефтедобыча в Кампече). Подобные проблемы власти пытаются решать путем создания учебных заведений, адаптированных под индейцев (пример – Автономный университет коренных народов Мексики) для дальнейшей их интеграции в современное мексиканское общество⁴⁶.

Транспортный фактор. В отличие от большинства крупных государств Латинской Америки, Мексика обладает относительно равномерной, территориально распределенной транспортной сетью. Анализ географического рисунка важнейших сухопутных магистралей позволяет утверждать, что все штаты в значительной степени связаны между собой (ситуация между 1990 и 2020 годами радикально не изменилась). Не заостряя внимания на определенных дефектах транспортной системы государства (отсутствие пассажирского междугородного железнодорожного сообщения и как следствие – рост автомобилизации и затруднения движения, особенно в метрополитенских ареалах), можно констатировать, что перемещение грузов и людей как с севера на юг, так и с Тихоокеанского побережья к Мексиканскому заливу не вызывает перенапряжения транспортной инфраструктуры. По связям с соседними штатами единственным аутсайдером является Южная Нижняя Калифорния, которая, располагаясь на одноименном полуострове, граничит лишь с Нижней Калифорнией.

Военно-стратегический фактор. В ходе исследования было проанализировано расположение крупнейших соединений вооруженных сил Мексики. Было установлено, что силовой контингент государства относительно равномерно размещен по его территории, за исключением

⁴⁶ Universidad Nacional Autonoma de Mexico. URL://www.uais.edu.mx/portal/ (дата обращения 11.11.2023).

некоторых штатов (11 из 32). Размещение крупных военных баз сухопутных войск коррелирует с численностью населения штатов, что обуславливает концентрацию военных сил в центре и на юге государства.

При вычислении риска дезинтеграции по этому фактору использовалась балльная оценка: 1 балл начислялся субъекту федерации за военный аэродром, 1,5 балла – за базу ВМФ, 1,7 балла – за штаб соединения сухопутных войск. В результате расчетов получились следующие значения: Веракрус – 6,7 балла; Нижняя Калифорния, Герреро, Оахака – по 5,2; Кинтана-Роо – 4, Чьяпас – 3,7; Нуэво-Леон, Синалоа, Федеральный округ, Юкатан – по 2,7; Сонора и Табаско – по 2,5; Халиско – 2,2; Чиуауа – 2; Коауила и Гуанахуато – по 1,7; Колима и Кампече – по 1,5; Мехико – 1.

Относительно предприятий военно-промышленного комплекса стоит отдельно уточнить, что в ближайшее время производства данного сектора будут смещаться в штат Пуэбла, что, возможно, повлияет на конфигурацию крупных воинских соединений в близлежащих районах⁴⁷.

Внешиполитический фактор. Как уже было отмечено ранее, существующие территориальные диспропорции социально-экономического развития – результат не только отсутствия гибкой региональной политики (высокоурбанизированная Мексика развивалась анклавно, прежде всего развитие касается городских агломераций Мехико, Гвадалахары, Монтеррея), но и активного внешнеэкономического и внешнеполитического вмешательства со стороны Соединенных Штатов [Габарта, 2011]. Однако вопрос влияния США в приграничных штатах Мексики следует рассматривать шире, чем простое повышение уровня жизни населения. Помимо инвестиций в развитие производств, сопутствующей инфраструктуры и, как следствие, повышения значений индекса человеческого развития и ВРП на душу населения, американцы использовали

⁴⁷ Fábrica de armas de Sedena concluirá mudanza a Puebla en 2021 // Telediario. URL: https://www.milenio.com/ultima-hora?utm_source=interno&utm_medium=piano_content_exitview&utm_campaign=recirculacion (дата обращения 11.11.2023)

эффективный инструмент, противодействующий агрессивной нелегальной иммиграции с юга. Речь идет о формировании приграничного мексиканского пояса относительно благополучных штатов, которые служат «улавливателями» значительного числа мигрантов, направляющихся в поисках лучших жизненных стандартов с юга Мексики и из стран Центральной Америки в США.

В сложившейся ситуации открытое силовое вмешательство США в проблемы приграничных штатов Мексики маловероятно. Экспансия иностранного государства скорее просматривается как влияние на экономику и, как следствие, на политические предпочтения населения (здесь преимущественно избирают правоцентристов, реже – кандидатов от ИРП). На приграничной территории Мексики присутствуют силовые структуры США: деятельность американского Управления по борьбе с наркотиками разворачивается в штатах Коауила, Чиуауа, Нижняя Калифорния и ряде других.

1990 г. Многие пограничные пропускные пункты между Мексикой и США появились еще в XIX веке. На 1990 г. таковых насчитывалось 35. За данный компонент внешнеполитического фактора дезинтеграции 3 балла присуждаются Нижней Калифорнии, 2 балла – штатам Табаско, Чьяпас, Сонора и Тамаулипас. Коауила, Чиуауа и Кинтана-Роо получают по 1 баллу, Нуэво-Леон и Кампече – по 0,5 балла.

Душевые значения ПИИ на 1990 г. статистикой не отражаются, но имеются сведения о существенных территориальных диспропорциях в распределении инвестиций из-за рубежа. Прежде всего, иностранцы вкладывались в столицу и приграничные территории (что связано с широким распространением «макиладорас»), данных о привлечении крупного зарубежного капитала в иные проекты найдено не было. В итоге 2 балла были начислены Федеральному округу, а также всем северным приграничным штатам (Сонора, Нуэво-Леон, Тамаулипас, Нижняя Калифорния, Коауила и Чиуауа).

Военный иностранный контингент и территориальные претензии обнаружены не были.

Суммарные баллы по внешнеполитическому фактору на 1990 г. таковы: Нижняя Калифорния – 5 баллов, Сонора и Тамаулипас – 4 балла, Коауила, Чиуауа – 3 балла, Нуэво-Леон – 2,5 балла, Федеральный округ, Табаско, Чьяпас – 2 балла, Кинтана-Роо – 1 балл, Кампече – 0,5 балла.

2020 г. К 2020 г. констатируем следующие значения плотности пропускных пунктов, поскольку их количество увеличилось в полтора раза - с 35 до 53.

Таким образом за плотность пунктов пропуска в итоговую сумму риска по внешнеполитическому фактору дезинтеграции Нижняя Калифорния, Тамаулипас и Табаско получают по 3 балла; Чьяпас, Нуэво-Леон, Сонора и Чиуауа – по 2 балла, Кинтана-Роо и Коауила – по 1 баллу, Кампече – 0,5 балла^{48,49,50}.

По доле ПИИ абсолютное преимущество у Федерального округа (объем в 4 раза больше, чем у любого другого региона, свыше половины всех годовых ПИИ государства) – 3 балла. Далее следует когорта пограничных штатов: Нуэво-Леон, Нижняя Калифорния, Чиуауа – по 2 балла и штаты Тамаулипас, Сонора, Коауила с более скромными показателями – по 1 баллу. Десятку наиболее привлекательных для иностранных инвестиций штатов замыкают непограничные Мехико, Халиско и Пуэбла (по 0,5 балла)⁵¹.

Информации об иностранном военном контингенте или претензиях на целостность территории Мексики в 2020 г. не обнаружено. Суммарные баллы

⁴⁸ List of United States-Mexico Border Crossings // Mexpro.com URL:<https://www.mexpro.com/blog/us-mexico-border-crossings/> (дата обращения 11.11.2023).

⁴⁹ New Bridge At Belize Mexico Border // Belize.com URL:<http://www.belize.com/new-bridge-at-belize-mexico-border.html> (дата обращения 11.11.2023).

⁵⁰ Encuesta sobre Migración en la frontera Guatemala-México // Consejo Nacional de Población. URL: http://www.conapo.gob.mx/work/models/OMI/Resource/537/EMIF_GUAMEX_2004.PDF. (дата обращения 11.11.2023).

⁵¹ Saucedo E. La inversión extranjera en México y su inequitativa distribución estatal // Tecnológico de Monterrey. URL:<https://transferencia.tec.mx/2018/10/30/la-inversion-extranjera-en-mexico-y-su-distribucion-estatal/> (дата обращения 11.11.2023).

по внешнеполитическому фактору для штатов таковы: Нижняя Калифорния – 5 баллов; Чиуауа, Тамаулипас, Нуэво-Леон – по 4; Сонора, Табаско, Федеральный округ – по 3; Чьяпас и Коауила – по 2; Кинтана-Роо – 1 балл; Кампече, Мехико, Халиско, Пуэбла – по 0,5 балла.

Итог расчетов рисков дезинтеграции

По окончании проведенного анализа территориальной композиции рисков дезинтеграции в Мексике выявлены группы штатов, наиболее уязвимых по тому или иному фактору дезинтеграции (табл. 9 – для 1990 г. и табл. 10 для 2020 г.).

Таблица 9. Штаты Мексики, имеющие высокие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам в 1990 г.

Фактор	Штаты	Числ. населения (тыс. чел., 1990 г.) ⁵²	Доля от населения страны (%)	Значение фактора
Исторический	Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо	2 058	3	0,03
Социально-экономический	Лидеры: Федеральный округ, Нижняя Калифорния, Нуэво-Леон, Сонора. Аутсайдеры: Чьяпас, Оахака, Герреро, Мичоакан.	23 724	34	0,34
Внутри-политический	Федеральный округ, Нижняя Калифорния	8 799	12	0,12
Этнокультурный	«Белые» штаты: Агуаскальентес, Коауила, Тамаулипас, Сакатекас, Колима, Халиско, Синалоа, Нижняя Калифорния, Федеральный округ, Керетаро, Нуэво-Леон, Южная Нижняя Калифорния, Морелос, Тласкала, Сонора, Мехико, Дуранго, Гуанахуато и Чиуауа, Мичоакан, Наярит. «Индийские» штаты: Идальго, Герреро, Юкатан, Чьяпас, Оахака, Пуэбла, Кампече	57 620	82	0,82

⁵² XI Censo General de Población y Vivienda 1990. URL: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/1990/> XI Censo General de Población y Vivienda 1990 (inegi.org.mx) (дата обращения 11.11.2023)

Транспортный	Сонора, Синалоа, Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния	5 221	7	0,07
Военно-стратегический	Дуранго, Сакатекас, Сан-Луис-Потоси, Агуаскальентес, Керетаро, Найарит, Южная Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Мичоакан, Морелос, Тласкала	13 222	19	0,19
Внешне-политический	Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Коауила, Чиуауа, Сонора	8 846	13	0,13
ИТОГО		70 562		1,7

Таблица 10. Штаты Мексики, имеющие высокие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам в 2020 г.

Фактор	Штаты	Числ. населения (тыс. чел., 2020 г.) ⁵³	Доля от населения страны (%)	Значение фактора
Исторический	Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо, Чьяпас	10 651	8	0,08
Криминальный	Дезинтеграция вследствие действия наркокартелей: Нижняя Калифорния, Чиуауа, Синалоа, Нуэво-Леон, Тамаулипас, Мичоакан, Герреро	28 140	22	0,22
Социально-экономический	Лидеры: Федеральный округ, Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния, Нуэво-Леон, Сонора, Синалоа, Агуаскальентес, Коауила. Аутсайдеры: Чьяпас, Оахака, Герреро	43 323	34	0,34
Внутри-политический	Табаско, Агуаскальентес, Гуанахуато, Юкатан, Герреро, Нуэво-Леон, Оахака, Чьяпас, Федеральный округ	40 527	32	0,32
Этнокультурный	«Белые» штаты: Агуаскальентес, Коауила, Тамаулипас, Сакатекас, Колима, Халиско, Синалоа,	97 373	77	0,77

⁵³ Consejo Nacional de Poblacion. URL: <https://www.gob.mx/conapo> (дата обращения 11.11.2023).

	Нижняя Калифорния, Федеральный округ, Керетаро, Нуэво-Леон, Южная Нижняя Калифорния, Морелос, Тласкала, Сонора, Мехико, Дуранго, Гуанахуато и Чиуауа. «Индийские» штаты: Идальго, Герреро, Юкатан, Чьяпас, Оахака			
Транспортный	Сонора, Синалоа, Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния	10 539	8	0,08
Военно-стратегический	Дуранго, Сакатекас, Сан-Луис-Потоси, Агуаскальентес, Керетаро, Найрит, Южная Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Мичоакан, Морелос, Тласкала	23 696	19	0,19
Внешне-политический	Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Нуэво-Леон, Чиуауа	16 823	13	0,13
ИТОГО		126 014		2,13

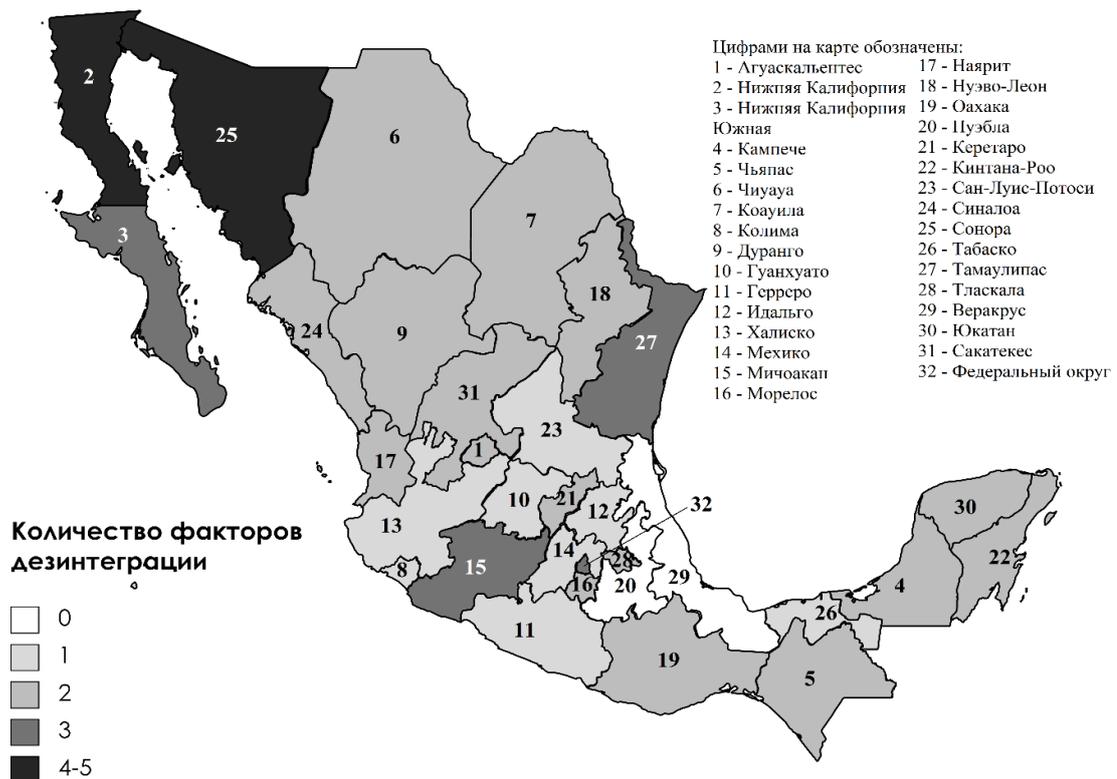

Рис. 5. Риски пространственной дезинтеграции штатов Мексики в 1990

Г.

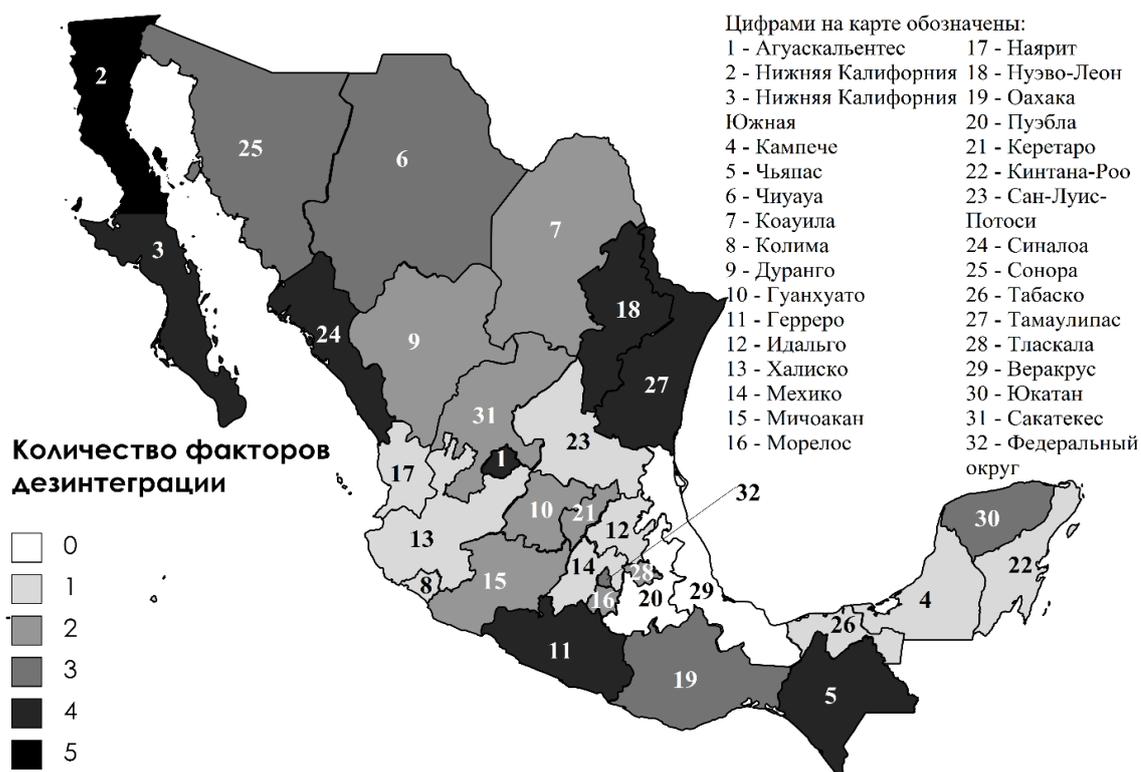

Рис. 6. Риски пространственной дезинтеграции штатов Мексики в 2020

г.

Характеризуя риски пространственной дезинтеграции в 1990 и 2020 гг. нельзя не отметить значительные изменения. При общем росте риска пространственной дезинтеграции Мексики с 1,7 до 2,13 композиция факторов изменилась: расширилась зона повышенных значений рисков по историческому, социально-экономическому, внешнеполитическому факторам, сузилась по этнокультурному. Отдельно стоит сказать о возникновении криминального подфактора, который ярко начал проявляться в начале XXI века.

Таблица 11. Самые гетерогенные штаты Мексики 1990-2020 гг.

Штаты		Ист.	Крим.	СЭ	Внутр.	Этн.	Тр.	ВС	ВП
Нижняя Калифорния	1990 г.			+	+	+	+		+
	2020 г.		+	+		+	+		+
Сонора	1990 г.			+		+	+		+
	2020 г.			+		+	+		
Чьяпас	1990 г.			+		+			
	2020 г.	+		+	+	+			
Герреро	1990 г.			+					
	2020 г.		+	+	+	+			

Тамаулипас	1990 г.					+		+	+
	2020 г.		+			+		+	+
Нуэво-Леон	1990 г.			+		+			
	2020 г.		+	+	+	+			+
Синалоа	1990 г.					+	+		
	2020 г.		+	+		+	+		
Южная Нижняя Калифорния	1990 г.					+	+	+	
	2020 г.			+		+	+	+	

+ – наличие высоких рисков пространственной дезинтеграции по конкретному фактору.

Устойчиво гетерогенная зона Мексики – ее северо-запад (как в 1990, так и в 2020 гг.), к которой с течением времени подключился и северо-восток. Занимая пограничное положение с США, эти штаты сильнее всего испытали эффект от внедрения свободных экономических зон «макиладорас», а затем при создании НАФТА. На сегодняшний день значительная часть произведенных товаров, услуг, капитала и рабочей силы Мексики концентрируется на территории этих трех штатов, внося ощутимый социально-экономический вклад в уровень жизни их населения. В данных штатах наименьшие значения доли коренного населения, поэтому проблемы неравенства по расовой принадлежности здесь не проявляются в той степени, в которой они актуальны для большей части государства, особенно для юга Мексики. Возможно, сочетание относительно высокого уровня жизни и преобладания неиндейского населения определило электоральные предпочтения штатов.

При анализе рисков дезинтеграции штата Нижняя Калифорния нельзя не отметить сходства с двумя уже рассмотренными штатами Тамаулипас и Нуэво-Леон. В Нижней Калифорнии таким же образом активно разворачивалась инициатива создания особых экономических зон, что послужило драйвером социально-экономического развития (занимает второе место в стране по показателю ИЧР – 0,809, уступая лишь Федеральному

округу)⁵⁴. Штат занимает отдаленное положение на северо-западе и имеет относительно низкую долю индейцев в населении (8,54%)⁵⁵. Во внешнеполитическом и транспортном отношении Нижняя Калифорния больше ориентирована на США, чем на соседний штат Сонора, через который осуществляется коммуникация с остальной Мексикой. Это проявляется и в формировании крупных трансграничных городских агломераций (крупнейшая из них в стране – Тихуана – Сан-Диего, а также Мехикали – Калексико), численность населения которых сопоставима с численностью населения, проживающего в остальных «двойных городах» на границе Мексики и США.

Приграничное положение по отношению к США имело и свои минусы для большинства населения: через Тихуану совершался значительный транзит наркотиков, прежде всего, в Калифорнию – главного потребителя (культура употребления здесь сформировалась еще во времена движения хиппи, начиная с 1960-х годов). Как следствие, контроль за этой территорией способствовал сверхобогащению преступных группировок. Во время развязанной мексиканским президентом Кальдероном войны с наркоторговцами Нижняя Калифорния, наряду с большинством приграничных штатов, стала ареной террора, как со стороны преступных банд, так и со стороны федеральных войск. В заключение стоит отметить размещение ряда военных объектов, которые нивелируют потенциальную пространственную дезинтеграцию: регион входит в тройку наиболее «включенных» в силовое поле государства (общая оценка 5,2 балла).

Южная Нижняя Калифорния – менее радикальная версия своего северного соседа, поскольку криминальный фактор отсутствует.

Синалоа, хоть и не выходит к границам государства, но характеристика дезинтеграционных рисков та же: штат относительно процветающий, населен

⁵⁴ Subnational Human Development Index // GlobalDataLab. URL://globaldatalab.org/shdi/ (дата обращения 11.11.2023).

⁵⁵ Censo Poblacion y Vivienda 2020. INEGI. URL: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/> (дата обращения 11.11.2023).

неиндейским населением, ориентирован на экспорт (обладает изолированной системой трубопроводов), а также обладает высоким уровнем криминала. Последнее, пожалуй, является визитной карточкой: один из самых могущественных наркокланов Мексики – «Синалоа» появился в результате развала Гвадалахарского наркокартеля, а отцы-основатели были родом из штата Синалоа. В стране с высоким уровнем коррупции преступная организация может попираť монополию государства на насилие, а главари ОПГ зачастую уходят от рук правосудия.

Герреро и Чьяпас – еще одна группа штатов с высокими рисками пространственной дезинтеграции, при этом разительно отличающиеся от всех предыдущих примеров (первостепенны социально-экономический, внутривполитический и этнокультурный факторы). Во-первых, сопряженные социально-экономический и этнокультурный факторы здесь имеют другие значения: Герреро и Чьяпас – одни из самых экономически слаборазвитых штатов в стране. Вместе с Оахакой они составляют «андеграунд» Мексики. По уровню ИЧР и ВРП на душу населения штаты занимают 1-е и 3-е места с конца (0,716 при среднестрановом 0,774 и 9055 долл. при среднемексиканских 18 535 долл.), а $\frac{2}{3}$ населения проживает за чертой бедности⁵⁶. Отчасти подобное положение объясняется значительной долей индейского населения, которое задействовано в отраслях с низкой добавленной стоимостью, прежде всего, в сельском хозяйстве (в штате регистрируется минимальное значение уровня безработицы по стране – около 2%)⁵⁷. Во-вторых, война с наркоторговцами существенно тормозит экономическое развитие, и если ранее рассмотренные штаты скорее были ориентированы на транзит наркотиков в США, то Герреро, обладая привлекательным туристским потенциалом (прежде всего, легендарный

⁵⁶ Consejo Nacional de Evaluacion. URL: <https://www.coneval.org.mx/Paginas/principal.aspx> (дата обращения 11.11.2023).

⁵⁷ Información Laboral Marzo, 2021. INEGI. URL: https://www.inegi.org.mx/contenidos/programas/enoe/15ymas/doc/enoe_n_notas_tecnicas_0321.pdf (дата обращения 11.11.2023).

курорт Акапулько), сам стал значительным потребителем наркотиков. Чьяпас, в свою очередь, раздроблен в административном плане: часть территории контролируют сапатисты, но большую часть – государство. Полагаем, что дезинтеграция, которую они испытывают, может быть преодолена за счет грамотных административных реформ (штаты территориально близки к центру принятия решений – столице страны) и тесного взаимодействия с соседними штатами, срез проблем которых складывается из экономической отсталости и дискриминации коренного населения.

Увеличение суммы рисков пространственной дезинтеграции страны как системы за 30 лет сопровождается ростом числа штатов с большим сочетанием количества факторов. Если в 1990 г. Нижняя Калифорния имела высокие риски пространственной дезинтеграции по 5 факторам, а Сонора – по 4, то к 2020 г. уже 7 штатов Мексики имели подобные значения по не менее 4 факторам (Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния, Герреро, Чьяпас, Синалоа, Тамаулипас, Нуэво-Леон). Руководству страны предстоит принять ряд непростых решений для урегулирования ситуации и попытаться интегрировать столь полярные и непохожие штаты-дезинтегранты в единое государственное пространство.

3.3. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в Чили

Чили – еще одна страна латиноамериканского региона, для которой будут оценены риски пространственной дезинтеграции. Данный выбор связан с ее социально-экономическими и географическими особенностями. Во-первых, Чили – одна из самых благополучных стран региона. Она является лидером по душевому ВВП (по ППС) – свыше 26 тыс. долл. (2019 г.), а также по ИЧР – 0,842 и скорректированному по неравенству индексу человеческого развития – 0,710 (на 2018 г.). Доля бедного населения по национальному порогу составляет 8,6%^{58,59}. Во-вторых, эта страна обладает уникальной конфигурацией территории: будучи вытянутой с севера на юг, Чили прижата к побережью Тихого океана. Имеющаяся сетка административно-территориального деления устанавливает соседство любого из административных регионов с одной стороны с морем, а с другой – с государственной границей (по Андам). В случае полной дезинтеграции и сецессии какой-либо из центральных областей страна рискует быть разделенной. Актуальность оценки рисков пространственной дезинтеграции на примере Чили подкрепляется наличием действующего территориального спора с Боливией по поводу «морской проблемы» последней [Токарева, 2012]. Наконец, в отличие от Венесуэлы и Мексики, Чили является унитарным государством, в котором наиболее ярко проявляется централизация ресурсов и гипертрофия столичного региона.

Уровень несостоятельности государства. По данным «Fragile State Index 2021», Чили занимает 144-е место среди всех стран мира и третью позицию с конца в регионе со значением 44,1 (более состоятельными в Латинской Америке оказались Уругвай – 35,9 и Коста-Рика – 42,5). Стоит отметить, что за последнее десятилетие Чили регулярно уменьшало риски собственной нестабильности, страна входит в четверку наиболее

⁵⁸ Poverty headcount ratio at national poverty lines // IndexMundi – Country Facts. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.NAHC> (дата обращения 11.11.2023).

⁵⁹ The World Factbook, CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (дата обращения 11.11.2023).

«состоявшихся» государств уже достаточно продолжительное время (помимо Уругвая, в группу лидеров также входят Аргентина и Коста-Рика). Эти же страны лидируют в регионе по показателям индекса демократии⁶⁰. В Чили – «несовершенная демократия», страна занимает 23-е место в мире (2-е в регионе).

Таким образом, с одной стороны, вкупе с показателями социально-экономического и институционального развития, в Чили формируется образ относительно преуспевающего государства, которому свойственны низкие риски пространственной дезинтеграции. С другой стороны, история развития латиноамериканского региона насчитывает значительное число крутых исторических поворотов, когда взлет сменялся падением и деградацией.

Исторический фактор.

1990 г. Так же, как и многие другие страны региона, за два века независимости Чили не избежало актов сепаратизма и проявлений внутренней нестабильности в виде восстаний и дезинтеграции со стороны отдельных территорий.

Однако наиболее интенсивным было восстание и дальнейшее временное отделение территории современной области Араукания в 1859 г. Еще на заре испанской колонизации этнос индейцев-арауканов отстаивал собственную независимость, но даже будучи включенным в состав государства, жил обособленно, не пуская на свою территорию никого из чужаков. Так, во время репрессий против восставших либералов, армия Чили действовала на индейской территории, что привело к вооруженному столкновению уже с новым соперником. Несмотря на победу полководца Монта над аборигенами в 1862 г., индейцы не признали официальную власть и продолжали дестабилизировать обстановку вплоть до конца Второй Тихоокеанской войны (1879–1883 гг.). Тогда бойцы с фронта против Перу и

⁶⁰ Democracy Index 2021: In sickness and in health?
URL://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/ (дата обращения 08.03.2022).

Боливии были переброшены в Арауканию для насильственной реинтеграции региона и установления центральной власти [Альперович, Слезкин, 1991].

2020 г. На сегодняшний день историческими примерами дезинтеграции можно считать массовые акции протеста, которые проходили при первом президентском сроке С. Пинеры (2010-2014), и при втором (2018-2022). В первом случае «отличилось» население южных областей Айсен и Магальянес⁶¹, протестовавших против повышения цен на газ [Дьякова, 2013]. Во втором случае протесты приняли затяжной характер, общие беспорядки продолжались с октября 2019 по март 2020 г., а причиной послужило повышение стоимости проезда на общественном транспорте для обучающихся. Дезинтеграция оказалась более территориально дисперсной и охватила многие области страны, в основном – административные центры. Это Темуко (Араукания), Икике (Тарапака), Антофагаста (Антофагаста), Консепсьон (Био-Био), Пунта-Аренас (Магальянес), Вальпараисо (Вальпараисо), Чильян (Ньюбле) Пуэрто-Монт (Лос-Лагос), а также Сантьяго (Столичная область)⁶².

Социально-экономический фактор. Территориальные диспропорции социально-экономического развития не обошли стороной Чили, хотя и выражены они в меньшей степени, чем во многих других странах региона. Анализируя показатели индекса человеческого развития, наиболее зажиточными регионами мы можем считать области Столичную, Тарапака и Антофагаста.

1990 г. Средний уровень ИЧР Чили в 1990 г. составлял 0,707. Регионы – «локомотивы» начинались на уровне 0,720 и к развитым относились Антофагаста (0,729), Тарапака (0,732) и Столичная область (0,733). К

⁶¹ ¿Magallanes prepara su segundo “Puntarenazo”? Diputado Marinovic: El Presidente Piñera no es bienvenido en Punta Arenas. Puntocentral. URL:<http://www.puntocentral.cl/?p=7257> (дата обращения 11.11.2023).(дата обращения 11.11.2023)

⁶² La revuelta de octubre: ¿Una crisis de la subjetividad neoliberal chilena? Elmostrado. URL:<https://www.elmostrador.cl/destacado/2019/11/01/la-revuelta-de-octubre-una-crisis-de-la-subjetividad-neoliberal-chilena/> (дата обращения 11.11.2023)

аутсайдерам развития можно было причислить регионы с ИЧР ниже 0,679 – это Айсен (0,669), Лос-Лагос (0,659), Мауле (0,655) и Араукания (0,651).

2020 г. На 2020 г. максимальное превышение среднего национального уровня ИЧР (в столице) составляло всего 32 пункта (в Венесуэле – 46, в Мексике – 60), в Тарапака – 30 пунктов, а в Антофагаста – 25 пунктов.

Однако многие диспропорции нивелируются уровнем развития отраслей социальной сферы – здравоохранения и образования, которые завывают показатели индекса. Если брать исключительно экономические параметры, например ВРП на душу населения, то здесь разрывы гораздо значительнее. При среднедушевом уровне в 15 800 долл. (2017 г.), в Антофагаста было 40 534 долл., в Тарапака – 18 801 долл., в Столичной области – 16 214 долл., сюда же вписывается и Атакама с 22 252 долл., однако в лидерах по ИЧР она отсутствует. Первые три области формируют свыше 60% всего ВВП страны (проживает в этих регионах и значительная доля населения – около 45%)^{63,64,65}.

Данные регионы – локомотивы развития укладываются в классификацию, представленную в п. 2.2: Сантьяго является столицей со всеми вытекающими плюсами такого положения, Антофагаста и Тарапака – ресурсные регионы, в которых уже десятилетиями разрабатываются месторождения полезных ископаемых (прежде всего – медь, поваренная соль, в меньшей степени – селитра), а также развита добыча рыбы и морепродуктов. Медная индустрия — не только главный поставщик валютной выручки, которая позволяет наполнять бюджет, но и один из аттракторов различных инноваций, «промышленная витрина» государства [Николаева, 2018]. Наличие свободного капитала и благоприятные

⁶³ Banco Central de Chile. URL: <https://www.bcentral.cl/inicio> (дата обращения 11.11.2023).

⁶⁴ ¿A qué país se acerca el PIB per cápita de tu región? // Tele13. URL: <https://www.t13.cl/noticia/negocios/conoce-pais-se-acerca-pib-per-capita-region> (дата обращения 11.11.2023).

⁶⁵ Censo 2017. URL: www.censo2017.cl/ (дата обращения 11.11.2023).

климатические условия позволяют развивать здесь туризм, имеющий значение в масштабах государства^{66,67}.

К регионам, отстающим в развитии, можно отнести области Айсен (ИЧР – 0,799), Лос-Лагос (0,788), Мауле (0,782) и Араукания (0,778), сосредоточенные в центральной и южной частях страны. Социально-экономическое отставание обусловлено прежде всего относительно низким уровнем урбанизации и доминированием сельского хозяйства в отраслевой структуре. За исключением области Айсен, все остальные имеют самые скромные показатели душевого ВРП (8–12 тыс. долл. при средних 15,8 тыс. долл. по стране). Однако все перечисленные регионы обладают значительным потенциалом, особенно в сфере электроэнергетики и туризма, а также лесной промышленности. За исключением Араукании, можно предположить, что все остальные области-аутсайдеры достаточно быстро выровняют показатели ИЧР, близкие к среднему по стране (0,842), сведя риски пространственной дезинтеграции по социально-экономическому фактору к минимуму. В случае Араукании деятельность крупных добывающих компаний затруднена ввиду перманентных конфликтов с этносом мапуче (арауканами), которые препятствуют использованию местных природных ресурсов. Подобные проблемы присутствуют и в соседних областях Био-Био и Лос-Лагос, однако они в меньшей степени мешают экономическому развитию регионов. Таким образом, социально-экономическое отставание Араукании рискует затянуться, что повышает риск пространственной дезинтеграции по рассматриваемому фактору^{68,69}.

⁶⁶ Gobierno Regional de Tarapaca. URL: <https://www.goretarapaca.gov.cl/> (дата обращения 11.11.2023).

⁶⁷ Gobierno Regional de Antofagasta. URL: <https://goreantofagasta.cl/> (дата обращения 11.11.2023).

⁶⁸ Quemán 18 camiones en nuevo ataque incendiario en La Araucanía // URL: Biobiochile.cl (дата обращения 11.11.2023).

⁶⁹ Quemán tres iglesias en nuevos ataques en La Araucanía // Tele13. URL: [://www.t13.cl/noticia/nacional/queman-tres-iglesias-nuevos-ataques-araucania](http://www.t13.cl/noticia/nacional/queman-tres-iglesias-nuevos-ataques-araucania) (дата обращения 11.11.2023).

Внутриполитический фактор. В отличие от большинства стран региона, в которых прослеживается корреляция между уровнем социально-экономического развития и электоральными предпочтениями населения отдельных территорий, в Чили дела обстоят совершенно иным образом. На результаты выборов влияют как исторические традиции, так и институциональные аспекты, а также программы главных политических движений.

В монографии Л.В. Дьяковой «Чилийская демократия: преемственность и перемены» очень подробно рассматривается трансформация партийно-политической структуры практически со дня образования независимого государства [Дьякова, 2013]. Именно в истории скрывается одна из ключевых особенностей политической системы Чили: согласно конституции страны, президент не может исполнять свои обязанности более одного срока подряд. Этот нюанс придает существенную динамику политической системе страны, являясь профилактикой от «каудильизма», от которого пострадали многие страны-соседи по региону, да и само Чили. Согласно хронологии правления президентов, начиная с 70-х годов XIX в., все президенты сменялись в период следующей избирательной кампанией, за исключением периода авторитарного правления Аугусто Пиночета с 1973 по 1989 гг.⁷⁰ Собственно, по причине нахождения у власти в тот период военной хунты, анализ географии голосований на 1990 г. в работе не представлен.

Однако главной причиной того, почему в Чили вызывает значительные затруднения выявление территориального распределения предпочтений населения, является сильная роль политического центра и слабое различие между политическими программами ведущих движений. Несмотря на заключение различных коалиций и формирование политических блоков, последние несколько избирательных кампаний борьба разворачивается

⁷⁰ Los presidentes de Chile // Biblioteca Nacional de Chile. URL://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-3573.html (дата обращения 11.11.2023).

между правоцентристским крылом в виде партий «Национальное обновление» (лидер – С. Пиньера) и Независимый демократический союз (UDI, значимые фигуры – Х. Лавин и Э. Маттей) с левоцентристским движением (ранее – «Консертасьон», затем – «Новое большинство»), опирающимся на социалистов и христианских демократов.

Анализ результатов выборов (в Чили так же, как и во многих других латиноамериканских странах, президентские выборы совмещены с парламентскими) практически не конкретизирует электоральных предпочтений населения на какой-либо территории. Наименьшую поддержку социал-демократы получают в Столичной области, а наибольшую – в богатых областях Атакама и Антофагаста, что идет вразрез с обычной логикой: бедный регион – предпочтение левых сил, богатый регион поддерживает правые силы.

Главным преимуществом биномиальной избирательной системы считается ее устойчивость, поэтому в условиях перехода Чили к пропорциональной избирательной системе есть смысл более подробно проанализировать данный вопрос и оценить риски прихода к власти более радикальных движений, уставших от двухпартийного парламента (например, относительный успех Беатрис Санчес – выдвиженца радикальных левых сил) [Худолей, 2016].

Исходя из вышесказанного, на данный момент в Чили сложно выделить области, которые подвержены действию внутривнутриполитического фактора пространственной дезинтеграции. Тесной интеграции в политической сфере способствовали как биномиальная избирательная система, так и схожие политические программы главных акторов, а также историческая судьба народа Чили.

Этнокультурный фактор.

1990 г. Прежде всего необходимо отметить особенности переписи населения 1992 г., когда в фокусе исследования оказались граждане старше 14 лет. Это создает некоторые перекосы при сравнении разных групп

населения, в том числе и по этническому фактору. Более подробно вопрос сопоставимости переписей исследовал Вальдес [Valdes, 2016].

По расчетам автора диссертации, коренное население Чили в 1992 г. составляло 10,3%, выделялось 3 группы – мапуче, аймара и рапануйцы (жители острова Пасхи). Доля индейцев по областям Чили показана на рис. 7.

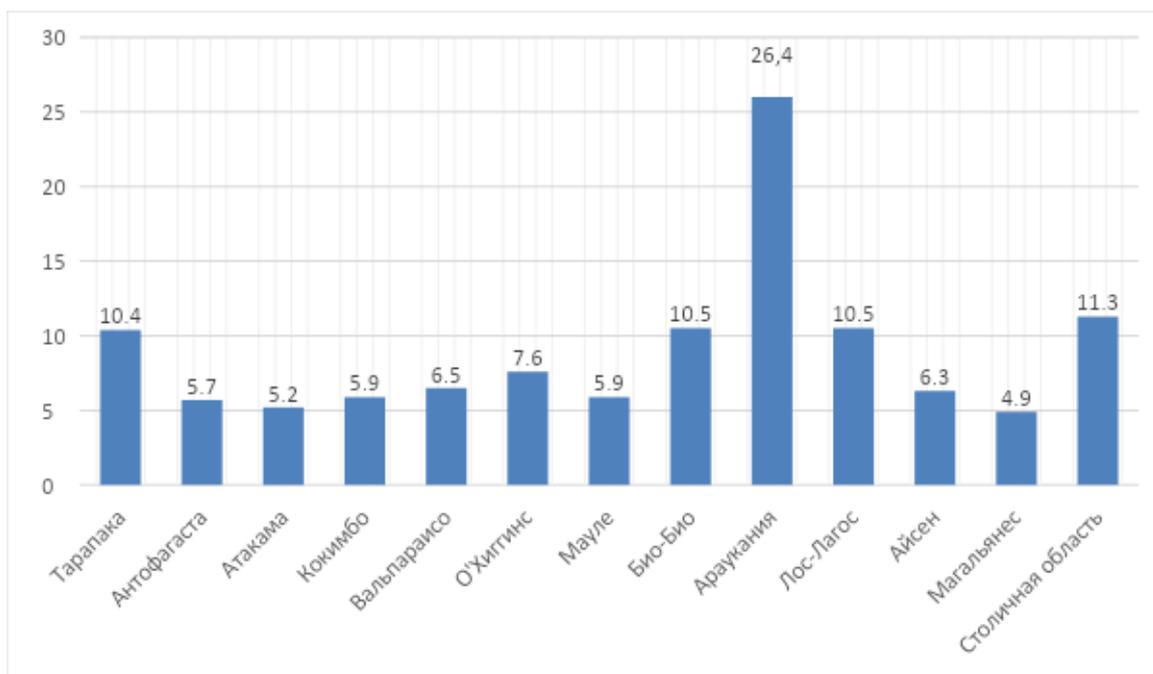

Рис. 7. Доля индейцев по областям Чили (%)

В качестве экстремумов с двухкратным отклонением значения от среднего по стране следует отобрать Арауканию – 26,4% (как максимум) и Магальянес – 4,9% (как минимум)⁷¹.

2020 г. По данным последней переписи населения (2017 г.), в Чили 12,8% населения обозначило себя как представителей коренных народов (остальные считают себя потомками креолов)⁷². Крупнейшая группа среди коренных – индейцы мапуче (арауканы), к которым относится 1745 тыс. человек (9,9% населения, 80% всех индейцев Чили).

Наиболее «индейскими» областями (с двухкратным превышением среднего значения по стране) в настоящее время можно считать Арика-и-

⁷¹ Resultados oficiales censo de poblacion 1992.

URL:<http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-propertyvalue-156688.html> (дата обращения 11.11.2023).

⁷² Instituto Nacional de Estadística. URL: <http://www.ine.gob.cl/> (дата обращения 11.11.2023).

Паринакота (35,3%), Арауканию (34,3%), Лос-Лагос (28,2%), Лос-Риос (25,6%), Айсен (28,7%)⁹⁰. Наименее индейские по составу населения области Чили – Ньюбле (4,8%) и Мауле (4,9%). Столь серьезный разброс по сравнению с данными 1992 г. можно объяснить несколькими причинами: разная методика подсчета, миграционные процессы, создание институциональной основы движений коренных народов – Национальной корпорации развития коренных народов (CONADI)⁷³. Отчасти влияет и административный аспект: выделение областей Ньюбле и Арика-и-Паринакота в качестве новых территориальных единиц 1-го порядка.

В отличие от многих других коренных народов Латинской Америки, которые в той или иной степени смогли смешаться с креолами (а также с чернокожим населением, которое первоначально было завезено в качестве рабов), мапуче долгое время жили обособленно, не раз вступали в открытый конфликт с государственной властью и предпринимали попытки сецессии. На сегодняшний день «индейский вопрос» – одна из важнейших проблем во внутриполитической повестке Чили, наряду с сильным социальным расслоением и диспропорциями регионального развития.

Так же, как и в случае с многими другими странами региона, где индейцы и бланкос долгое время сосуществуют друг с другом (Боливия, Перу, Мексика), в Чили между данными группами населения наблюдается сильное неравенство, проявляющееся в разном уровне образования, доступа к системе здравоохранения, душевого дохода и др.^{74,75}. Согласно статистическим данным, беднейшие области страны – те, где значительную долю населения составляют индейцы⁷⁶.

⁷³ CONADI. Ministerio de Desarrollo Social y Familia. URL:<http://www.conadi.gob.cl/> (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁴ The Chile National Socioeconomic Characterization Survey 2009. Ministerio de Desarrollo Social y Familia. URL: <https://ghdx.healthdata.org/record/chile-national-socioeconomic-characterization-survey-2009> (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁵ Valencia A. Encuesta casen revela discriminación salarial a trabajadores indígenas // La Nación. URL:<http://www.mapuche.nl/espanol/labores0511.htm> (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁶ Cerda R.A. Situación socioeconómica reciente de los mapuches en la Región de la Araucanía // Centro de Estudios Públicos Chile. URL:

Кратко характеризуя отношения между властью и мапуче, нельзя не увидеть тесного сопряжения социально-экономического и этнокультурного факторов дезинтеграции. Основной вопрос – разработка богатых полезными ископаемыми территорий, которые являются важными для коренных народов. Попытки диалога далеко не всегда завершаются компромиссом: иногда отдельные группы мапуче согласны обменять «исторические» земли на аналогичные в других районах, где возможна такая же хозяйственная деятельность (выпас скота и заготовка леса). Однако большинство арауканов против подобных сделок, и череда конфликтов экономического характера это показала⁷⁷. К слову, в Аргентине события зачастую развиваются по аналогичному сценарию⁷⁸.

Безусловно, усугубляют положение и сомнительные методы борьбы со стороны коренного населения: среди них отмечаются разбои, саботаж, диверсии и другие действия, которые государства (положение арауканов – болезненный вопрос и в Аргентине) трактуют как «террористические», обрекая отдельных активистов на длительные сроки лишения свободы^{79,80,81}. В результате риски дезинтеграции регионов, для которых актуальны проблемные взаимоотношения с индейцами, только увеличиваются.

Помимо мапуче, крупную индейскую общность составляют аймара (около 121 тыс. в 2013 г.), проживающие преимущественно в Столичной

https://www.researchgate.net/publication/42532832_Situacion_Socioeconomica_Reciente_de_Los_Mapuches_En_La_Region_de_La_Araucania (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁷ Pangué y Ralco // Biblioteca Nacional de Chile. URL: <http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96731.html> (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁸ Ortega S. Argentina. Hay 1500 comunidades originarias en peligro // Resumen Latinoamericano. URL: <http://www.resumenlatinoamericano.org/2017/08/30/argentina-hay-1500-comunidades-originarias-en-peligro/> (дата обращения 11.11.2023).

⁷⁹ Soto L. La historia de la familia Luchsinger en La Araucanía // Diario y Radio U Chile. URL: <https://radio.uchile.cl/2013/01/04/la-historia-de-la-familia-luchsinger-en-la-araucania/> (дата обращения 11.11.2023).

⁸⁰ Incidentes en Temuco tras lectura de sentencia contra Celestino Córdova. URL: <http://www.biobiochile.cl/noticias/2014/02/28/mapuche-se-enfrentan-a-carabineros-y-gendarmes-tras-conocer-sentencia-de-celestino-cordova.shtml> (дата обращения 11.11.2023).

⁸¹ Duarte F., Roldán S. Quema de 29 camiones en Los Ríos enfrenta a la fiscalía con empresarios // La Tercera. URL: <https://www.latercera.com/noticia/quema-29-camiones-los-rios-enfrenta-la-fiscalia-empresarios/> (дата обращения 11.11.2023).

области, а также в приграничных с Боливией областях – Тарапаке (18,0% от населения области) и Арика-и-Паринакота (35,7%).

Транспортный фактор. Оценивая транспортную доступность отдельных регионов Чили, нельзя не учитывать нескольких важных аспектов. С одной стороны, специфическая конфигурация территории государства создала предпосылки для формирования линейной модели территориальной структуры хозяйства, а также дала возможность развития портовой инфраструктуры ввиду наличия океанической границы у каждой административной единицы первого порядка. С другой стороны, серьезным вызовом является рельеф местности, затрудняющий развитие транспортной сети.

Во многом эти обстоятельства обуславливают определенные диспропорции в развитии отдельных видов транспорта: значительная часть грузовых перевозок осуществляется морем, пассажирских – авиацией и автомобильным транспортом. Железнодорожное сообщение в стране сохранилось лишь фрагментарно, прежде всего из-за неолиберального курса правительства Пиночета, когда многие сектора экономики были отданы в частные руки. Можно сказать, что приватизация железнодорожного транспорта сыграла решающую роль в почти полной ликвидации пассажирского сообщения в стране. В отдельных районах действуют частные грузовые компании, занятые перевозкой рудосодержащих пород (преимущественно в областях Антофагаста и Атакама)⁸². Однако государство понимает важность развития данного вида транспорта и имеет определенные амбиции к возрождению широкого использования железных дорог⁸³. Стоит отметить, что существенной разницы в транспортной связности регионов страны в 1990 и 2020 г. не отмечено.

⁸² La Red Ferroviaria // Ferronor. URL: <http://www.ferronor.cl/red.html> (дата обращения 11.11.2023).

⁸³ Croquevielle T. The renaissance of the train in Chile // Historia en Perspectiva. URL: <https://historiaenperspectiva.cl/the-renaissance-of-the-train-in-chile/> (дата обращения 11.11.2023).

В сложившейся ситуации ведущим видом сухопутного транспорта становится автомобильный. При анализе конфигурации сети автодорог можно сделать вывод, что наибольшую уязвимость представляют собой отдаленные южные области Чили, которые не имеют крупных магистралей, либо вообще изолированы от основной автодорожной сети государства. Речь идет об областях Магальянес, обладающей изолированной от других районов Чили дорожной сетью, связанной лишь с Аргентиной, и Айсен, где пролегает единственная дорога местного значения.

Транспортная доступность двух этих областей тесно увязывается с уровнем их социально-экономического развития. В монографии Дьяковой анализируется ситуация, когда в условиях холодного и влажного климата Магальянеса, при котором высоки издержки на содержание инфраструктуры, была предпринята попытка повышения стоимости природного газа – основного топлива в области. В результате в Магальянесе начались протесты и забастовки, а компромисс был достигнут лишь с привлечением местных иерархов католической церкви. В.Л. Дьякова утверждает, что понятие «эффективность» понималось руководством страны (на тот момент президентом был бизнесмен С. Пиньера) в исключительно утилитарном ключе. Возможно, именно поэтому в следующих двух избирательных кампаниях правоцентристские силы в Магальянесе получили лишь 18% и 26% голосов соответственно [Дьякова, 2013].

В соседней области Айсен население тоже выражало недовольство относительно транспортной оторванности и изолированности от центральных областей страны. Как следствие, здесь были отмечены высокие цены на товары повседневного спроса и топливо, неудовлетворительное состояние инфраструктуры, объектов здравоохранения, низкое качество образования в школах и др. Требования к улучшению социально-экономического положения региона привели к беспорядкам и столкновениям с полицией [Дьякова, 2013].

Военно-стратегический фактор. На примере предыдущих кейсов Венесуэлы и Мексики было показано, что во многом военно-стратегический фактор связан с транспортным, а также с природными условиями, в которых гипотетически потребуются вести боевые действия. Отчасти это справедливо и для Чили, но с определенными оговорками. Сразу стоит отметить, что конфигурация важнейших объектов военной инфраструктуры не изменилась с начала 1990-х до начала 2020-х гг.⁸⁴

Приморское положение Чили, и в особенности крайне протяженная береговая линия, стимулировали это государство иметь крупные и хорошо оснащенные военно-морские силы. Исторический обзор свидетельствует, что крупнейшие вооруженные конфликты в регионе (к примеру, Вторую Тихоокеанскую войну) страна выигрывала прежде всего за счет значительного превосходства в развитии военного судостроения. География крупнейших военно-морских баз (Икике – в области Тарапака, Вальпараисо и Талькауано – в области Био-Био, Пуэрто-Монт – в области Лос-Лагос, Пунта-Аренас – в области Магальянес) показывает их равномерное распределение по побережью, позволяющее контролировать значительные акватории, а в условиях «узости» территории государства призвана оказывать влияние и на прибрежные территории.

С другой стороны, значительная часть Чили располагается в области высокогорного рельефа, что обуславливает заинтересованность государства в развитии авиации. Почти все крупные военные аэродромы страны расположены у подножия Анд (в Икике, Антофагасте и Сантьяго). Исключение составляет аэродром в городе Пунта-Аренас, где соединение с крупной военно-морской базой позволяет государству обходиться без значительных сухопутных соединений для контроля территории и прибрежных вод.

⁸⁴ Chilean Ministry of Defense, Book of the National Defense of Chile (Ministry of Defence: [Santiago], Sep. 1998), p. 96 (in English)
URL:<https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI00Singh/SIPRI00Singh02.pdf>
(дата обращения 11.11.2023)

Сухопутные войска не могут обойтись без развитой транспортной инфраструктуры, что в условиях линейной территориальной структуры хозяйства Чили создает определенные проблемы с проведением военных учений, особенно вдали от побережья. Анализ расположения крупнейших воинских соединений показывает, что здесь образовались «белые пятна» с точки зрения силового контроля.

Основу военной инфраструктуры Чили составляет 6 штабов сухопутных войск, 5 военно-морских баз и 4 военных аэродрома (пропорция 6:5:4). При расчете общего показателя воздействия военно-стратегического фактора 1 балл начисляется за штаб сухопутного соединения, 1,2 балла за базу ВМФ и 1,5 балла за военный аэродром. В соответствии с этим чилийские области получили по этому фактору следующие баллы: Столичная область – 3,5; Магальянес и Тарапака – по 2,7; Антофагаста – 2,2; Вальпараисо, Био-Био, Лос-Лагос – по 1,2; Айсен и О’Хиггинс – по 1 баллу.

Наибольшими рисками пространственной дезинтеграции по военно-стратегическому фактору обладают области Арика-и-Паринакота, Атакама, Кокимбо, Араукания, Мауле и Ньюбле, как лишенные значимой военной инфраструктуры.

Внешиполитический фактор. В случае Чили этот фактор пространственной дезинтеграции сопряжен с историческим и транспортным факторами, а также имеет определенные аспекты, связанные со специфической конфигурацией территории государства.

В Чили приграничными оказываются сразу все административные области, но плотность пунктов пропуска неодинакова. Наиболее густа их сеть (на 100 км) в Био-Био и Кокимбо – 3,45 и 2,08 соответственно (3 балла). Затем идут области Мауле, Вальпараисо и Араукания – 1,75, 1,16 и 1,37 соответственно (2 балла). В остальных областях плотность ниже: от 1,12 на 100 км в Лос-Лагос до 0,4 в Столичной области (все – 1 балл)⁸⁵.

⁸⁵ Instituto Geografico Militar. URL: <https://www.igm.cl/> (дата обращения 11.11.2023).

Ключевое различие в данном факторе – в распределении инвестиционных потоков из-за рубежа. В 1990 г. лидерами были Антофагаста, Атакама и Столичная область, при этом все остальные регионы крайне слабо интересовали зарубежных вкладчиков [Robles, 2010]. По 3 балла за ПИИ в 1990 г. есть смысл отдавать северным горнодобывающим регионам, поскольку оникратно слабее заселены, чем Столичная область (1 балл). Анализируя пространственное распределение ПИИ в 2020 г., можно отметить, что полученная картина схожа, поскольку наибольшие значения отмечаются в сырьевых областях Антофагаста и Атакама, а также в Столичной области (3 балла). Ниже среднего по стране, но больше, чем в подавляющем большинстве АТЕ иностранцы инвестируют в Магальянес и Тарапаку (вместе с Арика-и-Паринакота) – 2 балла. При относительно равномерном распределении аутсайдером является Араукания⁸⁶.

Зарубежных военных баз и контингентов на территории Чили нет. Как в 1990, так и в 2020 г. чилийскими регионами, являющимися объектами территориальных притязаний соседних государств были Тарапака и Арика-и-Паринакота. Их принадлежность Чили оспаривает Боливия, заинтересованная в восстановлении выхода к побережью Тихого океана, а также в использовании минеральных ресурсов, которыми богаты данные земли. Правовым основанием для современного статуса этой территории служит мирный договор, завершивший Вторую Тихоокеанскую войну, согласно которому боливийская территория от Тихого океана до Анд отходила Чили, но при этом сохранялось право бесплатного транзита боливийских товаров к морю. Однако «морская проблема» Боливии, несмотря на многочисленные апелляции и пересмотры межгосударственными судебными комиссиями, пока является лишь «яблоком раздора» между двумя соседними государствами [Токарева, 2012].

⁸⁶ Banco Central de Chile. URL: <https://www.bcentral.cl/inicio> (дата обращения 11.11.2023).

Отдельные затруднения вносит выделение Арика-и-Паринакота в качестве области в начале XXI в. На 1990 г. она входила в состав Тарапаки.

В 1990 г. риски пространственной дезинтеграции по внешнеполитическому фактору исчислялись 3 баллами в областях Тарапака, Антофагаста, Био-Био, Кокимбо.

К 2020 г. картина несколько изменилась и к областям с рисками по внешнеполитическому фактору относятся Арика-и-Паринакота, Тарапака – по 6 баллов, Антофагаста и Атакама – по 4 балла.

Итог расчета рисков пространственной дезинтеграции

После проведенного анализа территориальной композиции рисков дезинтеграции в Чили выявлены области, наиболее уязвимые по тому или иному фактору дезинтеграции в 1992 и 2020 гг. (табл. 12 и 13 соответственно).

Таблица 12. Области Чили, имеющие высокие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам, в середине 1990-х годов

Фактор	Области	Числ. населения (тыс. чел., 1992 г.) ⁸⁷	Доля от населения страны (%)	Значение фактора
Исторический	Араукания, Био-Био, Кокимбо, Магальянес, Антофагаста, Тарапака, Столичная область	9171	69	0,69
Социально-экономический	Лидеры: Столичная область, Антофагаста, Тарапака. Аутсайдеры: Араукания, Мауле, Лос-Лагос, Айсен	8655	65	0,65
Внутриполитический	Не определяются	–	–	–
Этнокультурный	Араукания, Магальянес	924	7	0,07
Транспортный	Айсен, Магальянес	224	2	0,02
Военно-стратегический	Араукания, Мауле, Айсен, Кокимбо	2202	16	0,16
Внешне-политический	Био-Био, Кокимбо, Антофагаста, Тарапака	3252	19	0,19

⁸⁷ Resultados oficiales censo de poblacion 1992. URL:<http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-propertyvalue-156688.html> (дата обращения 11.11.2023).

ИТОГО		13291		1,78

Таблица 13. Области Чили, имеющие высокие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам в 2017 г.

Фактор	Области	Числ. населения (тыс. чел., 2017 г.) ⁸⁸	Доля от населения страны (%)	Значение фактора
Исторический	Араукания, Антофагаста, Арика-и-Паринакота, Тарапака, Вальпараисо, Кокимбо, Столичная область, Био-Био. Магальянес	13 531	77	0,77
Социально-экономический	Лидеры: Столичная область, Антофагаста, Тарапака. Аутсайдеры: Лос-Лагос, Араукания, Мауле, Айсен	10 985	63	0,63
Внутриполитический	Не определяются	–	–	–
Этнокультурный	Араукания, Лос-Лагос, Лос-Риос, Арика-и-Паринакота, Айсен	2500	14	0,14
Транспортный	Айсен, Магальянес	270	2	0,02
Военно-стратегический	Арика-и-Паринакота, Атакама, Кокимбо, Араукания, Мауле и Ньюбле	3753	21	0,21
Внешне-политический	Арика-и-Паринакота, Тарапака, Антофагаста, Атакама	1450	8	0,08
ИТОГО		17572		1,85

Итак, риск пространственной дезинтеграции Чили, как государства, оценивается в 1,78 на 1992 г. и 1,85 на 2017 г.

⁸⁸ Censo 2017. URL://www.censo2017.cl (дата обращения 11.11.2023).

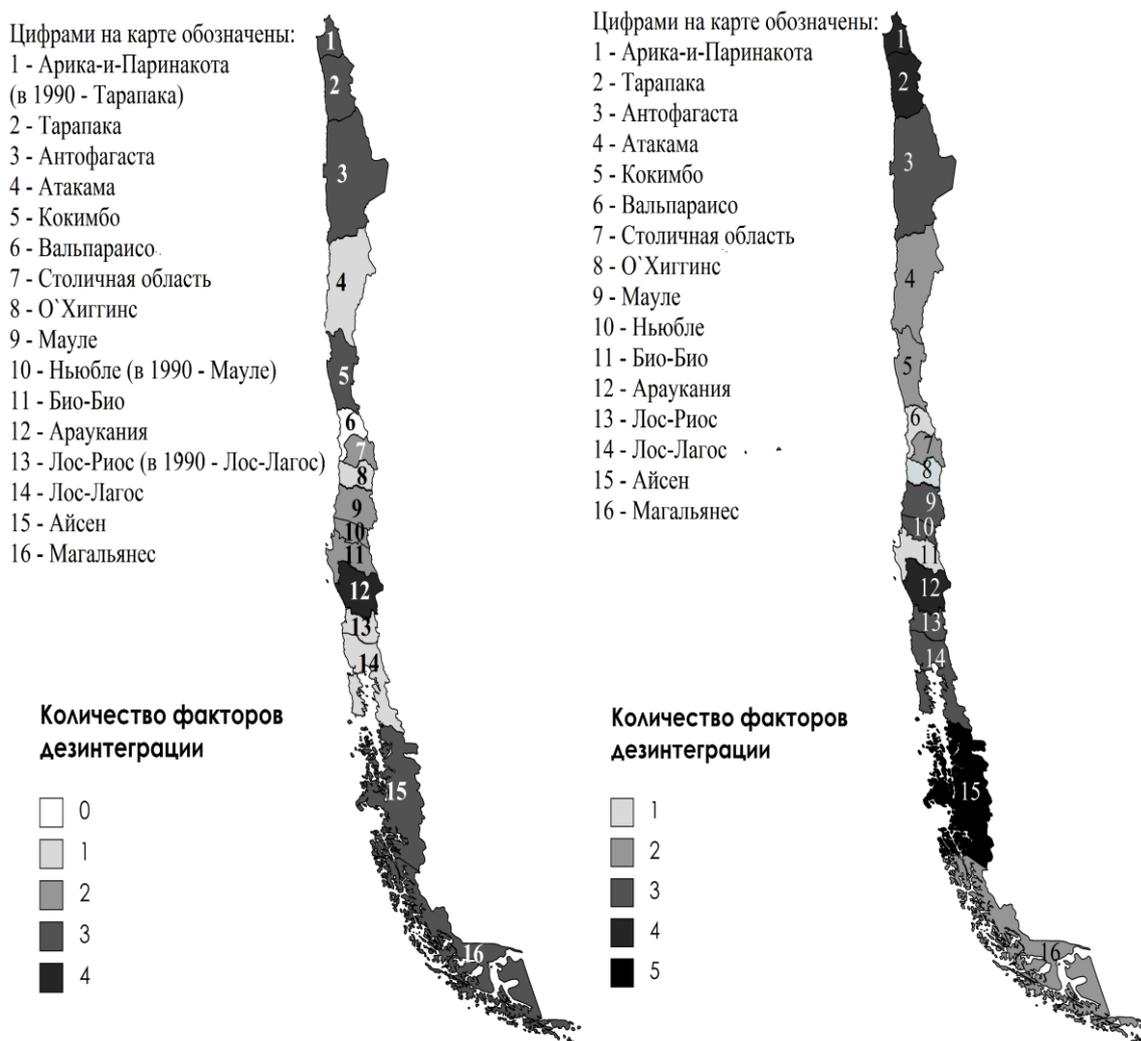

Рис. 8. Риски пространственной дезинтеграции областей Чили в 1992 и 2017 г.

Стабильно высокий риск пространственной дезинтеграции среди единиц АТД первого порядка и в 1990, и в 2017 гг. регистрируется в области Араукания. Это ареал проживания коренного народа мапуче, обладающего культурной автономией и до сих пор дискриминируемого в чилийском обществе (высоки риски по историческому, социально-экономическому, этнокультурному, военно-стратегическому факторам). Этнокультурный фактор тесно связан с социально-экономическим и историческим, поскольку индейцы, занятые в малопродуктивном сельском хозяйстве и лесной промышленности, выступают против строительства объектов

инфраструктуры (например, ГЭС «Ральико») и добычи полезных ископаемых на собственной территории⁸⁹.

В случае области Айсен риски пространственной дезинтеграции увеличились. Если в 1990 г. регион обладал высокими рисками по социально-экономическому, военно-стратегическому и транспортному факторам, то к 2017 г. к ним добавились этнокультурный и исторический факторы.

Еще одной областью Чили, в которой наблюдается сочетание высоких рисков пространственной дезинтеграции по четырем факторам – это Арика-и-Паринакота на севере страны (внешнеполитический, социально-экономический, этнокультурный, исторический факторы). Территория вошла в состав страны лишь в 1929 г. в результате договора между Перу и Боливией с одной стороны и Чили – с другой, заселена преимущественно индейскими народами (прежде всего, аймара). Область – объект территориальных претензий со стороны Боливии, которая активно продвигает на международном уровне вопрос о передаче части территории области под боливийский суверенитет для обеспечения выхода к Мировому океану (сейчас существует лишь беспошлинная зона для перевозки товаров из Боливии к порту Икике). Ключевых объектов военной инфраструктуры на территории области не обнаружено.

Анализируя сумму рисков пространственной дезинтеграции страны как системы, можно отметить стабильность Чили: как в плане показателей, так и в плане весов различных факторов. Основной вес дают исторический и социально-экономический факторы (на пару приходится 1,34 в 1990 г. и 1,4 в 2017 г.), остальные факторы мало влияют на общую картину. Определенное ослабление внешнеполитического фактора нивелируется ростом этнокультурного т.е. можно сказать о некотором «транзите» рисков (проблемы индейцев становятся важнее проблем зарубежных инвесторов). Сильное превалирование социально-экономического фактора над

⁸⁹ Pangué y Ralco // Biblioteca Nacional de Chile. URL://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96731.html (дата обращения 11.11.2023).

остальными (из современных) подтверждается и основными лозунгами, под которыми выходят протестующие: улучшение материального положения, снижение безработицы, преодоление социального расслоения.

3.4. Математическая обработка результатов расчета рисков пространственной дезинтеграции

Полученные результаты расчетов были обработаны инструментами корреляционного анализа, а также с помощью метода главных компонент. Выявление корреляций между показателями факторов пространственной дезинтеграции должно подкрепить тезис о взаимосвязи этих факторов. То есть факторы пространственной дезинтеграции имеют кумулятивный эффект, усиливая друг друга, однако значения индикаторов между отдельными парами факторов (с точки зрения статистики) могут не проявлять значимых корреляций и взаимосвязей.

Применение метода главных компонент направлено на выделение наиболее значимых факторов пространственной дезинтеграции для всей выборки административно-территориальных единиц стран-кейсов. Предполагается, что данный массив показателей можно свести к некоторым усредненным моделям, в которых показаны наиболее частые сочетания конкретных факторов.

3.4.1. Корреляционный анализ

В результате применения корреляции Спирмена для каждой страны были выявлены факторы дезинтеграции с существенными значениями ($>0,33$). Поскольку совпадений между значимыми парами при сопоставлении стран-кейсов практически не наблюдалось, можно сделать вывод, что данный анализ скорее раскрывает сложный механизм взаимосвязей внутри одного государства.

В *Мексике* наиболее высоким значением корреляции обладает пара социально-экономический/этнокультурный факторы ($-0,64$). Поскольку в

случае Мексики этнокультурный фактор базировался на показателе доли индейцев в составе населения, трактовать результаты можно следующим образом: чем выше доля индейцев, тем, как правило, ниже значения ИЧР. Р-уровень: 0,0001.

Корреляция в паре социально-экономический/внешнеполитический факторы составляет 0,44, и это указывает на динамичное развитие смежного с США «северного фасада» государства, во многом из-за предприятий макиладорас, многие десятилетия функционирующих в приграничной зоне. Р-уровень: 0,0118. Одновременно меньшая транспортная связность северных районов с остальной территорией Мексики указывает на обратную зависимость в паре факторов социально-экономический/транспортный (-0,50). Вполне вероятно это связано с большей дробностью АТЕ 1-го порядка на юге страны и повышенной плотностью там транспортных путей. Отчасти данный тезис доказывается обратной зависимостью в паре факторов транспортный/внешнеполитический (-0,36). Р-уровень: 0,04.

Еще одна выявленная корреляция – между военно-стратегическим и внешнеполитическим факторами (0,36). Она может объясняться концентрацией военного контингента в приграничных штатах государства. Р-уровень: 0,026.

В *Венесуэле*, как и в Мексике, прослеживается корреляция в паре факторов социально-экономический/этнокультурный (0,39). В случае с Венесуэлой особой расово-этнической группой выступают бланкос. Чем выше доля бланкос в населении штата, тем выше уровень ИЧР. Р-уровень: 0,003.

Социально-экономический фактор отрицательно коррелирует с внутривнутриполитическим (-0,56). Наиболее высокоразвитые АТЕ Венесуэлы (Арагуа, Карабобо, Федеральный округ) гораздо более густонаселены, чем слабо освоенная периферия, поэтому отклонений от средних значений электоральных показателей по стране ожидать не стоит. Напротив, чем ниже

уровень развития, тем сильнее электоральная картина отличается от общегосударственной. Р-уровень: 0,08.

Самая сильная корреляция наблюдается в паре внутривнутриполитического и этнокультурного факторов (-0,73). Штаты с низкой долей бланкос проявляют очень высокую лояльность чавистскому правительству. При падении доли метисов в структуре населения одновременно растет поддержка оппозиции. Р-уровень: 0,02.

В *Чили* обнаружены лишь две значимые корреляции: в паре факторов социально-экономический/военно-стратегический (0,73) и социально-экономический/внешнеполитический (0,60). Редкие, но достаточно надежные корреляции обуславливаются территориальной концентрацией капиталов и населения в этой стране.

Существенная корреляция с внешнеполитическим фактором задана конфигурацией территории государства: каждая область является приграничной. Направление ПИИ в сырьевые и столичный регионы, имеющие высокие показатели развития, лишь усиливают эту корреляцию. Р-уровень: 0,0012.

Наконец, достаточно интересной представляется корреляция этнокультурного и транспортного факторов (-0,46). В *Чили* доля индейцев растет к северной и южной окраинам государства, которые слабее связаны с другими регионами, чем центральные области. Р-уровень: 0,03.

3.4.2. Метод главных компонент

В ходе проведения корреляционного анализа было установлено, что многие факторы пространственной дезинтеграции в рассмотренных странах Латинской Америки слабо коррелируют между собой. Такой результат можно объяснить тем, что пространственная дезинтеграция – это многогранный и сложный процесс, который в разных государствах предполагает разную иерархию и характер взаимодействия между

факторами. Небольшое число выявленных корреляций предполагает использование факторного анализа, который позволяет определить ведущие факторы для единиц АТД, обладающих наиболее высокими рисками пространственной дезинтеграции. В качестве переменных были использованы 6 показателей:

- значение индекса человеческого развития (индикатор социально-экономического фактора);
- разница доли голосов, отданных за кандидата-победителя на президентских выборах в данной АТЕ и по стране в целом (индикатор внутриполитического фактора);
- разница доли населения, принадлежащего ко второй по численности расово-этнической группе, в АТЕ и стране в целом (индикатор этнокультурного фактора);
- уровень транспортной связности с соседними АТЕ 1-го порядка (индикатор транспортного фактора), выражающийся через число сухопутных путей сообщения, пересекающих границы с другими АТЕ;
- балльная оценка концентрации вооруженных сил и армейской инфраструктуры на территории АТЕ (индикатор военно-стратегического фактора);
- балльная оценка влияния из-за границы: плотность пограничных пропускных пунктов и отклонение в величине ПИИ на душу населения, а также наличие действующего территориального спора с иным государством (индикаторы внешнеполитического фактора).

Модель была построена в сумме по 68 АТЕ 1-го порядка для трех рассматриваемых стран. Для Венесуэлы не проводился расчет для Федеральных территорий (Territorio Federal), для Чили расчет по областям Ньюбле и Лос-Риос проводился совместно с регионами, из состава которых они были выделены (Био-Био и Лос-Лагос соответственно). Корректность использования заданной выборки была подтверждена мерой адекватности

Кайзера-Майера-Олкина, которая составила 0,586, что соответствует удовлетворительной адекватности ($>0,5$).

Анализ был проведен посредством метода главных компонент, который позволял выделить наиболее важные компоненты для регионов, отличающихся высокими рисками пространственной дезинтеграции. Каждый из компонентов объясняет некоторую долю дисперсии значений. В результате было обнаружено три компонента, которые объясняют 75% выборки. Подобное значение можно считать удовлетворительным и репрезентативным для отображения статистических зависимостей при традиционном критерии в 50%.

Таблица 14. Выделение главных компонент [составлено автором]

Компонент	Объясненная совокупная дисперсия								
	Начальные собственные значения			Извлечение суммы квадратов нагрузок			Ротация суммы квадратов нагрузок		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	2,166	36,104	36,104	2,166	36,104	36,104	2,166	36,097	36,097
2	1,321	22,017	58,121	1,321	22,017	58,121	1,282	21,373	57,470
3	1,025	17,078	75,199	1,025	17,078	75,199	1,064	17,730	75,199
4	,925	15,424	90,624						
5	,438	7,307	97,931						
6	,124	2,069	100,000						

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

По итогам факторного анализа получена матрица компонент, отображающая корреляционную зависимость между выделенными компонентами и 6 показателями.

Таблица 15. Матрица компонент при установлении ведущих факторов пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки [составлено автором]

	Компонент		
	1	2	3
Индекс человеческого развития	0,9		
Отклонение от доли проголосовавших за лидирующего кандидата			0,58
Отклонение от средней по стране расово-этнической композиции	-0,8		
Транспортная связность		-0,64	-0,59
Концентрация вооруженных сил		0,58	
Влияние из-за границы	0,63	0,53	

Согласно логике исследования, каждый из выделенных компонентов должен связывать разные показатели, являющиеся проявлением факторов пространственной дезинтеграции. Трактую результаты факторного анализа, можно увидеть, что компоненты 1, 2 и 3 есть не что иное, как сводные черты АТЕ с высокими рисками пространственной дезинтеграции.

Первая компонента присуща регионам с высокими значениями ИЧР, заселенные преимущественно белым населением и наиболее подверженные влиянию из-за границы, т.е. занимают приграничное положение и/или представляют интерес для иностранных инвестиций. Как правило, это либо ресурсные регионы, либо столицы, перераспределяющие ресурсную ренту. Примерами первой компоненты можно считать области Антофагаста, Арика-и-Паринакота, Тарапака, столичный округ Сантьяго, а также Федеральный округ Мехико и штат Нуэво-Леон.

Вторая компонента также имеет корреляцию с влиянием из-за рубежа, но сочетается уже со слабой транспортной связностью и расположением военной инфраструктуры (практически все маркирует, как правило, приграничные территории). Примерами являются венесуэльские штаты Тачира, Сулия, чилийские области Антофагаста, Магальянес, Тарапака, Арика-и-Паринакота, а также мексиканский штат Нижняя Калифорния.

Третья компонента присуща внутренней сельской периферии. Общим местом в выделенных компонентах остается удаленность большинства подобных регионов от центра страны и, как правило - приграничное положение. Наиболее выраженными примерами являются венесуэльские штаты Апуре, Дельта-Амакуро, Амасонас, Португеса, Кохедес, Сукре и Трухильо.

Проведенный анализ определяет детерминацию 75% выборки. Существенная неопределенная часть выборки являет собой потенциальное поле для будущих исследований.

* * *

Подтверждая выдвинутую ранее гипотезу, регионы с высокими и низкими рисками пространственной дезинтеграции удалось обнаружить во всех трех детально рассмотренных странах. Использование математических методов обработки полученных данных позволило обнаружить корреляции между показателями действия факторов пространственной дезинтеграции, а также выявить наиболее распространенные компоненты, присущие регионам с высокими рисками пространственной дезинтеграции во всей выборке АТЕ 1-го порядка стран-кейсов.

Заключение

Несмотря на большое внимание, которое уделяется процессам фрагментации политического пространства государства, фокус проводившихся ранее исследований направлен на наиболее выраженные случаи кризиса или распада государственности. Существенное число подобных событий имеет географические предпосылки в виде гетерогенности пространства государства. Пространственная дезинтеграция понимается как центробежные тенденции, которые базируются именно на данной гетерогенности. Углубление пространственной дезинтеграции способно привести к дроблению политического пространства и потере контроля над территорией.

Развитие пространственной дезинтеграции определяется группой факторов: историческим, социально-экономическим, внутривнутриполитическим, внешнеполитическим, этнокультурным, транспортным и военно-стратегическим. Эти факторы действуют в тесной связи между собой, усиливая центробежные тенденции. Регион, имеющий риски пространственной дезинтеграции сразу по нескольким факторам, становится наиболее гетерогенным в геополитическом поле государства, «имплантом», в котором наиболее вероятно возникновение ощущения региональной идентичности, а в особо радикальных случаях – сепаратистских настроений.

Оценку риска пространственной дезинтеграции страны в целом и административно-территориальной единицы в ее составе можно провести на основе анализа количественных показателей (социальных, экономических, электоральных и др.), а также особенностей исторического развития регионов и территориального распределения воинских контингентов. Разработанная и апробированная в исследовании методика основывается на том предположении, что наибольшим весом для пространственной дезинтеграции государства обладают факторы, влияние которых испытывают на себе наибольшая часть его населения.

Предложенная методика определения рисков пространственной дезинтеграции была апробирована на трех странах Латинской Америки. Из них наибольший риск на современном этапе (вторая половина 2010-х гг.) был выявлен для Венесуэлы – 2,3. Для Мексики и Чили отмечено увеличение рисков пространственной дезинтеграции со временем. В Мексике за 1990–2020 гг. риск пространственной дезинтеграции вырос с 1,7 до 2,13. В Чили за 1992–2017 гг. риск вырос незначительно: с 1,78 до 1,85. Наибольшие значения в структуре рисков в Чили и Венесуэле характерны для исторического и социально-экономического факторов, в Мексике – для этнокультурного.

Наиболее значительные риски пространственной дезинтеграции на субнациональном уровне в Венесуэле выявлены в штате Тачира. В Мексике в 1992 г. по данному показателю выделялись Нижняя Калифорния и Сонора, а к 2020 г. в Соноре риски ослабли, но выросли в штатах Южная Нижняя Калифорния, Нуэво-Леон, Тамаулипас, Синалоа, Агуаскальентес, Герреро и Нижняя Калифорния. В Чили в 1990 г. выделялась высокими рисками Араукания, а к 2017 г. Араукания сохранила лидерство по гетерогенности, однако к ней добавились области Айсен и Арика-и-Паринакота. Все вышеперечисленные территориальные единицы сочетают в себе высокие риски пространственной дезинтеграции по не менее, чем четырем факторам, и тяготеют к периферии государств (исключение – чилийская область Араукания и мексиканский штат Агуаскальентес, которые занимают внутреннее положение).

В результате корреляционного анализа индикаторов факторов пространственной дезинтеграции не выявлено корреляций, повторяющихся во всех трех странах, выбранных для детального анализа. Можно констатировать, что в Венесуэле наиболее провластные штаты характеризуются наименьшей долей белого населения в расово-этнической структуре, а также невысоким уровнем социально-экономического развития. В Мексике самые развитые штаты обладают наименьшей долей индейцев в

структуре населения, эти же штаты наиболее территориально удалены/изолированы. В Чили специфическая конфигурация территории страны определяет концентрацию военной инфраструктуры, а также области, наиболее подверженные влиянию извне.

Основная гипотеза исследования – риски пространственной дезинтеграции наиболее высоки в гетерогенных и удаленных от столицы регионах. Эмпирически она подтверждается лишь частично. Разработанную методику целесообразно применять и в отношении анализа рисков дезинтеграции любых стран, не только из Латиноамериканского региона.

Итоговые и общие выводы диссертационного исследования формулируются в следующих положениях.

Первое. Пространственной дезинтеграции, как процессу, свойственен полиморфизм, большая инерционность и пространственный детерминизм, чем для сецессионизма, регионализма и других процессов фрагментации. Ослабление системообразующих связей между частями государства происходит под воздействием факторов, имеющих пространственную природу.

Второе. Величину риска пространственной дезинтеграции для страны рассчитывается на основе коэффициента, являющегося суммой значений рисков, вызываемых отдельными факторами. Риск по каждому фактору определяется долей населения страны, проживающего в регионах, имеющих самые сильные отклонения от средних значений по стране.

Третье. Величина рисков пространственной дезинтеграции различается в разных странах и изменяется со временем. Для каждой из отобранных для детального анализа пространственной дезинтеграции стран (Мексика, Чили, Венесуэла) характерна оригинальная композиция разных факторов в общей величине рисков пространственной дезинтеграции.

Четвертое. В каждой из трех подробно исследованных стран (Венесуэла, Мексика, Чили) выявлены 1-3 единицы АД, сочетающих высокие риски по 4 и более факторам пространственной дезинтеграции. Как

правило, такие регионы удалены от столицы и занимают приграничное положение. Регионы, обладавшие высокими рисками пространственной дезинтеграции в прошлом, обычно сохраняют или даже усиливают свою гетерогенность.

Пятое. Ведущая роль в архитектуре факторов пространственной дезинтеграции трех рассмотренных стран принадлежит территориальным диспропорциям социально-экономического развития. Показатель ИЧР сформировал устойчивые корреляции с маркерами остальных факторов пространственной дезинтеграции. Выявленные математической обработкой данных три главные компоненты свидетельствуют о наличии двух типов субнациональных регионов с высокими рисками пространственной дезинтеграции: «сырьевых рантье» и «внутренней периферии».

Список использованной литературы:

1. Алехнович С.О. К вопросу об изменении подходов к теории и практике национальной безопасности // *Международное публичное и частное право.* – 2007. – № 4. С.25–28.
2. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). Учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1991. 286 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
4. Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // *Региональные исследования.* 2002. № 1. С. 12–19.
5. Бедакова М.С., Растопчинова И.Л. Теоретико-методические аспекты интеграционных и дезинтеграционных процессов в промышленной сфере // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2015. № 3. С. 188–195.
6. Бровко Н.А. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в развитии современной экономики // *Вестник КРСУ.* 2011. Т. 11. № 2. С. 115–120.
7. Буэнростро, Х. Ключи к пониманию выборов в Мексике / Х. Буэнростро // *Латинская Америка.* – 2018. – № 2. – С. 16–28.
8. Воронина Т.В. Интеграция и дезинтеграция как проявление внутренних противоречий интеграционной системы // *Пространство экономики.* 2013. №1-2. С.119–123
9. Воротникова Т.А. Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий // *Латинская Америка* – 2019. – № 11. С. 15–25.
10. Воротникова Т.А. Социальная и политическая поляризация в Латинской Америке: причины, последствия и возможности преодоления // *Латинская Америка.* – 2019. – № 3. С. 74–85
11. Гаммаев Т.Г. Этнополитический сепаратизм как угроза национальной безопасности России // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2013. № 2. С. 153–160.
12. Гладкий Ю.Н. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата / Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев. — М.: Издательство Юрайт, 2017. 360 с.
13. Глущенко В.В. Право как инструмент снижения инвестиционных рисков национальной экономики в условиях глобализации // *Законодательство и экономика.* – 2006. – № 9. С.12–30.
14. Гордиев узел венесуэльского кризиса / отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, Серия «Саммит», 2021. – 138 с.
15. Горячко М.Д. Неоднородность территориальной структуры как индикатор интеграционно-дезинтеграционных процессов (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // *Региональные исследования.* 2006. № 3. С. 16–27.
16. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.

17. Донченко А.И. FARC-EP (Революционные вооруженные силы Колумбии – армия народа) и общественно-культурная ситуация в современной Колумбии // Актуальные проблемы современности: Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир», Благовещенск, 22 октября 2010 года / Ответственный редактор Д.В. Буяров. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2010. – С. 59–86.
18. Дубовик В.О. Транспортная сеть стран Южной Америки // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 48–62.
19. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: ИЛА РАН, 2013. 325 с.
20. Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира (очаги и риски сепаратизма): дисс. ... канд. геогр. наук / М., МПГУ, 1999. 222 с.
21. Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.
22. Ивановский З.В. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция // Латиноамериканский исторический альманах. 2011. № 11. С. 234–258.
23. Ивановский З.В. Политическая турбулентность в Латинской Америке: причины и последствия (обзор выступлений) // Латинская Америка. – 2020. № 7. С. 99-110.
24. Исаев Б.А., Власкина С.В. Теория социальных расколов Липсета – Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России // Политэкс. Политическая экспертиза. 2016. Т. 12. № 4. С. 43–64.
25. Каледин В.Н., Каледин Н.В. Пространственно-временная динамика интеграционно-дезинтеграционных процессов в Евразии // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: мат-лы междунар. науч. конф. (Пермь, 26 сент. – 1 окт. 2017 г.). Пермь, 2017. С. 39–43.
26. Катышева О.В. Хадорич Л.В. Североамериканское направление внешней политики Мексики в начале XXI века // Латинская Америка. – 2018. – № 4. – С. 37–51.
27. Клочко О.А. Григорова А.А. Вызовы и перспективы развития нефтяной отрасли Мексики на современном этапе // Латинская Америка. – 2018. – № 12. С. 86–98.
28. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 109 с.
29. Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества. Дисс. ... доктора геогр. наук. М., 1992.
30. Корякин И.П. Вероятностное понимание риска как основа его исчисления в административном производстве // Административное право и процесс. – 2009. – № 4. С.20–22.
31. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерные проблемы в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2005. № 4. С. 57–71.

32. Лавут А.А. Новый этап развития китайско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка – 2018. № 12. С. 59– 73
33. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. / Отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 208 с.
34. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская Экономическая Интеграция. 2011. № 2 (11).
35. Максаковский В.П. Географическая картина мира: учебник для вузов. Кн. I: Общая характеристика мира. М.: Дрофа, 2003. 496 с.
36. Манойло А.В., Стригунов К.С., Технология демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // АПЕ. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-demontazha-chavistov-venesuelskiy-pretседent> (дата обращения: 11.11.2023).
37. Манухин А.А. Колумбийские герильи и левые режимы Латинской Америки: очерки формирования «квазисоюза» // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 49-67.
38. Манухин А.А. Мексика и США: есть ли новые решения старых проблем? / А. А. Манухин // Латинская Америка. – 2018. – № 4. С. 52-66.
39. Манухин А.А. Подход США к сотрудничеству с Колумбией и Мексикой в деле противодействия наркотрафику // Латинская Америка. 2020. № 12. С. 6–25.
40. Манухин А.А. MORENA как новая ведущая политическая сила Мексики / А. А. Манухин // Латинская Америка. – 2019. – № 2. С. 17-30.
41. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Роль межотраслевой конвергенции в развитии категории «Риск» // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2013. №9 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhotraslevoy-konvergentsii-v-razvitii-kategorii-risk> (дата обращения: 12.11.2023).
42. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
43. Николаева Л.Б. Медная индустрия Чили – платформа для развития инноваций / Л. Б. Николаева // Латинская Америка. – 2018. – № 11. С. 63-73.
44. Окунев И.Ю. Политическая география: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.
45. Пашенцев Е.Н. Территориальные споры между странами ЛАКБ и их влияние на обстановку в регионе // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 33–42
46. Плешаков К.В. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной восточной Азии, 1949-1991 гг.). М.: Российский научный фонд, 1994.
47. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.

48. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
49. Попова Л.Л. 20 лет восстания сапатистов в Мексике // Латинская Америка. 2015. № 1. С. 59–63.
50. Рахманов А.Б. Туризм и структура привлекательности городов Латинской Америки / А. Б. Рахманов // Латинская Америка. – 2018. – № 11. С. 74-91.
51. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
52. Семенов В.Л. Венесуэльский кризис в контексте президентских выборов // Латинская Америка. – 2018. – № 12. С. 37-48.
53. Страшко Я.И. Особенности современных конфликтов в Латинской Америке и роль ОАГ в урегулировании Фолклендского конфликта // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1. С. 177–183.
54. Токарева А.Е. Морская проблема Боливии: есть ли выход из тупика? // Латинская Америка. 2012. № 1. С. 28–35.
55. Трейвиш А.И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геострановедения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). 2016. № 5. С. 4–16.
56. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006.
57. Уэйнрайт Т. Narconomics. Преступный синдикат как успешная бизнес-модель. – СПб.: Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. 271 с.
58. Фадеева И.А. Дезинтеграционные факторы современности и их влияние на развитие интеграционных группировок // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26).
59. Холодков Н.Н. Российско-латиноамериканские экономические отношения в условиях западных санкций // Латинская Америка. – 2018. – № 11. С. 5-18.
60. Худoley Д.М. Классификация избирательных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 258–267.
61. Яковлев П.П. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности // Латинская Америка, 2019. № 1. С. 38– 52
62. Arellano-Yanguas J. Aggravating the Resource Curse: Decentralisation, Mining and Conflict in Peru, *The Journal of Development Studies*, 2011, № 47:4, P. 617-638
63. Auty R. Natural resources and civil strife: a two-stage process. *Geopolitics*, 2004. № 9(1), P. 29–49.
64. Buhaug H., & Rød J.K. Local determinants of African civil wars, 1970–2001. *Political Geography*, 2006, №25 (3), P. 315–335.
65. Caselli F., & Coleman W.J. On the theory of ethnic conflict. *Journal of the European Economic Association*, 2013. № 11, P. 161–192

66. Caspersen N., Stansfield G. *Unrecognized States in the International System*. — Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2011. 253 p.
67. Cederman L.-E., Buhaug H., & Rød J.K. Ethno-Nationalist Dyads and Civil War. *Journal of Conflict Resolution*, 2009, № 53(4), 496–525.
68. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*, New York: Harper, 1957.
69. Esteban J., Mayoral L., & Ray D. Ethnicity and Conflict: An Empirical Study. *American Economic Review*, 2012, № 102(4), P. 1310–1342
70. Fearon J.D., & Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*, 2003, № 97(01), P. 75–90.
71. Gouré, L. (1994). The Russian federation: Possible disintegration scenarios. *Comparative Strategy*, №13(4), 401–417.
72. Gurr T.R. *Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2000.
73. Gutiérrez-Romero R. & Oviedo M. The good, the bad and the ugly: the socioeconomic impact of drug cartels and their violence. *Journal of Economic Geography*, Oxford University Press, 2018, vol. 18(6), P. 1315–1338.
74. Hegre H., Østby G., & Raleigh C. Poverty and Civil War Events. *Journal of Conflict Resolution*, 2009, № 53(4), P. 598–623.
75. Le Billon P. Diamond wars? Conflict diamonds and geographies of resource wars. *Annals of the Association of American Geographers*, 2008, № 98(2), P. 345-372.
76. Le Billon P. The political ecology of war: natural resources and armed conflict. *Political Geography*, 2001, № 20(5), P. 561-584.
77. Li, R. S. K. (2002). Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration. *Sociological Theory*, №20(1), 1–23.
78. Lipset S.M. *Political Man. The social Basis of Politics*. 2nd ed., London, 1983. 586 p.
79. Lipset M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments*. New York: Free Press, 1967. 64 p.
80. Montalvo J.G., & Reynal-Querol M. Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars. *American Economic Review*, 2005, № 95(3), P. 796–816.
81. Morell M., & Rohner D. Resource concentration and civil wars. *Journal of Development Economics*, 2015, № 117, P. 32–47.
82. *Panorama sociodemográfico de México 2015 / Instituto Nacional de Estadística y Geografía*. México: INEGI, 2015.
83. Rabasa A., Boraz S., Chalk P., Cragin K., Karasik T.W., Moroney J.D.P., O'Brien K.A., Peters J.E. *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2007.
84. Riker W.H. *Political Theory and the Art of Heresthetics*, in A. Finifter (ed.) *Political Science: The State of the Discipline*, Washington DC: American Political Science Association, 1983, p. 47–67.
85. Robles, Johanna D. *The FDI and regional development in Chile*. Dissertation. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Regional Planning

- in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010.
86. Rokkan S. Geography, religion, and social class: Crosscutting cleavages in Norwegian politics. // Party systems and voter alignments / ed. S.M. Lipset, S. Rokkan. New York, 1967.
 87. Ross M.L. The oil curse. How petroleum wealth shapes the development of nations. Princeton, N.J.: Princeton University, 2012.
 88. Ross M.L. What Do We Know about Natural Resources and Civil War? Journal of Peace Research, 2004, № 41(3), P. 337–356.
 89. Sans M., Merriwether D.A., Hidalgo P.C., Bentancor N., Weimer T.A., Franco M.H., Alvarez I., Kemp B.M., Salzano F.M. Population structure and admixture in Cerro Largo, Uruguay, based on blood markers and mitochondrial DNA polymorphisms. Am J Hum Biol. 2006. Jul-Aug, № 18(4), P. 513-24.
 90. Simmel G. Conflict and the web of group-affiliations. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955. 195 p.
 91. Sorens J. Mineral production, territory, and ethnic rebellion: The role of rebel constituencies. Journal of Peace Research, 2011, № 48(5), P. 571–585.
 92. Taylor, P.J. World cities and territorial states under conditions of contemporary globalization II: Looking forward, looking ahead. GeoJournal 52, 157–162 (2000).
 93. The Principles of Sociology. By Edward Alsworth Ross, Ph.D., LL.D. New York: The Century Co. 1920.
 94. Valdes MR. Tres décadas de cuantificación de la población indígena en Chile a través de los censos. Notas de Población, Volume 43, Issue 103, mar 2017, p. 207 - 225.
 95. Wars of plunder: conflicts, profits and the politics of resources, by Philippe Le Billon, New York, NY, Columbia University Press, 2012.
 96. Weidmann N.B. Geography as Motivation and Opportunity. Journal of Conflict Resolution, 2009, № 53(4), P. 526–543.
 97. XIV Censo Nacional de Población y Vivienda. Resultados Total Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 2014. 30 p.
- Электронные источники:*
98. В Мексике похищены и убиты три политика, в том числе новоизбранный мэр города // News.ru.com. URL://www.newsru.com/crime/09nov2010/3politicnapshotmx.html (дата обращения 11.11.2023)
 99. В Мексике убили одиннадцатого мэра за год // Lenta.ru URL://lenta.ru/news/2010/09/28/mayor/ (дата обращения 11.11.2023)
 100. В Мексике убит кандидат в губернаторы штата // Российская газета. URL://rg.ru/2010/06/29/politik-site-anons.html (дата обращения 11.11.2023)
 101. В Мексике убит четвертый мэр за последний месяц // BBC News Русская служба. URL://www.bbc.com/russian/rolling_news/2010/09/100924_rn_mexico_mayor_killed.shtml (дата обращения 11.11.2023)

102. Венесуэла ожидает новую поставку гуманитарной помощи от России // Известия. URL://iz.ru/860996/2019-03-27/venesuela-ozhidaet-novuiu-postavku-gumanitarnoi-pomoshchi-ot-rossii (дата обращения 11.11.2023)
103. Военно-техническое сотрудничество России: государства Центральной и Латинской Америки // Российский совет по международным делам. URL://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-tsentralnoy-i-latinskoj-ameriki/ (дата обращения 11.11.2023)
104. Курортный город Акапулько назвали самым опасным городом Мексики // Свободная пресса. URL://svpressa.ru/world/news/140922/ (дата обращения 11.11.2023)
105. Убит мэр мексиканского города, который находится на границе с США // Интерфакс. URL://www.interfax.ru/russia/141943 (дата обращения 11.11.2023)
106. Уголок неба. Большая авиационная энциклопедия. URL://www.airwar.ru/index.html (дата обращения 11.11.2023)
107. A qué país se acerca el PIB per cápita de tu región? // Tele13. URL://www.t13.cl/noticia/negocios/conoce-pais-se-acerca-pib-per-capita-region (дата обращения 11.11.2023)
108. Atlas de Violencia // Portal de Gobierno do Brasil. URL: https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/
109. Banco Central de Chile. URL: https://www.bcentral.cl/inicio (дата обращения 11.11.2023)
110. Censo 2017. URL://www.censo2017.cl (дата обращения 11.11.2023)
111. Censo Poblacion y Vivienda 2020. INEGI. URL: https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/ (дата обращения 11.11.2023)
112. Censos 2011 // INSTITUTO NACIONAL DE ESTADÍSTICA Y CENSOS. URL://www.inec.cr/censos/censos-2011 (дата обращения 11.11.2023)
113. Consejo Nacional de Evaluacion. URL: https://www.coneval.org.mx/Paginas/principal.aspx (дата обращения 11.11.2023)
114. Consejo Nacional de Poblacion. URL: https://www.gob.mx/conapo (дата обращения 11.11.2023)
115. Consejo Nacional Electoral. URL:http://www.cne.gob.ve/web/normativa_electoral/elecciones/2018/concejales/documentos/cargos_elegir/Cargos_Vs_Circuns_31-12-2018_Concejales.pdf (дата обращения: 11.11.2023)
116. Costa Rica y Nicaragua se acusan por diferendo fronterizo // CNN Mexico. URL: ://mexico.cnn.com/mundo/2010/11/03/costa-rica-denuncia-ante-la-oea-que-nicaragua-invadio-su-territorio (дата обращения 11.11.2023)
117. Croquevielle T. The renaissance of the train in Chile // Historia en Perspectiva. URL: https://historiaenperspectiva.cl/the-renaissance-of-the-train-in-chile/ (дата обращения 11.11.2023)

118. Cuáles son las mejores ciudades latinoamericanas para invertir // iProfesional. URL://actualidad.rt.com/galerias/economia/view/131215-mejores-ciudades-america-latina-invertir (дата обращения 11.11.2023)
119. Democracy Index 2020: In sickness and in health? URL://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/ (дата обращения 11.11.2023)
120. Duarte F., Roldán S. Quema de 29 camiones en Los Ríos enfrenta a la fiscalía con empresarios // La Tercera. URL: https://www.latercera.com/noticia/quema-29-camiones-los-rios-enfrenta-la-fiscalia-empresarios/ (дата обращения 11.11.2023)
121. Encuesta sobre Migración en la frontera Guatemala-México // Consejo Nacional de Población. URL: http://www.conapo.gob.mx/work/models/OMI/Resource/537/EMIF_GUAMEX_2004.PDF (дата обращения 11.11.2023)
122. Fragile States Index Annual Report 2021. URL:https://fragilestatesindex.org (дата обращения: 11.11.2023)
123. Gobierno Regional de Antofagasta. URL: https://goreantofagasta.cl/ (дата обращения 11.11.2023)
124. Gobierno Regional de Tarapaca. URL: https://www.goretarapaca.gov.cl/(дата обращения 11.11.2023)
125. Información Laboral Marzo, 2021. INEGI. URL: https://www.inegi.org.mx/contenidos/programas/enoe/15ymas/doc/enoe_n_nota_tecnica_0321.pdf (дата обращения 11.11.2023)
126. Instituto Geografico Militar. URL: https://www.igm.cl/ (дата обращения 11.11.2023)
127. La Música de Guerrero (Del atabal a la flauta, el son y el zapateado) // Portal Oficial del Gobierno del Estado de Guerrero. URL://guerrero.gob.mx/articulos/la-musica-de-guerrero-del-atabal-a-la-flauta-el-son-y-el-zapateado/ (дата обращения 11.11.2023)
128. La Red Ferroviaria // Ferronor. URL: http://www.ferronor.cl/red.html (дата обращения 11.11.2023)
129. Labor Market Discrimination Against Indigenous Peoples in Mexico: A Decomposition Analysis of Wage Differentials // Iberoamericana. URL: https://iberoamericana.se/articles/10.16993/iberoamericana.433 (дата обращения 11.11.2023)
130. Las guerras con el Peru // Banrepcultural. URL://www.banrepcultural.org/biblioteca-virtual/credencial-historia/numero-191/las-guerras-con-el-peru (дата обращения 11.11.2023)
131. Las mejores ciudades para invertir en América Latina // Forbes Mexico. URL://www.forbes.com.mx/las-mejores-ciudades-para-invertir-en-america-latina (дата обращения 11.11.2023)
132. List of United States – Mexico Border Crossings // Mexpro.com URL:https://www.mexpro.com/blog/us-mexico-border-crossings/ (дата обращения 11.11.2023)

133. Los grandes negocios de China en Venezuela. URL:<https://primerinforme.com/index.php/2019/08/19/los-grandes-negocios-de-china-en-venezuela-i/> (дата обращения 11.11.2023).
134. Los presidentes de Chile // Biblioteca Nacional de Chile. URL:[://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-3573.html](http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-3573.html) (дата обращения 11.11.2023)
135. Mayorca J. Venezuela: los grupos guerrilleros y paramilitares como actores de la delincuencia organizadas. URL:<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/caracas/08792.pdf> (дата обращения 11.11.2023).
136. Mexico en Cifras // INEGI. URL:[://www.inegi.org.mx/app/areasgeograficas/?ag=03](http://www.inegi.org.mx/app/areasgeograficas/?ag=03) (дата обращения 11.11.2023)
137. Mexico's monthly murder rate reaches 20-year high // The Guardian. URL:[://www.theguardian.com/world/2017/jun/21/mexicos-monthly-rate-reaches-20-year-high](http://www.theguardian.com/world/2017/jun/21/mexicos-monthly-rate-reaches-20-year-high) (дата обращения 11.11.2023)
138. Mexiko: Drogenboss "El Marro" festgenommen // Spiegel.de. URL:<https://www.spiegel.de/panorama/justiz/mexiko-behoerden-nehmen-drogenboss-el-marro-fest-a-af686481-5eba-46ef-8bd2-21b7e06c4635> (дата обращения 11.11.2023)
139. New Bridge At Belize Mexico Border // Belize.com URL:<http://www.belize.com/new-bridge-at-belize-mexico-border.html> (дата обращения 11.11.2023)
140. OECD Statistics. URL:[://stats.oecd.org/](http://stats.oecd.org/) (дата обращения 11.11.2023)
141. Ortega S. Argentina. Hay 1500 comunidades originarias en peligro // Resumen Latinoamericano. URL:[://www.resumenlatinoamericano.org/2017/08/30/argentina-hay-1500-comunidades-originarias-en-peligro/](http://www.resumenlatinoamericano.org/2017/08/30/argentina-hay-1500-comunidades-originarias-en-peligro/) (дата обращения 11.11.2023)
142. Panamá: piden al Papa interceder en conflicto por Barro Blanco // teleSURtv.net. URL: <https://www.telesurtv.net/news/Panama-piden-al-Papa-interceder-en-conflicto-por-Barro-Blanco-20150728-0005.html> (дата обращения 11.11.2023)
143. Pangué y Ralco // Biblioteca Nacional de Chile. URL:[://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96731.html](http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96731.html) (дата обращения 11.11.2023)
144. Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL:[://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/populacao.html](http://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/populacao.html) (дата обращения 11.11.2023)
145. Poverty headcount ratio at national poverty lines // IndexMundi - Country Facts. URL:[://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.NAHC](http://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.NAHC) (дата обращения 11.11.2023)
146. Queman tres iglesias en nuevos ataques en La Araucanía // Tele13. URL:[://www.t13.cl/noticia/nacional/queman-tres-iglesias-nuevos-ataques-araucania](http://www.t13.cl/noticia/nacional/queman-tres-iglesias-nuevos-ataques-araucania) (дата обращения 11.11.2023)

147. Saltamontes J. Vallas llamando a "rumbo propio para el Zulia" son parte de una campaña secesionista // Apporea. URL://www.aporrea.org/tiburon/n72727.html (дата обращения 11.11.2023)
148. Saucedo E. La inversión extranjera en México y su inequitativa distribución estatal // Tecnológico de Monterrey. URL://transferencia.tec.mx/2018/10/30/la-inversion-extranjera-en-mexico-y-su-distribucion-estatal/ (дата обращения 11.11.2023)
149. Se ofertan mil empleos a jóvenes en Aguascalientes // Desdelared. URL://www.desdelared.com.mx/noticias/2012/2-gobierno/0813-oferta-feriaempleo-0351109874.html (дата обращения 11.11.2023)
150. Sistema Nacional de Información sobre Discriminación. URL://www.conapred.org.mx/ (дата обращения 11.11.2023)
151. Soto L. La historia de la familia Luchsinger en La Araucanía // Diario y Radio U Chile. URL: <https://radio.uchile.cl/2013/01/04/la-historia-de-la-familia-luchsinger-en-la-araucania/> (дата обращения 11.11.2023)
152. Subnational Human Development Index // GlobalDataLab. URL://globaldatalab.org/shdi/ (дата обращения 11.11.2023)
153. The Hands off Venezuela: URL:<http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> (дата обращения 11.11.2023).
154. The World Factbook, CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (дата обращения 11.11.2023)
155. Trinicenter.com. URL:<http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> (дата обращения 11.11.2023).
156. Universidad Nacional Autónoma de México. URL://www.uais.edu.mx/portal/ (дата обращения 11.11.2023)
157. Valencia A. Encuesta casen revela discriminación salarial a trabajadores indígenas. // La Nación. URL://www.mapuche.nl/espanol/labores0511.htm (дата обращения 11.11.2023)
158. Venezuela pushing resident Colombian nationals back across the border // Los Angeles Time. URL://www.latimes.com/world/mexico-americas/la-fg-venezuela-colombia-border-dispute-20150909-story.html (дата обращения 11.11.2023)
159. Vidal Castaneda y Najera // Universidad Nacional Autónoma de México. URL: <http://enp4.unam.mx/web/> (дата обращения 11.11.2023)
160. World Directory of Minorities and Indigenous Peoples – Dominican Republic // The UN Refugee Agency. URL://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=country&category=&publisher=&type=COUNTRY_PROF&coi=DOM&rid=&docid=4954ce1923&skip=0 (дата обращения 11.11.2023)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Взаимосвязи между факторами пространственной дезинтеграции

	Исторический	Социально-экономический	Внутриполитический	Этнокультурный	Транспортный	Военно-стратегический
Социально-экономический	Более позднее включение в экономику страны может обуславливать отставание региона по уровню жизни. С другой стороны, имевшиеся ранее факты сецессии могли привести к выпадению из единого хозяйственного комплекса этого региона					
Внутри-политический	Электоральные отклонения обуславливаются наличием регионалистских движений или не являются репрезентативным и ввиду	Формирование электоральных предпочтений населения в зависимости от уровня жизни на территории региона. Бедные регионы – левая повестка,				

	деятельности группировок, осуществляющих де-факто контроль.	богатые регионы – правая повестка.				
Этнокультурный	Опыт дезинтеграции территории как ареала той или иной этносоциальной группы.	Большинство регионов с низким уровнем ИЧР – территории с высокой долей индейцев. Преуспевающие регионы, как правило, самые «белые».	Наличие электоральных отклонений обусловлено концентрацией определенной социальной группы. Индейцы, как правило, голосуют за левые силы.			
Транспортный	Низкая транспортная освоенность и затрудненная доступность способствовала движениям, осуществляющим тотальную дезинтеграцию региона	Транспортно изолированные регионы имеют более низкий уровень жизни (исключение – ресурсные районы, где высокий ИЧР задается индексом развития экономики, а индекс здравоохранения и образования сильно отстают от него)	–	Низкая транспортная освоенность способствует сохранению территориальной идентичности этнорасовых групп (индейцев).		
Военно-стратегический	«Стаж» пребывания в составе единого государства	Предприятия ВПК и крупные воинские соединения тяготееют к	Усиленное присутствие военного континента в регионах, которых	–	Размещение и маневренность войск зависит от состояния	

	влияет на степень интенсивности развёртывания вооружённых сил и оборонной инфраструктуры. Попытки сецессии в прошлом провоцируют центр к усилению силового контроля	экономическим центрам и инфраструктурным узлам страны.	можно отнести к разряду «старых оппозиционеров», «программируемое» голосование военнослужащих		транспортной сети региона и его связности с другими частями государства.	
Внешне-политический	Имевшиеся в прошлом прецеденты контроля региона со стороны иностранного государства (временная оккупация, интервенция, в т.ч. гуманитарная и т.п.)	Уровень жизни населения приграничного региона зависит от уровня жизни в соседнем государстве. Если страна-сосед беднее, то это приводит к выезду из нее. Как следствие – изменение ключевых социально-экономических показателей региона, который исследуется. Если страна-сосед богаче, это провоцирует эмиграцию в	Электоральные отклонения обуславливаются влиянием извне – посредством военной интервенции, ПИИ, гуманитарных коридоров и др.	Территориальная концентрация определенных этнорасовых групп в приграничных регионах двух стран повышает риск дезинтеграции как в регионах одной страны, так и в регионах другой. (попытки сецессии/ирредентизма)	Риски транспортной дезинтеграции возрастают при затруднении связей с остальными регионами своего государства, и тесной связью с транспортной сетью соседнего государства.	Усиление присутствия военного контингента маркирует вероятность дезинтеграции в пользу соседнего государства, либо сецессии.

		соседнее государство. Бедное и неустроенное население более подвержено дестабилизирующим импульсам из-за рубежа.				

Таблица 2. Исторические примеры самопровозглашенных государств, подвергшихся реинтеграции, в Латинской Америке

Страна	Регионы, осуществившие фактическую сецессию (период сецессии)	Период дезинтеграции
Бразилия	Пернамбуку, Сеара, Параиба (Экваториальная конфедерация) (1824)	Менее 1 года
	Санта-Катарина (Юлианская республика) (1839)	Менее 1 года
	Рио-Гранде (Республика Рио-Гранде) (1836–1845)	9 лет
Мексика	Нуэво-Леон, Тамаулипас, Коауила, Чиуауа (Республика Рио-Гранде) (1840)	Менее 1 года
	Табаско (1841–1842)	Менее 1 года
	Кампече, Юкатан (Республика Юкатан) (1841–1848)	7 лет
	Кинтана-Роо (Республика Санта-Крус) (1847–1901, очаги – до 1933)	54 года фактической независимости + около 30 лет пульсирующих конфликтов
	Сонора и Нижняя Калифорния (1853–1854)	Менее 1 года
Аргентина и Чили	Араукания в Чили и Патагония в Аргентине (1860–1862)	2,5 года
Колумбия	Антюкия (1976–1993)	17 лет, деятельность Медельинского наркокартеля Около 50 лет, деятельность ФАРК
	Какета, Мета, Гуавьяре и Путумайо (1954 – начало XXI в.)	

Перу	Уануко, Паско, Сан-Мартин, Пуно (1981–1985) Лорето, Сан-Мартин, Укаяли (1985–1990) Апуримак, Аякучо, Хунин, Укаяли (1980 – н.в.)	5 лет, деятельность «Сендеро Луминосо» 6 лет, деятельность «Сендеро Луминосо» Около 40 лет, деятельность «Сендеро Луминосо»
Мексика	Чьяпас (1994 – н.в.)	Около 25 лет, деятельность Сапатистской армии национального освобождения (САНО)

Таблица 3. Исторические примеры дезинтеграции отдельных регионов стран Латинской Америки

Период дезинтеграции	Страна	Очаг сепаратистского движения (период активности)
Менее года	Бразилия	Пара(Белен) (январь – сентябрь 1835), Баия (ноябрь 1837 – март 1838), Мараньян (1839–1840), Пернамбуку (1848–1849), Рио-де-Жанейро, Рио-Гранде-де-Сул, Санта-Катарина (1894), Баия (1896–1897), Сеара (1914–1915) Сан-Паулу (1932).
	Аргентина	Корриентес (1851–1852), Санта-Фе (1893), Кордова (1969, 1974)
	Колумбия	Нариньо (1839–1840), Сантандер (1884), Панама (1903)
	Венесуэла	Кохедес, Португеса, Апуре, Боливар (1865–1869)
	Чили	Ла-Серена (1851), Био-Био (1934)
	Никарагуа	Нуэва-Сеговия (1927)
	Перу	Ла-Либертад (1932)
1 – 3 года	Аргентина	Энтре-Риос, (1851–1852, 1870–1871, 1873), Буэнос-Айрес (1852–1855, 1859)
	Колумбия	Каука, Магдалена, Боливар (1860–1862)
	Мексика	Морелос (1909–1910)
Более 3 лет	Венесуэла	Арагуа, Карабобо, Гуарико, Сукре (1858–1864)

Таблица 4. Электоральные девиантные регионы Венесуэлы, потенциально подверженные риску внутривнутриполитической дезинтеграции (2000–2013)

	2000				2006				2012				2013			
	Чавес	Ариас	δ	Отклонение	Чавес PSUV	Росалес	δ	Отклонение	Чавес PSUV	Каприлес	δ	Отклонение	Мадуро PSUV	Каприлес	δ	Отклонение
Ансоатеги	62	37	25	3	61	38	23	3	52	48	4	7	47	52	-5	7
Боливар	69	29	40	18	69	31	38	12	54	45	9	2	48	52	-4	6
Лара	63	35	28	6	66	33	33	7	51	48	3	8	48	52	-4	6
Мерида	57	41	16	6	54	46	8	18	51	48	3	8	43	57	-14	16
Миранда	52	45	17	5	57	43	14	12	50	50	0	11	47	52	-5	7
Нуэва-Эспарта	58	39	19	3	59	41	18	8	51	48	3	8	47	53	-6	8
Тачира	55	44	11	11	51	49	2	24	43	56	-13	24	37	63	-26	28
Сулия	47	49	-2	24	51	48	3	23	53	46	7	4	48	52	-4	6
Венесуэла	60	38	22		63	37	26		55	44	11		51	49	2	

*Большинство стран мира не признали выборы 2018 г. легитимными.

Таблица 5. Результаты голосований на президентских выборах в Чили в течение последних 4 кампаний (2005–2017) и просчет отклонений предпочтений населения регионов

	2005				2009				2013				2017			
	Итоги выборов		δ	Отклон.	Итоги выборов		δ	Отклон.	Итоги выборов		δ	Отклон.	Итоги выборов		δ	Отклон.
	SD	О.		SD	О.		SD	О.	SD	О.		SD	О.	SD	О.	
Чили	46	25	21		30	44	-14		47	25	22		23	37	-14	
Арика-и-Паринакота	...	...	...	...	27	44	-17	3	42	22	20	2	25	29	-5	9
Тарапака	44	23	21	0	16*	48	-32	18	37	23	14	8	21*	37	-16	2
Антофагаста	53	21	32	11	27	37	-10	4	40	19*	21	1	24	34	-10	4
Атакама	53	22	31	10	29	36	-7	7	52	19	33	11	27	41	-14	0

Кокимбо	52	24	28	6	37	37	0	14	56	21	35	13	27	37	-10	4
Вальпараисо	43	28	15	6	25	45	-20	6	45	25	20	2	21*	35	-14	0
Сантьяго	46	24	22	1	27	44	-17	3	42	27	15	7	22*	36	-14	0
О'Хиггинс	48	26	22	1	35	43	-8	6	53	23	30	8	23	40	-17	3
Мауле	47	25	22	1	39	41	-2	12	57	23	34	12	24	40	-16	2
Биобио	48	25	23	2	33	43	-10	4	51	22	29	7	22	37	-15	1
Араукания	40	33	7	15	30	52	-22	8	50	29	21	1	21	42	-21	7
Лос-Риос	...	...	...	...	33	46	-13	1	53	24	29	7	26	35	-9	5
Лос-Лагос	44	28	16	6	31	49	-18	4	53	25	28	6	24	36	-12	2
Айсен	48	29	19	2	26	51	-25	11	52	23	29	7	28	34	-6	8
Магальянес	51	22	29	8	24	44	-20	6	51	18	33	11	23	26	-3	11

Таблица 6. Индейское население в странах Латинской Америки

Страна	Числен. индейцев, млн	Доля от населения страны, %	Единицы АДД стран, в которых индейское население достигает наибольшей концентрации
Мексика	33,7 (2015)	26,6	Юкатан (65,4%), Оахака (65%), Кампече (44,54%), Кинтана-Роо (44,44%), Идальго (36,21%), Чьяпас (36,15%), Пуэбла (35,28%), Герреро (33,92%), Веракрус (29,25%), Морелос (28,11%), Мичоакан (27,69%), Табаско (25,77%), Тласкала (25,24%)
Гватемала	6	34,7	Тотоникапан (98,3%), Солола (96,4%), Альто-Верапас (92,8%), Киче (88,8%), Уэуэтенанго (65,1%), Баха-Верапас (58,8%), Кесальтенанго (54,1%), Сакатепекес (51,5%), Сучитепекес (51,5)
Гондурас	0,52	5,7	Грасьяс-а-Дьос (81,5%), Ла-Пас (55,16%), Интибука (52,37%), Лемпира (44,84%)
Сальвадор	0,07	1,1	Нет данных о концентрации индейского населения.
Никарагуа	0,8	14	Северо- и Южно-Карибские прибрежные автономные регионы
Коста-Рика	0,118	2,4	Пунтаренас, Лимон

Панама	0,46 (2005)	11,4	Нгабе-Бугле (62,3%), Гуна-Яла (19,4%)
Колумбия	1,9 (2018)	4,3	Ваупес (81,7%), Гуайния (74,9%), Вичада (58,1%), Амазонас (57,7%), Гуахира (47,8%), Каука (24,8%)
Венесуэла	0,724 (2014)	2,7	Амасонас (52,1%), Дельта-Амакуро (25,1%), Сулия (12%)
Бразилия	0,9	0,4	Нет данных о концентрации индейского населения.
Эквадор	1,0 (2010)	7	Напо (56,8%), Морона-Сантьяго (48,4%), Пастаса (39,8%), Чимборасо (38%), Имбабура (25,8%), Боливар (25,4%), Котопахи (22,1%)
Перу	6,5 (2007)	24	Кечуа: Апуримак (84,1%), Аякучо (81,2%), Уанкавелика (80,2%), Куско (74,7%), Пуно (57%), Уануко (42,9%). Аймара: Мокегуа (33,7%), Такна (32,9%), Пуно (21%).
Боливия	3,8	20	Потоси (69,2%), Ла-Пас (54,6%), Оруро (51,1%), Чукисака (49,6%), Кочабамба (47,2%), Бени (32,1%), Пандо (24,1%)
Чили	2,1 (2017)	11,9	Араукания (32,3%), Арика-и-Паринакота (31,7%), Айсен (26,6%), Лос-Лагос (24,9%), Лос-Риос (22,2%), Магальянес (20,2%)
Аргентина	0,95 (2010)	2,3	Нет данных о концентрации индейского населения.

Куба, Доминиканская Республика и Гаити не включены в таблицу по причине отсутствия данных о индейцах как отдельной группы, они в этих странах достаточно давно ассимилированы и входят в состав «метисов». В Уругвае нет данных об индейском населении.

Таблица 7. Характеристика кечуа в Андских странах

	Перу	Эквадор	Боливия
Характеристика национального самосознания и единства общности	Большинство кечуа перешли на испанский язык, поэтому число носителей языка и представителей данной индейской общности отличается. Во многом этому способствовала индустриализация государств и последующая миграция в крупные города. Обращены в католицизм еще во времена колонизации, но сохраняют ряд культов. Язык кечуа официальный во всех трех государствах, наряду с испанским. В ряде территорий школьное образование		

	ведется на языке кечуа, издается литература и ведутся телерадиопередачи.		
Численность	3360 тыс. (2007)	452 тыс. (2007)	1281 тыс. (2012)
Единицы АТД с наибольшей концентрацией	Апуримак, Аякучо, Куско, Уанкавелика, Уануко, Пуно.	Чимборасо, Имбабура, Котопахи	Кочабамба, Чукисака, Потоси
Конфликты внутри государства	Террористическая деятельность организации «Сендеро Луминосо» приводила к жертвам среди кечуа. Принудительная стерилизация кечуа и аймара во времена правления Альберто Фухимори нанесла урон численности населения в будущем. Добыча полезных ископаемых в местах проживания индейцев.	-	Выступали в союзе с аймара во время газового конфликта в 2003 г. и войны за воду в Кочабамбе. Напряженные отношения с индейцами равнины (гуарани, чикитано и др). Добыча полезных ископаемых в местах проживания индейцев.

Таблица 8. Характеристика аймара в Андских странах

	Перу	Чили	Боливия
Характеристика национального самосознания и единства общности	Говорят на двух языках – родном и испанском. Еще во времена колонизации были обращены в католичество, однако сохраняют собственные культуры. В Перу и Чили живут на глубокой периферии государства, поэтому учет национальных особенностей носит скорее локальный характер. В Боливии, наоборот, играют важную роль: бывший президент являлся аймара по происхождению, национальные вопросы решаются на самом высоком уровне. В Боливии язык аймара имеет государственный статус.		
Численность	443 тыс. (2007)	128 тыс. (2002)	1191 тыс. (2012)

Единицы АТД с наибольшей концентрацией	Пуно, Мокегуа, Такна	Арика-и-Паринакота	Ла-Пас, Оруро
Конфликты внутри государства	Неоднозначная ситуация с культом листа коки – священного растения для индейцев. Принудительная стерилизация кечуа и аймара во времена правления Альберто Фухимори нанесла урон численности населения в будущем. Добыча полезных ископаемых в местах проживания индейцев.	–	Выступали в союзе с кечуа во время газового конфликта в 2003 г. и войны за воду в Кочабамбе. Напряженные отношения с индейцами равнины (гуарани, чикитано и др). Неоднозначная ситуация с культом листа коки. Добыча полезных ископаемых в местах проживания индейцев.

Таблица 9. Количественные характеристики транспортной сети латиноамериканских государств

Страна	Площадь (тыс. км ²)	Длина железнодорожных путей, км	Длина автодорог, тыс. км	Плотность железнодорожных путей (км/100 км ²)	Плотность автодорог (км/100 км ²)	Доля дорог с твердым покрытием, %
Бразилия	8515	38 743 (2014)	1751,9 (2013)	0,45	20,57	13,5
Аргентина	2780	36 917 (2014)	23,1 (2020)	1,33	8,32	32,2
Уругвай	176	2993 (2006)	30,3 (2009)	1,7	17,23	10
Парагвай	407	38 (2006)	73,9 (2012)	0,009	18,16	15,6
Чили	757	6634 (2006)	85,9 (2019)	0,88	11,35	24,5
Боливия	1099	2886 (2007)	80,5 (2010)	0,26	7,32	11,6
Перу	1285	2020 (2008)	139,3 (2012)	0,16	10,84	13,3
Эквадор	284	966 (2006)	42,2 (2006)	0,34	14,84	14,8

Колумбия	1139	1663 (2007)	206,7 (2015)	0,15	12,35	14,4
Венесуэла	912	336 (2006)	96,6 (2013)	0,04	10,6	34
Панама	78	355 (2006)	15,1 (2010)	0,45	19,4	41,8
Коста-Рика	51	278 (2007)	39,0 (2010)	0,55	76,5	26
Никарагуа	129	–	22,9 (2015)	–	17,77	13,3
Сальвадор	21	562 (2007)	10,9 (2012)	2,67	51,83	53,1
Гондурас	112	699 (2006)	14,0 (2012)	0,62	12,53	20
Гватемала	109	885 (2004)	11,5 (2010)	0,81	10,55	44,8
Мексика	1972	19166 (2008)	393,5 (2017)	0,97	19,95	37,8
Куба	110	5476 (2007)	52,2 (2007)	4,98	47,45	49
Гаити	28	–	4,3 (2009)	–	15,23	49
Доминиканская Республика	48	517 (2006)	19,7 (2002)	1,08	41,05	50

Таблица 10. Военные диктатуры в Латинской Америке

Страна	Число лет	Периоды военной диктатуры
Аргентина	37	1835–1852; 1943–1946; 1955–1958; 1966–1973 ; 1976–1983;
Боливия	48	1839–1843; 1848; 1857–1861; 1864–1872; 1876–1879; 1920–1921; 1930–1931; 1936–1940; 1943–1946; 1951–1952;

		1964—1979; 1980—1982
Бразилия	26	1889—1894; 1964—1985;
Чили	24	1924—1931; 1973—1990;
Колумбия	9	1855—1857; 1953—1958;
Коста-Рика	16	1868—1882; 1917—1919;
Куба	14	1933—1940; 1952—1959;
Доминиканская Республика	31	1930—1961;
Эквадор	18	1876—1883; 1937—1938; 1963—1966; 1972—1979;
Сальвадор	75	1885—1911; 1931—1980;
Гватемала	34	1931—1945; 1957—1958; 1963—1966; 1970—1986;
Гаити	13	1950—1956; 1986—1990; 1991—1994;
Гондурас	24	1903—1907; 1956—1957; 1963—1982;
Мексика	31	1876—1880; 1884—1911;
Никарагуа	32	1936—1956; 1967—1979;
Панама	21	1968—1989;
Парагвай	47	1940—1948; 1954—1993;
Перу	69	1838—1872; 1876—1879; 1886—1895; 1914—1915; 1930—1931; 1933—1939; 1948—1950; 1962—1963; 1968—1980;
Уругвай	15	1876—1879; 1973—1985;
Венесуэла	48	1847—1858; 1908—1935; 1948—1958;

Таблица 11. Расположение ведущих военно-стратегических объектов в странах Латинской Америки

Страна	Сухопутные силы	Флот	Авиация	ВПК
Бразилия	Манаус, Ресифи, Белен, Кампу-Гранди, Бразилиа, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Порту-Алегри	Рио-де-Жанейро (гл.) (вместе с Змеиным островом и Нитероем), Салвадор, Натал, Рио-Гранде, Белен, Ладарио (реч.), Бразилия, Сан-Паулу, Манаус	Манаус, Ресифи, Бразилиа, Куритиба	Сан-Жозе-дус-Кампус (Сан-Паулу), Рио-де-Жанейро (-), Сан-Паулу (-)
Аргентина	Буэнос-Айрес, Кордоба	Мар-дель-Плата, Пунта-Альта, Баия-Бланка, Рио Гальегос	Буэнос-Айрес	Буэнос-Айрес
Уругвай	Монтевидео, Дурасно, Канелонес, Тукуарембо			Монтевидео
Чили	Икике, Антофагаста, Сантьяго, Колина, Ранкагуа, Вальдивия, Койайке, Пунта-Аренас	Икике, Вальпараисо, Талькауно, Пуэрто-Монт, Пунта-Аренас	Икике, Антофагаста, Сантьяго, Пунта-Аренас	–
Боливия	Ла-Пас, Оруро, Кочабамба, Санта-Крус	Санта-Педро-де-Тикина	Эль-Альто, Санта-Крус	–
Перу	Лима, Пиура, Арекипа, Икитос	Анкон, Кальяо	Чиклайо, Пьюра, Талара, Кальяо, Писко, Арекипа, Икитос	Лима
Парагвай	Асунсьон, Куругуати, Сан-Хуан-Баутиста, Марискаль Эстигаррибия, Парагуари	Асунсьон, Байя-Негра, Сульто-дель-Гуайра, Сюдад-дель-Эсте, Энкарнасьон	Асунсьон, Консепсьон	–
Эквадор	Кито, Гуаякиль, Куэнка, Атунтаки	Гуаякиль	Гуаякиль, Манта, Латакунга	–

Колумбия	Санта-Марта, Букараманга, Кали, Богота, Вильявисенсио, Флоренсия, Йопаль, Медельин	Картахена, Буэнавентура, Пуэрто-Легисамо, о. Сан-Андрес, Барранкилья	Пуэрто-Салгар, Вильявисенсио, Барранкилья, Мельгар, Богота, Мадрид, Марандуа, Сан-Андрес	Богота
Венесуэла	Маракайбо, Сан-Кристоваль, Каракас, Сьюдад-Боливар, Сан-Фернандо-де-Апуре	Каракас, Пуэрто-Кабельо, Ла-Гуайра, Маракайбо, Сьюдад-Боливар	Маракайбо, Баркисимето, Пало-Негро, Барселона, Каракас	–
Сальвадор	Сан-Сальвадор, Сан-Мигель, Санта-Ана, Чалатенанго, Сан-Висенте, Усулутан	Ла-Уньон	Сан-Сальвадор (2 аэродрома)	–
Гондурас	Чолутека, Сан-Педро-Сула, Данли, Хутикальпа, Санта-Роза-де-Колан	Пуэрто-Кортес, Ла-Сейба, Амапала, Каратаская база ВМФ в Грасьяс-о-Дьос	Тегульсигальпа, Комаягуа, Сан-Педро-Сула, Ла-Сейба	–
Гватемала	Гватемала, Флорес	Пуэрто-Кетцаль, Пуэрто-Сан-Хосе, Пуэрто-Чамперико, Пуэрто-Санто-Томас-де-Кастилья, Пуэрто-Барриос, Пуэрто-Ливингстон	Гватемала, Петен (Флорес), Пуэрто-Сан-Хосе, Пуэрто-Барриос	
Мексика	Мехико, Мехикали, Масатлан, Монтеррей, Гвадалахара, Веракрус, Тустла-Гутьеррес, Оахака, Кумбре-де-Льяно-Ларго, Мерида, Торреон, Ирапуато	Туспан, Сьюдад-Мадеро, Веракрус, Сьюдад-дель-Кармен, Исла-Мухерес, Энсенада, Гуаймас, Мансанильо, Акапулько	Мехико, Сумпанго-дель-Рио, Истепек, Косумель, Сапопан, Тустла-Гутьеррес, Мерида, Ла-Пас, Кулььякан, Чиуауа, Аподака, Сан-Хуан-Баутиста-ла-Райя	Мехико
Куба	Гавана, Сантьяго-де-Куба, Матансас (командование, развернуты повсеместно)	Гавана	Гуане (база Сан-Хулиан), Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Пинар-дель-Рио (база Ла-Колома), Санта-Клара, Сьенфуэгос, Ольгин, Сантьяго-де-Куба, Каймито	Гавана

Доминиканская Республика	Санто-Доминго, Сантьяго, Сан-Хуан-де-ла-Магуана, Барахона, Сан-Педро-де-Макорис	Санто-Доминго, Кальдерас	Байя-де-лас-	Санто-Доминго, Пуэрто-Плата

Таблица 12. Регионы Латинской Америки с ослабленным силовым контролем

Регион	Характеристика военно-стратегических условий	Единицы АТД, входящие в состав данного региона
Бассейн Амазонки	Слабая транспортная освоенность, удаленность от крупнейших экономических центров, тяжелые природные условия, наличие двух крупных военных баз: Икитос (Перу) и Манаус (Бразилия)	Боливия: Пандо, Бени, северная часть Ла-Пас и Санта-Крус. Перу: Мадре-де-Дьос, Укаяли, частично Амасонас, Сан-Мартин, Уануко, Куско, Хунино, Паско. Эквадор: Морона-Сантьяго, Пастаса, Орельяна, Напа. Колумбия: Амасонас, Какета, Касанаре, Ваупес, Гуавьяре, Гуайния, Вичада, Мета. Венесуэла: Амасонас, большая часть штата Боливар. Бразилия: Мату-Гросу, Амазонас, Пара, Рондония, Акри, Рорайма, Амапа, Токантинс.
Центральные Анды и Атакама	Удаленность от крупных экономических центров, тяжелые природные условия	Боливия: Потоси, Чукисака, Тариха. Чили: Атакама, Кокимбо. Аргентина: Жужуй, Сальта, Сантьяго-дель-Эстеро, Катамарка, Ла-Риоха.
Аргентинская Патагония	Удаленность от крупных экономических центров, слабая заселенность территории	Аргентина: Ла-Пампа, Рио-Негро, Санта-Крус, Огненная Земля, Неукен.

Таблица 13. Расовая композиция венесуэльцев по штатам

Штат	Метисы	Бланкос	Негро	Другие	Штат	Метисы	Бланкос	Негро	Другие
Венесуэла	51,6	43,6	2,8	0,7	Гуариико	60,4	32,8	5,5	0,3
Амасонас	48,1	44,7	3,8	1,8	Лара	54,8	41,9	2,0	0,3
Ансоатеги	54,9	40,0	3,5	0,4	Мерида	42,5	53,7	0,8	0,3

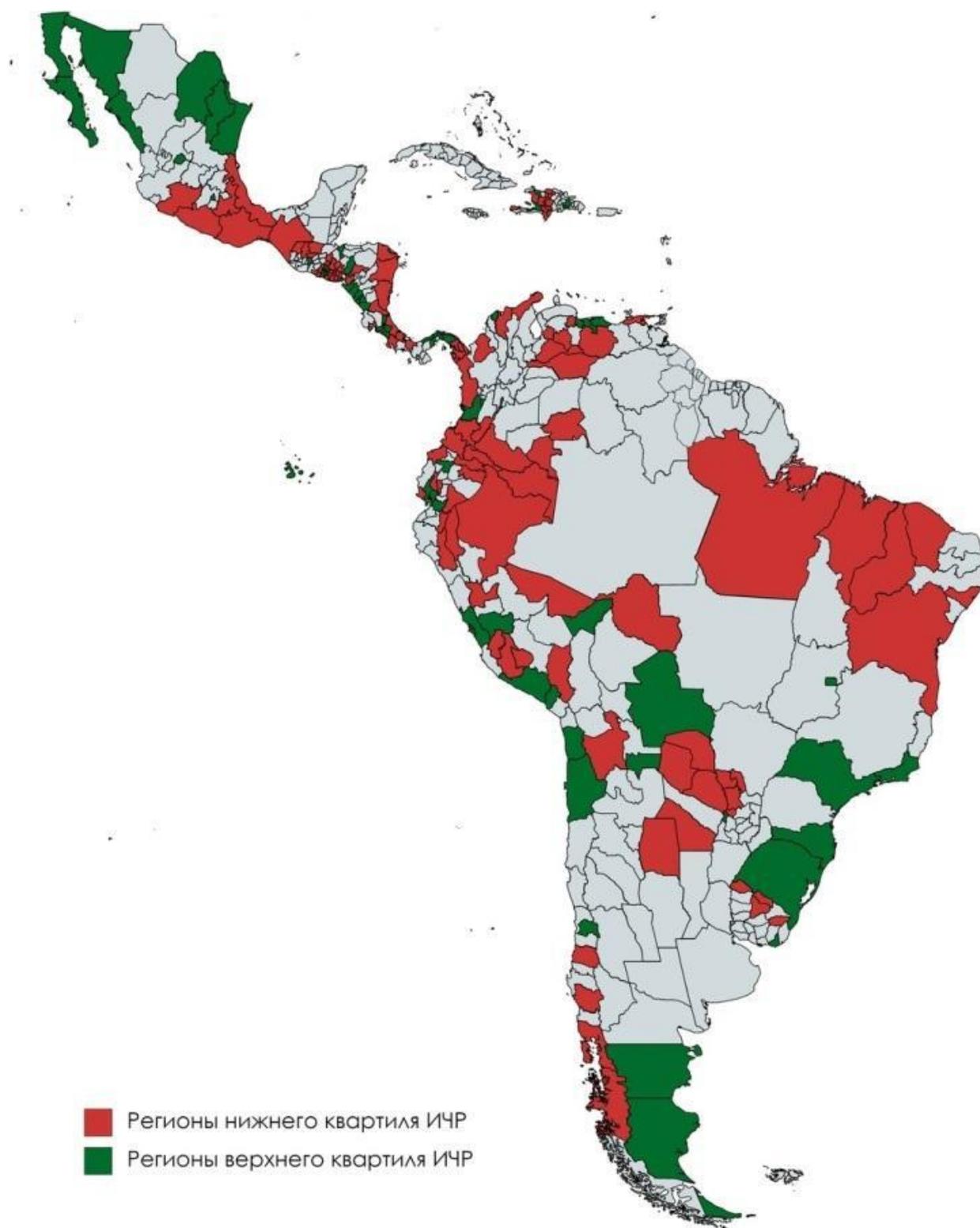
Апуре	63,5	30,2	5,3	0,2	Миранда	48,0	45,8	3,6	1,6
Арагуа	51,9	43,4	2,4	1,2	Монагас	54,8	38,8	3,8	0,8
Бариньяс	54,1	41,9	2,4	0,2	Нуэва-Эспарта	49,1	47,1	2,0	0,5
Боливар	55,1	39,2	3,7	0,4	Португеса	58,4	37,0	3,3	0,2
Карабобо	53,0	42,7	2,5	1,0	Сукре	54,7	38,5	4,4	0,5
Кохедес	59,2	35,6	3,8	0,4	Тачира	38,6	58,8	0,6	0,2
Дельта-Амакуро	54,8	36,5	6,2	0,8	Трухильо	49,6	48,3	1,1	0,2
Федеральные владения	51,7	42,9	3,6	0,8	Яракуй	58,4	35,5	4,0	0,9
Федеральный округ	44,3	51,2	2,3	1,0	Сулия	50,3	46,3	2,3	0,5
Фалькон	55,7	38,9	4,1	0,7	Варгас	48,1	44,7	3,8	1,8

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Карта 1. Регионы, имеющие опыт дезинтеграции в прошлом

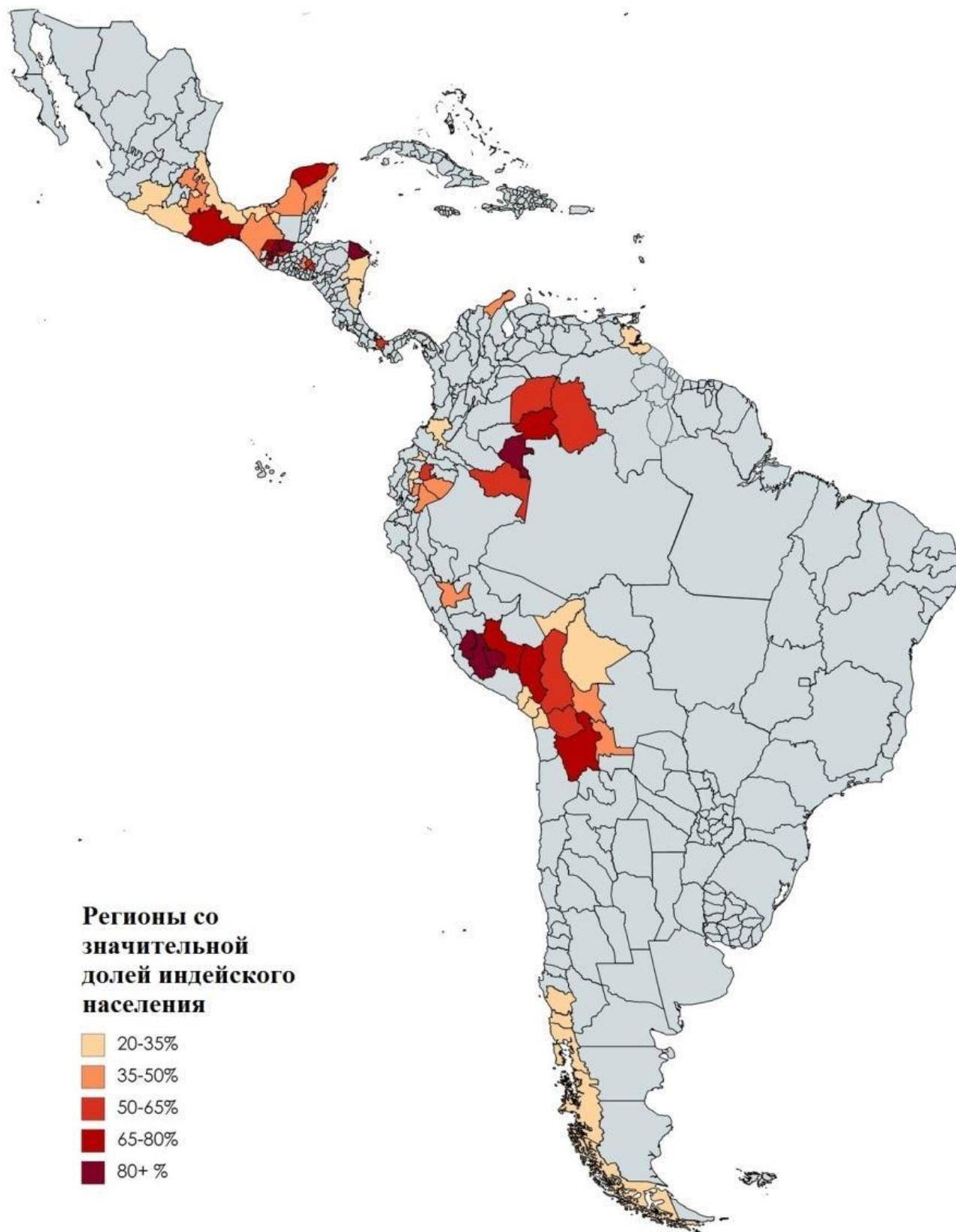
Карта 2. Регионы верхнего и нижнего квартилей по уровню индекса человеческого развития по соответствующим странам

Карта 3. Регионы с устойчивыми отклонениями в электоральных предпочтениях населения

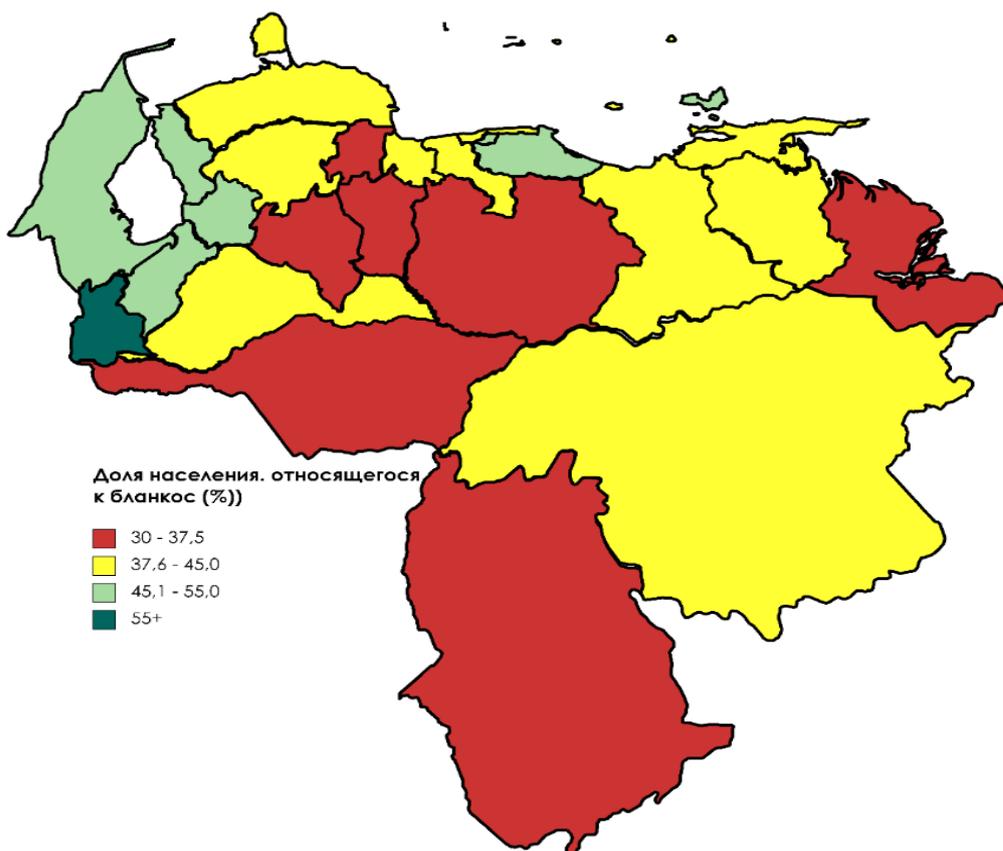
Карта 4. Регионы со значительной долей индейского населения (более 20%)

Карта 5. Электорально-географическая структура Мексики в XXI веке

Карта 6. Доля населения, относящегося к бланкос, по штатам Венесуэлы

Карта 7. Доля индейцев по штатам Мексики

